

Академия наук СССР
Башкирский филиал
Институт истории, языка и литературы

В. С. СТОКОЛОС

Культура населения бронзового века Южного Зауралья

(хронология и периодизация)



Издательство «Наука»

Москва 1972

Памятники древней культуры Южного Зауралья давно привлекали внимание исследователей. Однако спорные и неясные вопросы по проблемам памятников андроновского типа были далеки от разрешения. Автор на основе анализа огромного археологического материала приходит к выводу о принадлежности памятников Федоровского, алакульского и замараевского типов, рассматривавшихся раньше как этапы единой андроновской культуры, к разным археологическим культурам. В книге обосновывается новый взгляд на периодизацию и хронологию бронзового века Южного Зауралья.

Ответственный редактор

доктор исторических наук Н. Я. МЕРПЕРТ

Владимир Савельевич Стопалос

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

*Утверждено к печати Институтом истории, языка и литературы
Вашкирского филиала Академии наук СССР*

Редактор издательства А. Е. Сидоренко

Художник Л. С. Кассис. Художественный редактор В. Н. Тихунов
Технический редактор Ф. М. Хенос

Сдано в набор 20/XII 1971 г. Подписано к печати 5/IV 1972 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 1250.
Т-05037. Тип. зак. 3191. Бумага № 2. Цена 61 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

Южное Зауралье лежит к востоку от Уральского хребта, в пределах современных Челябинской и части Оренбургской областей.

Господствующим ландшафтом этих пространств является степь и лесостепь. Лесов здесь мало. Они сохранились лишь в горной полосе. Природные условия края — сырьевые богатства (множество различных пород камня, месторождения меди, золота), открытый, лишенный естественных преград рельеф местности, — стимулировали в древности сложение оживленных связей аборигенов с племенами Приуралья, Сибири, Поволжья, Казахстана. Были какие-то и чисто внешние мотивы притока инोकультурного населения в Зауралье. Привнесенное со стороны, глубоко проникнув в жизнь данного народа, становится достоянием последнего, меняя так или иначе первоначальный облик его культуры. Все это вместе взятое стало причиной, приведшей к проникновению и смешению признаков материальной культуры древних народов и пестроте в составе населения. Дошедшие до нас археологические памятники несут на себе печать того времени. Содержимое их культурных слоев, как правило, состоит из вещей различного происхождения.

Известна и другая причина «пестроты» находок на памятнике: различного происхождения вещи попадали сюда неодновременно, в ходе контактов, а в итоге повторного использования территории поселения или кладбища. В Зауралье возможны как строгая очередность наблюдаемых нами слоев (ниже — более древний, выше — более молодой слой), так и ее отсутствие, т. е. смешение по разным причинам слоев по вертикали. Последнее характерно для множества зауральских памятников.

Вскрыть историю формирования того или иного памятника — важная и нелегкая задача исследователя, усложненная в условиях Зауралья отсутствием памятников с четкой стратиграфией.

Во многом близкая картина наблюдается к югу, западу и востоку от Зауралья, там, где существовали сходные географические условия. «Динамика исторического процесса в степной полосе,— пишет Н. Я. Мерперт о срубных племенах,— темп и сложность его обуславливают особые трудности изучения этой территории. Огромные пространства, частые перемещения племен значительно затрудняют определение границ культурных областей и конкретных археологических культур, оставленных этими племенами. Отсутствие многослойных поселений (обусловленное теми же причинами) делает весьма сложной проблему относительной и абсолютной хронологии»¹. Тем не менее ориентировка на хронологические реперы южнорусских степей, изученные несравненно лучше уральских, безусловно необходима. Южные степи Поволжья и Причерноморья по материальной культуре и историческим судьбам важны для нас и своей близостью с Южным Зауральем (особенно в пограничных зонах).

Не менее важны также связи населения Зауралья с родственными племенами к востоку, селившимися на просторах Казахстана и Сибири. К сожалению, материал, освещающий интересующую нас сторону этих связей, пока беден.

Объектом исследования выбрано Южное Зауралье, однако географические рамки здесь — лишь приблизительный контур, все зависит от проблематики и вытекающих из нее задач.

При всей определенной узости взятой нами темы — вопросы хозяйства, общественного устройства, идеологии не рассматриваются — мы сознаем ее значение. Общеизвестно, что периодизация и хронология служат тем скелетом, на котором держатся все увлекательные историко-культурные построения.

Для бронзового века Зауралья в свое время утвердилась периодизация, разработанная К. В. Сальниковым. Три хронологических этапа этой периодизации (федоровский, алакульский, замараевский) считались и считаются рядом исследователей до сих пор веками развития одной культуры — андроновских племен, представлявших, по мнению этих исследователей, основное население Зауралья с XVIII по VIII в. до н. э.

С тех пор прошло немало времени, в течение которого источноведческая база по бронзовому веку Зауралья обогатилась

¹ Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы Европейской части СССР. «Энеолит Европы». Прага, 1961, стр. 161.

в количественном и качественном отношении, накопленный материал вступил в противоречие со старой схемой, казавшейся до сих пор незыблемой. Попытки исследователей преодолеть эти противоречия, а также наши собственные наблюдения привели нас к необходимости отказаться от концепции К. В. Сальникова и приступить к разработке новой периодизации. Последнее, в свою очередь, заставило нас пересмотреть вопросы культурной принадлежности памятников. Памятники, которые рассматривались раньше как три этапа одной культуры (федоровский, алакульский, замараевский), мы относим к самостоятельным культурам. Они разграничиваются территориально: алакульская — в Зауралье, Оренбуржье и на большей части Казахстана; замараевская (или черкаскульская, что одно и то же) — в основном в лесных районах Зауралья. Сложнее обстоит дело с третьим типом. Достоверно чистые федоровские памятники неизвестны в Зауралье, да и в прилегающих районах. Но то, что мы знаем — особый тип погребений, своеобразная керамика, — оригинально и должно по-прежнему считаться особым типом, за которым удобнее, как нам представляется, закрепить термин «андроновский», присвоенный в свое время С. А. Теплоуховым именно такого облика керамике.

В Зауралье нами различаются два хронологических этапа, через которые проходит население этого района в бронзовом веке: алакульский — ранний и замараевский — поздний, одновременный второму периоду срубной культуры. Начало замараевского периода, по нашей схеме, совпадает с появлением в Зауралье андроновского (федоровского) и абашевского населения. Складывается пестрая картина этнического состава Зауралья, наложившая отпечаток на характер зауральских археологических памятников. На смену «чистым» комплексам появляются смешанные, с преобладанием тех или иных черт.

Предлагаемый нами новый взгляд на узловые вопросы бронзового века Зауралья подготавливался всем ходом исследований не только на рассматриваемой территории, но и за ее пределами. Попытки территориальной дифференциации андроновского материала впервые были предприняты С. С. Черниковым². От традиционного взгляда на андроновскую культуру существенно отошли исследователи Приуралья К. Ф. Смирнов, Э. А. Федорова-Давыдова, М. Г. Мошкова, впервые высказавшие мысль о

² С. С. Черников. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. КСИЭ, вып. XXVI, 1957.

разноэтничности алакульских и федоровских племен и локализации последних в лесостепном Зауралье³.

В последние годы К. В. Сальников также был склонен к пересмотру созданной им схемы. Это можно видеть хотя бы по тому, что ранний этап своей периодизации в его первоначальном виде он уже не признавал реальным для всей территории андроновской культуры, ссылаясь в качестве примера на Южное Приуралье, где чистых федоровских памятников нет⁴.

Бронзовый век в истории первобытности не является периодом, исключительным по важности. Но история археологических исследований в Зауралье сложилась так, что по данному периоду накоплено и накапливается относительно большее, чем по другим, количество источников. А это не может не отразиться как на количественном, так и на качественном уровне наших знаний в целом, требующих время от времени пересмотра и уточнения прочно утвердившихся мнений.

В книге не ставится цель представить исчерпывающе источниковедческую базу по бронзовому веку Зауралья. Такая работа уже выполнена К. В. Сальниковым в его последней монографии «Очерки древней истории Южного Урала». Что касается материалов, послуживших в свое время отправными в формировании концепции К. В. Сальникова, то мы стремились использовать их с максимальной полнотой и тщательностью, так как от их интерпретации зависит представление о правомерности старых и новых воззрений на андроновскую проблему в целом.

Настоящая книга введет в научный оборот еще не публиковавшиеся археологические источники, собранные в течение многолетних полевых работ, периодически организуемых музеями и научными учреждениями Урала под руководством автора.

Автор выражает глубокую благодарность организаторам экспедиций и признательность энтузиастам — студентам, школьникам, педагогам — неперенным участникам всех наших полевых исследований. Считаю также своим приятным долгом высказать благодарность Валентине Ивановне Фоминой — верному товарищу и надежному помощнику в наших многолетних экспедиционных буднях.

³ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. СА, 1, 1961; М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Лавыдова. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. КСИА, вып. 101, 1967.

⁴ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

История проблемы периодизации и хронологии бронзового века Зауралья

Настоящий обзор мы начнем с памятников андроновской культуры, которая, по мнению многих исследователей, занимала огромную территорию степей и лесостепей к востоку от Уральского хребта, включая сибирские пространства вплоть до р. Енисея, Казахстан и Южное Приуралье.

Открытие андроновской культуры связано с именем С. А. Теплоухова¹, впервые описавшего, систематизировавшего и введшего в научный оборот все известные тогда источники о названной культуре. Остановиваясь на характеристике керамического материала (основном источнике для своих выводов), С. А. Теплоухов выделил две группы посуды — простую банку со сплошной орнаментацией (иногда и дна) и сосуды с выпуклыми стенками и геометрической орнаментацией, главным образом верха, выполненной оттисками мелкозубчатого штампа, линиями или резьбой. Руководствуясь этими признаками, им были также впервые намечены пределы известных тогда андроновских памятников. На востоке они ограничивались р. Енисеем, а на юго-западе — верховьем Иртыша (на притоке Иртыша Кызыл-Су), где В. И. Каменским был частично раскопан могильник Малый Койтас. Внутри каменных оградок в десяти вскрытых погребениях, кроме украшений и других вещей, находились сосуды, аналогичные второй группе из енисейских андроновских памятников.

Со ссылками на раскопки А. Гейкеля, производившиеся в 1893 г. возле г. Кургана, и Ю. П. Аргентовского — у г. Петро-

¹ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2. Л., 1927, стр. 57—112.

павловска в 1911 г., С. А. Теплоуховым была определена северо-западная граница андроновской культуры. В 50 верстах к северу от г. Орска С. А. Теплоухов отмечал самый западный (не названный им) могильник андроновской культуры.

Визуально определяя восточную границу андроновской культуры по р. Енисею, С. А. Теплоухов, однако, отмечал, что андроновских памятников в пределах Минусинской котловины меньше, нежели к западу. Это дало ему основание предположительно рассматривать Минусинский край как восточную окраину данной культуры². Однако признание происхождения андроновской культуры от афанасьевской (в другом месте цитируемой работы) как будто не согласуется с первым тезисом.

Оперируя небольшими и неполными материалами, собранными с огромной территории, С. А. Теплоухов все же заметил в орнаментации посуды некоторых западных андроновских памятников (Петропавловский и Чаглинский могильники) новые элементы. К ним были отнесены: зигзаги с ямками на вершинах, крестики в придонной части посуды, пояски с зигзагообразными фестонами в верхней части, заштрихованные вертикальными линиями, линейные или пунктирные узоры и цепочки ромбов с сеткой на внутреннем поле³. Таким образом, факт отличия западных керамических комплексов от восточных, минусинских, был констатирован.

Одновременно с раскопками С. А. Теплоухова могильники эпохи бронзы исследуются М. П. Грязновым на западе, в оренбургских степях, на реках Терекле и Киргильде. Памятники были отнесены к андроновской культуре в ее западном варианте, но по несколько иным, чем у С. А. Теплоухова, признакам: по особенностям устройства погребений под курганными насыпями, по преобладанию баночной формы глиняной посуды, в которой граница между шейкой и плечиками часто подчеркнута резкой гранью, и орнамента, состоящего приблизительно из тех же элементов, что и на востоке, но в несколько иных сочетаниях и с иным расположением орнаментальных зон⁴. Поддерживая деление андроновской керамики на два типа, М. П. Грязнов отмечал тогда редкие случаи исключения из правила — бытование восточного типа сосудов в Зауралье⁵. Было обращено также внимание на сходство андроновской культуры со срубной, сеймен-

² С. А. Теплоухов. Указ. соч., стр. 90.

³ Там же, стр. 87.

⁴ М. П. Грязнов. Казаки. «Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик», вып. 11. Л., 1927, стр. 196, 199.

⁵ Там же.

ской, отчасти с маклашеевской и кобанской. В частности, эта близость отмечается в форме надмогильных сооружений — курганов, широко распространенных в южнорусских степях, и небрежной манере орнаментации сосудов, асимметрии (срубное влияние). Использование в орнаментике треугольников и ромбов, изготовление очковых подвесок, по мысли М. П. Грязнова, приближает андроновскую культуру к кобанской. Сходство с сейменской культурой отмечалось на основе близости орнаментов сейменских кельтов и андроновских сосудов⁶.

Связи андроновских комплексов с западными культурами позволили М. П. Грязнову датировать их, в соответствии с хронологической шкалой Тальгрена, временем существования сейменской и кобанской культур, т. е. 1400—1100 гг. до н. э.⁷ По-видимому, приведенная датировка прежде всего касалась западных андроновских памятников, но поскольку оба варианта, по наблюдениям М. П. Грязнова, имели много общего, то восточные андроновские памятники косвенно датируются этим же временем.

Так же синхронно со срубной, хвалынской и другими культурами юга рассматривал андроновскую культуру и С. А. Теплоухов, начальную дату которой он относил (без приводимых доказательств) к первой половине II тыс. до н. э.⁸

Исторические связи степных культур Евразии эпохи бронзы подверглись подробному разбору О. А. Кривцовой-Граковой на материалах Алексеевского поселения, могильника и жертвенного места. Так широко и комплексно андроновские памятники исследовались впервые.

На основе анализа керамических изделий О. А. Кривцова-Гракова пришла к выводу, что все три памятника возникли одновременно, оставлены одним и тем же коллективом людей андроновской культуры в ее западном варианте⁹.

Считая, вслед за С. А. Теплоуховым и М. П. Грязновым, главным отличием андроновской керамики западного варианта уступчатое плечо, О. А. Кривцова-Гракова все же вкладывает в это определение свое содержание. Алексеевский комплекс памятников, составляющий единое целое, оказался неоднородным

⁶ Там же, стр. 202.

⁷ Там же, стр. 210.

⁸ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 43.

⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII. М., 1948, стр. 126.

по материалу. Здесь в погребениях и на поселении обнаружилась группа керамики, которая действительно аналогична западноандоновской: мелкозубчатый штамп, сложные изящные фигуры, лощение. Но наряду с нею большинство посуды было орнаментировано линейными узорами: резьба, протасченная гребенка, что несвойственно андроновской посуде ни в западном, по М. П. Грязнову, ни в восточном вариантах. Эта группа керамики составляла, по словам О. А. Кривцовой-Граковой, большинство в Алексеевском могильнике и более трети на жертвенном месте. Ее культурную принадлежность она не выясняла, но склонна была видеть в линейной орнаментации данной группы пережиточное явление добронзового периода¹⁰. О. А. Кривцова-Гракова выделила два типа горшков: один — с плавным профилем, второй — с уступчатым плечом и предположила, что первый тип хронологически предшествует второму. Отмеченный признак позволил ей отнести Кожумбердынский могильник и Челябинские курганы, раскопанные С. Н. Дурылиным, к раннему этапу, а Алексеевский могильник и близкие ему (содержащие уступчатую керамику) могильники на реках Терекле и Киргильде — к следующему, более позднему этапу.

Вторым датирующим признаком андроновских памятников (а также и срубных) был назван баночный горшок простейшей формы, близкий по времени к остросереберным сосудам типа афанасьевских на востоке и ямных на западе¹¹. Но нетрудно заметить, что памятники, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, ранние — Кожумбердынский могильник, Челябинские курганы, баночной посуды не содержат. Зато она есть в поздних памятниках: в могильниках Алексеевском, а также тереклинских и киргильдинских.

С применением перекрестных датировок, аналогий с сосновомазинскими бронзами и карасуком был установлен абсолютный возраст всего Алексеевского комплекса — X—VIII вв. до н. э., совпадающий по времени со вторым этапом развития срубной культуры¹².

Не только металлический инвентарь, но и керамический комплекс — валиковая посуда с поселения и валиковый сосуд из могильника — подтверждали датировку. Следует подчеркнуть, что предложенная дата касалась всего комплекса памятников и всех типов керамики, поскольку разнородный материал, вся керамика

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 129.

¹¹ Там же, стр. 152, 155; она же. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 21.

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 132, 162, 163.

залегали совместно внутри жилищ, в зольниках и на межземляночных участках ¹³.

Данное обстоятельство вовсе не исключало бытования в Алексеевском комплексе и более ранних форм посуды, доживающих до появления валиковой и сосуществующих с последней. Ранними формами О. А. Кривцова-Гракова считает оба типа безваликовой посуды, на базе которых, особенно баночного горшка с уступчатым плечом, возникла посуда с налепными валиками и выпуклым раздутым корпусом ¹⁴. Это единство керамики отражает процесс развития одной и той же культуры, названной позднеандроновской. Алексеевский комплекс свидетельствует о ее завершающем этапе (при абсолютной датировке — X—VIII вв. до н. э.) ¹⁵.

Таким образом, для андроновских памятников, подобно срубным, характерны два этапа. Своеобразием первого из них являлось более дробное деление его еще на два периода (признак раннего — баночная посуда, позднего периода — посуда с уступчатым плечом).

Впоследствии, уже после опубликования взглядов К. В. Сальникова на периодизацию зауральской бронзы, О. А. Кривцова-Гракова заменила трехступенчатую схему на двухступенчатую — на первой ступени — доваликовая и на второй — валиковая керамика. Посуда с уступчатым плечом была отнесена ко второму периоду и оказалась синхронной валиковой керамике ¹⁶, а горшки с плавным профилем были отнесены к первому периоду, хотя, по мнению исследовательницы, какое-то время продолжали существовать и в период валиковой керамики. Это подтверждается раскопками К. В. Сальниковым Ново-Буринского поселения, на котором, по О. А. Кривцовой-Граковой, в нерасчлененном слое, т. е. синхронно, залегала разнотипная керамика — с плавным профилем и валиковая. Отрицая промежуточную стадию (алакульскую), выделенную К. В. Сальниковым, О. А. Кривцова-Гракова этот тип посуды помещает в рамках второй стадии ¹⁷. Но новый взгляд на периодизацию зауральской бронзы не утвердился.

Вплоть до настоящего времени памятники андроновской культуры подразделяются во времени согласно схеме, разработанной

¹³ Там же, стр. 132.

¹⁴ Там же, стр. 132, 133.

¹⁵ Там же, стр. 163.

¹⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА, № 21, 1951, стр. 180.

¹⁷ Там же, стр. 178, 180.

К. В. Сальниковым. Долголетние и успешные исследования по бронзовому веку Урала и прилегающих территорий снискали К. В. Сальникову имя крупнейшего знатока андроновской проблемы. Разработанная им трехступенчатая периодизация существенно напоминает первоначальную схему О. А. Кривцовой-Граковой, но имеет и свои несомненные преимущества. По этой периодизации впервые обстоятельно характеризованы и выделены типы (всего три) памятников, соответствующие сменяющим друг друга хронологическим этапам, дана развернутая характеристика археологических материалов и этапов. К. В. Сальников обратил внимание на передкие случаи соседства в узколокальном районе (Челябинском) двух типов погребений — сожжения и трупоположения. Резкое отличие обрядов и отсутствие случаев сосуществования обрядов на одном памятнике привело его к выводу об их неодновременности. Могильный инвентарь этих погребений (в основном глиняная посуда) также резко своеобразен. Трупосожжения сопровождается посуда горшечной формы с лощеной поверхностью, с плавным профилем, богатой, изящной орнаментацией, выполненной зубчатым штампом, сплошь покрывающей верхнюю часть сосуда. Эта керамика аналогична восточноандроновским горшкам.

Посуда из могил с трупоположением имеет преимущественно баночную форму, часто с резким перегибом (уступом) в профиле, в основном линейную и резную геометрическую орнаментацию. Она покрывает поверхность не сплошь, как в первом случае, а зонами. Почти всегда в глине этих горшков содержится тальк¹⁸. Данный тип посуды уже получил общую характеристику в работе М. П. Грязнова и был им отнесен к западноандроновскому варианту, более полную и четкую характеристику которому дал К. В. Сальников.

Таковы главные черты и отличия двух типов погребений. Но оставалось неясным хронологическое соотношение обрядов и типов керамики. Ответ был найден на селище Кипель, раскопки которого дали К. В. Сальникову основание считать, что оно двухслойное: первый слой с керамикой восточноандроновского облика является на памятнике первоначальным, а второй слой, содержащий керамику с уступчатым плечом и линейной орнаментацией, отложился позднее¹⁹.

¹⁸ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 109—114.

¹⁹ К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. — «Первое Уральское археологическое совещание». Пермь, 1948, стр. 25.

Слой с ранней керамикой был отнесен к первому этапу андроновской культуры, названному федоровским по имени могильника с характерной посудой и обрядом сожжения покойника ²⁰. Второй слой характерен для второго этапа, названного алакульским также по имени могильника с обрядом трупоположения и с горшками с уступчатым плечом ²¹.

Третий, заключительный этап, выделен на основе материалов Замараевского поселения, в культурном слое которого вместе с посудой двух ранних этапов залегала керамика с валиками и воротничками. Некоторое сходство орнамента последней с посудой предыдущих этапов позволило К. В. Сальникову считать ее родственной им, а наличие поздних признаков, валиков и воротничков — поставить данный тип позднее первых. О поздней дате валиковой замараевской керамики говорило и ее распределение на селище как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении ²². К. В. Сальников считал, что керамика замараевского типа отложилась на поселении позже на одно-два столетия после того, как первоначальное поселение с более ранней керамикой перестало существовать ²³.

Для замараевского этапа известно весьма ограниченное, в пределах десятка, число погребений по способу трупоположения. Все они происходят из одиночных курганов. Одно из них (могильник Урал-сай) — даже впускное. К. В. Сальников объясняет малочисленность замараевских погребений переходным характером эпохи — от оседлости к кочевничеству ²⁴. Может быть, это и так. Но для привязки погребений к поселениям все же нет достаточно убедительных фактов. Керамика из погребений, к тому же очень малочисленная, совсем иная, чем на поселениях. Трудно представить, чтобы грубая, почти лишенная орнамента посуда из погребений и великолепные нарядные горшки с замараевских поселений вышли из рук одних и тех же мастеров.

Абсолютная датировка трех этапов обосновывалась аналогиями с андроновскими памятниками Минусинского района (федоровский этап) — середина и вторая половина II тыс. до н. э.; датировка второго (алакульский этап) определялась по аналогии

²⁰ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки. МИА, № 1, 1940; он же. К вопросу о стадиях..., стр. 23; он же. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 114.

²¹ К. В. Сальников. К вопросу о стадиях..., стр. 26; он же. Курганы на озере Алакуль, МИА, № 24, 1952; он же. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 114.

²² К. В. Сальников. К вопросу о стадиях..., стр. 46.

²³ Там же.

²⁴ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 350.

с карасуком — XI—IX вв. до н. э. и третьего (замараевский этап) — по аналогии с раннескифскими и хорезмийскими (амирбабдскими) комплексами — VIII—VII вв. до н. э.²⁵

Хронологические рамки андроновской культуры в общем встретили поддержку. Но уже почти вслед за этим была предложена новая начальная датировка андроновской культуры — XVII в. до н. э.²⁶ А несколько позднее В. Н. Чернецов «омолодил» начало сложения этой культуры, отодвинув его во вторую половину II тыс. до н. э.²⁷

Федоровский и алакульский типы посуды, по существу, соответствуют первым двум группам горшков, выделенным О. А. Кривцовой-Граковой. И замараевская посуда тоже очень близка валиковой посуде Алексеевского поселения. К. В. Сальников, наделая все три этапа хронологическими признаками, отрицал вывод О. А. Кривцовой-Граковой о доживании на Алексеевке ранних форм керамики до позднего этапа, считая этот памятник многослойным. Уловить стратиграфию Алексеевки пытались А. М. Оразбаев²⁸ и М. Н. Комарова²⁹ путем сравнения размеров фрагментов алакульской и замараевской посуды. По их мнению, алакульские черепки были более мелкими, чем замараевские, т. е. они подверглись большему разрушению — были раздавлены в результате вторичного заселения этого места позднее, в замараевское время. В духе изложенных рассуждений следовало бы признать и выделить третий, наиболее ранний слой с федоровской керамикой и считать, таким образом, Алексеевку трехслойным памятником. Однако наблюдения О. А. Кривцовой-Граковой, исследовавшей в течение ряда лет этот памятник, решительно отрицают хронологическую последовательность отложения типов керамики в культурном слое поселения в любой его точке³⁰.

Периодизация К. В. Сальникова, первоначально касавшаяся зауральских памятников, вскоре далеко шагнула за намеченные пределы. Ею стали руководствоваться в исследованиях андронов-

²⁵ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 119, 120.

²⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 40; С. С. Черников. Поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, вып. 53, стр. 29—49.

²⁷ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953.

²⁸ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5. Алма-Ата, 1958, стр. 278.

²⁹ М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. «Археологический сборник», вып. 5. Л., 1962, стр. 70, 71.

³⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 132.

ской культуры от Урала, Казахстана до Восточной Сибири включительно.

Против универсального следования схеме периодизации К. В. Сальникова выступил в 1957 г. С. С. Черников. Им была отмечена закономерность тяготения определенного типа андроновских памятников к ограниченной территории. Таковы, например, алакульские памятники, известные на западе и в Центральном Казахстане, но отсутствующие в Восточном Казахстане, где развитие шло своим путем. Наблюдение С. С. Черникова в равной мере коснулось и остальных этапов андроновской культуры. Утверждаемые им хронологические, территориальные и этнографические различия андроновских территорий³¹, по существу, ставили вопрос об обосновании для каждой из них собственной схемы периодизации и связанных с нею вопросов. Факты говорили в пользу взгляда, высказанного С. С. Черниковым. Например, в восточных районах на многослойных памятниках (Мало-Красноярка, Трушниково, Ирмень) федоровские слои перекрываются не алакульскими, а карасукскими комплексами³². Алакульских памятников здесь нет. В западных районах многие исследователи, в том числе К. В. Сальников, отмечали господство алакульских и отсутствие ярко выраженных федоровских памятников, что не может быть объяснено лишь слабой изученностью района³³.

Однако в то время С. С. Черникова никто не поддержал. По-прежнему считалось, что памятники трех этапов, по К. В. Сальникову, будут открыты повсеместно. Противоречивым защитником своей схемы до конца оставался К. В. Сальников. Утверждая о ее неизменности, он в то же время (в последние годы) полагал, что в южных районах Зауралья (от широты г. Магнитогорска) алакульской ступени предшествовали не федоровские, а полтавкинские памятники³⁴.

В 1959 г. К. В. Сальников выступил с поправкой хронологии этапов своей схемы³⁵. Основанием послужило совместное нахождение на поселении Береговское I алакульской и раннесрубной керамики. Дата последней по пережиточным чертам предшествую-

³¹ С. С. Черников. Роль андроновской культуры..., стр. 30; он же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 94.

³² М. Н. Комарова. Указ. соч., стр. 72.

³³ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 301.

³⁴ Там же, стр. 309, 325.

³⁵ К. В. Сальников. О датировке культур эпохи бронзы в Юго-Западной Башкирии. «Научные исследования исторического факультета Уральского университета за 1958 учебный год». Свердловск, 1959; он же. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, стр. 32.

щей ей по времени полтавкинской культуры (шнуровой орнамент) определялась XVI—XV вв. до н. э. и, таким образом, удревняла время существования и керамики алакульского типа, и одноименного хронологического этапа. Соответственно был автоматически отодвинут в пределы первой половины II тыс. до н. э. и федоровский этап³⁶, как того и требовала установленная на Кипельском селище относительная хронологическая последовательность федоровского и алакульского типов керамики.

Важные сведения, касающиеся основ периодизации К. В. Сальникова, были получены экспедицией ИА АН СССР под руководством К. Ф. Смирнова близ с. Кумак (Оренбургская область). В погребении курганной группы «Близнецы» оказался чрезвычайно интересный комплекс из металлических вещей и посуды. Один из сосудов, по мнению Э. А. Федоровой-Давыдовой, исследовавшей этот памятник, — федоровского типа, второй — типично алакульский. Они датируются совместно найденным копьем сейменского типа и срубным ножом ранней формы, т. е. XV—XIII вв. до н. э.³⁷

Необходимо упомянуть и об абсолютной датировке, произведенной по древесным остаткам из хозяйственной ямы поселения Бабарыкино II, связанной с жилищем 4 алакульского времени. Эта дата определена XV—XIV вв. до н. э.³⁸

Получил удревнение до XVIII в. до н. э. и федоровский этап. Обоснованием новой даты послужил бронзовый дротик из кургана близ с. Смолино (район г. Челябинска), лежавший совместно с федоровской керамикой. Пропорции дротика (превосходящая длина втулки над пером) натолкнули К. В. Сальникова на аналогии с длинновтульчатыми турбинскими копьями. Последним, по его мнению, предшествовали копия с кованой втулкой (балановские, Ош-Пандо) — XIX—XV вв. до н. э. Они могли служить прототипом смолинскому дротику³⁹.

Передатировка федоровского этапа отрицает, таким образом, восточноандроновские аналогии, служившие К. В. Сальникову основой при первоначальном датировании федоровских материалов в Зауралье. С другой стороны, серьезное хронологическое сбли-

³⁶ К. В. Сальников. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 12.

³⁷ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. «Археологический сборник». — «Труды ГИМ», вып. 37. М., 1960, стр. 56, 59.

³⁸ «Абсолютная геохронология четвертичного периода». Комиссия по изучению четвертичного периода. М., 1963, стр. 147; К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 316, 317.

³⁹ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 315, 325.

жение федоровских комплексов с памятниками зауральского энеолита и неолита (с учетом утверждения К. В. Сальникова о местной основе федоровского этапа) подразумевает достаточно явную преемственность в материальной культуре. Однако ничего подобного здесь не наблюдается. Стоянки Кысыкуль, Бабарыкино II, Чебаркуль I, Абселямовка не имеют признаков, близких федоровской традиции гончарства. Керамика самого раннего, по К. В. Сальникову, Федоровского могильника также несопоставима с названными памятниками. Интересно поселение Бабарыкино II, расположенное на общей с Кипелью и Федоровским могильником территории. В нем наряду с бабарыкинской керамикой раннебронзового века найдены алакульские и федоровские фрагменты. Нетрудно заметить здесь элементы сходства между алакульской и бабарыкинской посудой⁴⁰ (баночная форма горшков, резные треугольники и зигзаги) и отсутствие его при сопоставлении бабарыкинской и федоровской керамики.

К. В. Сальниковым передатированы и замараевские памятники. С учетом возраста ряда металлических вещей и валиковой замараевской керамики, последний этап андроновской культуры в Зауралье отнесен к XII—VIII вв. до н. э.⁴¹

Схема К. В. Сальникова подвергалась критике и со стороны ее последователей. В. С. Сорокин, обосновывая дату исследованного им памятника (могильник Тасты-Бутак), справедливо полагает, что возраст андроновских памятников должен определяться по степени наличия в них архаичных (федоровских) черт⁴². Чем моложе памятник, тем меньше этих черт. Рассуждая так, В. С. Сорокин допускает даже более молодой возраст Алакульского могильника по сравнению с Алексеевским, на посуде которого есть еще (правда, редкие) элементы федоровского этапа, но в конце концов считает оба памятника синхронными⁴³.

Алексеевский комплекс датирован X—VIII вв. до н. э. по найденным здесь вещам (косарь, литое втульчатое долото), аналогичным сосновомазинским⁴⁴. За последние годы обоснованы

⁴⁰ К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, № 2, 1961, стр. 45, рис. 4, 5; он же. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья. КСИА, вып. 85, стр. 3—10, рис. 1, 2.

⁴¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 322—325.

⁴² Аналогичным образом разрабатывает периодизацию андроновских памятников Е. Е. Кузьмина, см.: Е. Е. Кузьмина. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. «Памятники каменного и бронзового веков». М., 1964.

⁴³ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I. МИА, № 120, 1962, стр. 80—82.

⁴⁴ О. А. Кривцова-Кракова. Алексеевское поселение..., стр. 132.

две новые даты клада из Сосновой Мазы — XIII—XI и XII—XI вв. до н. э.⁴⁵, что, несомненно, меняет возраст и Алексеевки. Названные даты, которые так или иначе следует перенести (в духе рассуждений В. С. Сорокина) на Алакульский могильник, расходятся с хорошо обоснованной абсолютной датировкой этого памятника XIV—XII вв. до н. э. по находке в нем дисконидного псаля⁴⁶. Ставя рядом Алакуль и Алексеевку, В. С. Сорокин, по существу, возвращается к тезису О. А. Кривцовой-Граковой о бытовании баночных форм посуды (алакульских) в рамках выделенного ею второго этапа⁴⁷, или замараевского — по К. В. Сальникову. Отрицание В. С. Сорокиным алакульского этапа выглядит довольно убедительно — принцип схемы периодизации приводит к такому выводу.

По проблеме периодизации и хронологии андроновской культуры на смежных с Зауральем территориях работал и работает ряд исследователей: А. М. Оразбаев, К. А. Акишев, М. Н. Комарова, Е. Е. Кузьмина. Эти исследователи стремятся создать собственную периодизацию для определенных локальных районов, но их попытки, как правило, не преследуют цели выйти за рамки концепции К. В. Сальникова.

В Северном Казахстане, как и в Зауралье, А. М. Оразбаевым введена трехчленная периодизация с теми же названиями этапов⁴⁸. М. Н. Комарова выделяет три этапа — окуневский, фedorовский, алакульский для широкой андроновской территории. Самые поздние памятники, возникшие на основе алакульского этапа, М. Н. Комарова называет замараевскими на западе, в том числе и в Зауралье. А на востоке они названы карасукскими и дындыбаевскими. Все эти названия принадлежат, по мнению М. Н. Комаровой, особым культурам, выходящим за рамки андроновской⁴⁹. И в данной схеме три этапа, за исключением окуневского, совпадают с периодизацией К. В. Сальникова.

Из выделенных трех этапов бронзового века Центрального Казахстана (нуринский, атасуский, бегазы-дындыбаевский) первые два, по признанию самих авторов, синхронны и совпадают

⁴⁵ Н. Я. Мерперт. О луристанских элементах в кладах из Сосновой Мазы. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 132—135; В. А. Сафронов. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. «VII Международный конгресс антропологов. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 188.

⁴⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках, стр. 63.

⁴⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, стр. 178, 180.

⁴⁸ А. М. Оразбаев. Указ. соч.

⁴⁹ М. Н. Комарова. Указ. соч.

по материальной культуре с федоровским и алакульским в Зауралье и также не являются оригинальными. Лишь последний, бегазы-дындыбаевский этап, синхронизированный с замараевским, признается, вслед за М. Н. Комаровой, своеобразным по материальной культуре⁵⁰.

В выделении трех основных этапов (Ушкатты, Байту, Атакен-сай) бронзового века Приуралья проводится ясная линия опоры на принципиальный вывод К. В. Сальникова о хронологической последовательности федоровских и алакульских памятников⁵¹.

Е. Е. Кузьмина, подобно В. С. Сорокину, степень наличия федоровских черт на посуде считает хронологическим признаком и в этом плане понимает кожумбердынскую керамику как промежуточную между федоровской и алакульской⁵². К. В. Сальников, отрицая за кожумбердынской посудой особый этап, видел в ней вариант алакульской керамики, возникшей, однако, позднее федоровского типа⁵³.

Здесь заслуживает также упоминания работа С. С. Черникова о бронзовом веке Восточного Казахстана — района весьма отдаленного от нашего и территориально, и исторически. Материалы этого района довольно своеобразны в пределах Казахстана и тем более отличаются от южноуральских. Это обстоятельство, быть может, и послужило основой для разработки С. С. Черниковым собственной периодизации и хронологии, основанных на логике местных источников⁵⁴. С. С. Черников стремится отойти и в других случаях от традиционных взглядов на андроновскую проблему, о чем уже говорилось выше. Другие исследователи Восточного Казахстана решают вопросы периодизации с прежних позиций. На основе тех же источников А. Г. Максимова предложила свою периодизацию, создав ее по образцу зауральской: ранний (федоровский), средний (алакульский) и поздний (синхронный карасуку) этапы⁵⁵.

В пределах лесных (главным образом) и лесостепных районов Зауралья К. В. Сальниковым выделена новая культура бронзового века, названная им черкаскульской, представляющая собой

⁵⁰ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

⁵¹ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч.

⁵² Там же; В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 89.

⁵³ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 297.

⁵⁴ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.

⁵⁵ А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7. Алма-Ата, 1959.

лесной вариант андроновской⁵⁰. Ее три этапа — черкаскульский, межовский и березовский — датируются следующим образом. Первый этап — федоровским, т. е. наиболее ранним временем, второй — последней четвертью II тыс. до н. э. и третий — начальными веками I тыс. до н. э.⁵⁷

Основание считать черкаскульскую культуру близкой андроновской К. В. Сальников видит в общей для них энеолитической основе, однако впоследствии появились различия в керамике и, по-видимому, в погребальном обряде⁵⁸. В то же время синхронное развитие черкаскульских (на первом этапе) и андроновских (федоровских) племен отразилось во взаимных влияниях, прослеженных на керамике⁵⁹. В разработке вопросов, связанных с периодизацией, это бесспорное наблюдение представляется нам весьма важным,

Этническая принадлежность черкаскульцев предполагается как угорская. Эту мысль впервые высказал В. Н. Чернецов на основании сходства черкаскульской керамики со стоянки Луговская I и сузгунской⁶⁰, а впоследствии она была поддержана К. В. Сальниковым⁶¹.

Каким представляется этнос андроновцев? Этот вопрос решался ретроспективным путем. Участие андроновцев в сложении ираноязычных савроматов считается доказанным.

В недавних работах, посвященных савроматам, последние считаются различными по составу и ираноязычными в основном⁶². Расселение савроматов до территории Южного Приуралья включительно в значительной мере охватывает ареал срубных и алакульских памятников бронзового века.

В последней своей монографии К. В. Сальников ограничил ираноязычность андроновцев только племенами алакульского времени и типа, входившими совместно со срубными и тазабагъяб-

⁵⁰ К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАН, № 6. Свердловск, 1964, стр. 7; он же. Очерки древней истории..., стр. 354—373.

⁵⁷ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 363.

⁵⁸ К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья..., стр. 21.

⁵⁹ Там же, стр. 12; он же. Очерки древней истории..., стр. 359.

⁶⁰ В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. «Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 29.

⁶¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 374.

⁶² К. Ф. Смирнов, А. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, вып. Д1-9. М., 1963, стр. 5; К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 9—12.

скими племенами в один этнический массив⁶³. Неоднородный облик материальной культуры андроновского населения неоднократно отмечался исследователями из смежных с Зауральем районов. Об этом можно судить косвенно по тем аналогиям, которые уводят исследователей, как правило, не вообще в андроновские, а лишь в западноказахстанские или южноуральские территории андрона⁶⁴.

Неоднородным представляется и антропологический состав огромного по численности населения⁶⁵, объединенного в понятие андроновской культуры.

Видимо, не случаен и тот факт, что при разработке вопросов языковой принадлежности Б. Н. Граков и А. Н. Мелюкова распространяют ираноязычность на срубное и только часть андроновского населения⁶⁶.

К мысли о возможности различной этнической (языковой) принадлежности андроновского населения в разных районах его обитания пришел и К. В. Сальников⁶⁷.

К. В. Сальниковым выделены два варианта алакуля: северный и южный. Первый вырастает на федоровской основе, второй — на полтавкинской с некоторым участием андроновского населения⁶⁸. Считая ираноязычность андроновцев явлением вторичным (федоровцы и восточноандоновские племена — угры), возникшим на алакульской ступени под воздействием срубников и тазабагьябцев⁶⁹, К. В. Сальников, по-видимому, все же не распространяет иранизацию на северный вариант зауральского андрона — черкаскульские племена. Об этом можно лишь догадываться по

⁶³ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 347.

⁶⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 67; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 47, 58; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 37, 52 и др.; М. А. Игина. Могильник бронзового века Кокча 3. «Материалы ХЭ», вып. 5. М., 1961, стр. 73; Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 147; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. МИА, № 60, 1959, стр. 315, 316; И. В. Силицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, стр. 191, 193; и др.

⁶⁵ Т. А. Трофимова. Черепиз могильника тазабагьябской культуры Кокча 3. «Материалы ХЭ», вып. 5, стр. 127, 139, 142, 143; В. П. Алексеев. Антропология андроновской культуры. СА, 1967, № 1, стр. 22—26.

⁶⁶ Б. Н. Граков и А. Н. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 39—93.

⁶⁷ К. В. Сальников. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала, стр. 11.

⁶⁸ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 309.

⁶⁹ Там же, стр. 345—347.

тому, что в раннежелезное время на этой же территории им помещается отчасти пришлое, а в основе местное угорское население, отнесенное к прямым потомкам аборигенов бронзового века ⁷⁰.

Мы еще слабо представляем границы двух групп алакуля и другие их черты; это касается прежде всего южного варианта. На юге в районе г. Магнитогорска раскопаны в небольшом объеме три курганных могильника — Агаповка II, Мало-Кизыльский I и II — алакульского облика со значительным срубным влиянием ⁷¹, что характерно для данного района. В степях Зауралья несомненно множество подобных памятников, в том числе поселений, ждущих своих исследователей.

В степях весьма бедно представлен замараевский этап. К. В. Сальников относит сюда поздний слой с Нижне-Спасского поселения и погребение в одиночном кургане у Смеловской пещеры ⁷².

В степном Зауралье, помимо андроновских, известны и инोकультурные памятники. К зауральскому варианту абашевской культуры отнесено К. В. Сальниковым Мало-Кизыльское поселение. На соседней территории (в Башкирии) наиболее близки ему поселение Баланбаш ⁷³ и абашевский комплекс с поселения Береговское ⁷⁴.

Исследование Мало-Кизыльского поселения показало, что в этом районе соседство абашевских и андроновских племен почти не отразилось в материальной культуре абашевцев. На посуде Мало-Кизыльского селища выделяются лишь некоторые, заимствованные у андроновцев орнаментальные элементы: ломаные полосы с продольной зубчатой штриховкой, как на федоровских горшках; одинарные и двойные гребенчатые зигзаги, меандры — общие в федоровской и алакульской орнаментации.

Желобчатый орнамент в керамике Мало-Кизыльского поселения отнесен К. В. Сальниковым к числу заимствованных от каких-то лесных племен ⁷⁵. К ним, по-видимому, можно отнести памятники черкаскульской культуры, где процент желобчатого орнамента высок.

⁷⁰ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 352; он же. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время. СЭ, 1966, № 5, стр. 124; он же. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала, стр. 14.

⁷¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 262—274.

⁷² Там же, стр. 293, 348, рис. 45, 19.

⁷³ К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954.

⁷⁴ К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии.

⁷⁵ К. В. Сальников. Абашевская культура..., стр. 86.

Ссылаясь на то, что некоторые из орнаментальных элементов абашевских горшков есть на посуде энеолитических памятников⁷⁶, К. В. Сальников все же зауральское Абашево первоначально относил к поздней поре⁷⁷. Но впоследствии абашевские датировки были изменены: Мало-Кизыльское поселение стало датироваться XV—XIV вв. до н. э., а могильник Степное I—XIV—XIII вв. до н. э.⁷⁸

Несколько северо-восточнее контакты абашевцев и андроновцев проявляются отчетливее. Раскопки у с. Степного на р. Уй двух курганных групп — Степное I и II — дали смешанный материал: гибридные алакульско-абашевские сосуды, синхронные захоронения с различным обрядом. Здесь же в керамическом производстве прослежены и срубные черты: грубость исполнения, штриховое сглаживание поверхности, крупнозубый штамп, остро-реберность некоторых сосудов⁷⁹.

Срубное и абашевское влияние проявляется и в лесном Зауралье на р. Тоболе. На территории г. Кургана исследовано несколько погребений, инвентарь которых разнороден: нож срубного типа, алакульские горшки с абашевскими элементами орнамента и примесью раковин в глине — характерной чертой абашевской посуды. Все погребения отнесены к позднеабашевскому времени — XIV—XIII вв. до н. э.⁸⁰

Информацию о более многосторонних контактах дают нам раскопки поселения у Спасского моста, в верховьях р. Урал, в черте с. Спасского⁸¹. В перемешанном, не стратиграфированном культурном слое, в землянке и за пределами ее найдены обломки разнородной посуды: алакульской (в основном), федоровской, срубной. Абашевских фрагментов не было, но, видимо, влиянием абашевцев можно считать раковинную примесь в глине небольшой части черепков этого селища. Важно нахождение на очаге жилища совместно с алакульской посудой фрагмента с налетным валиком⁸². Во втором жилище, в канавке возле очага,

⁷⁶ Там же, стр. 79; К. В. Сальников. Южно-Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 57.

⁷⁷ К. В. Сальников. Южно-Уральская археологическая экспедиция, стр. 83, 92.

⁷⁸ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 109.

⁷⁹ В. С. Стоколос. Курганы эпохи бронзы у с. Степного. «Краеведческие записки», вып. 1. Челябинск, 1962, стр. 20; рис. 4, а, б, в, е; 5, а, е, ж; 6, а, в.

⁸⁰ К. В. Сальников. Царев курган на р. Тобол. ВАУ, № 2, Свердловск, 1962, стр. 41; он же. Очерки древней истории..., стр. 108.

⁸¹ В. И. Фомина. Селище у Спасского моста. АЭБ, т. II. Уфа, 1964, стр. 207—211.

⁸² Там же, стр. 208.

совместно с алакульской керамикой лежали черепки федоровской и срубной посуды. Поселение у Спасского моста не единственное, где встречена керамика федоровского типа вместе с алакульской и валиковой (срубной или замараевской) в нерасчлененном по горизонтам культурном слое. Это обстоятельство послужило нам одним из оснований прийти к выводу о принадлежности федоровской, алакульской и замараевской керамики к трем особым культурам⁸³. В последующем изложении мы перейдем к развернутым доказательствам по затронутой проблеме и освещению сопутствующих ей вопросов.

⁸³ В. С. Стоколос. Периодизация памятников эпохи бронзы в Южном Зауралье. «V Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов и сообщений». Сыктывкар, 1967.

II

Памятники бронзового века Южного Зауралья

Полное отсутствие публикаций по ряду важных памятников исключает возможность останавливаться на них попутно в связи с рассмотрением вопросов нашей главной темы. Возникла необходимость ввести специальную источниковедческую главу. Но и в ней отсутствует принцип обычной публикации памятников. Информация о каждом из них подчинена главной теме, а полевые записи вынесены нами в приложение.

В главе было также необходимо специально остановиться на двух спорных и взаимосвязанных вопросах — культурной характеристике и стратиграфии хорошо известных в литературе памятников: поселений Замараевского и Черкаскуль II. Преследовалась и задача полной публикации материалов названных памятников.

1. Поселения алакульской культуры

Поселение Ачликуль. Памятник расположен на опушке березового колка, на перешейке между двумя заболоченными озерами — Тобол и вторым безымянным, к югу от с. Ачликуль, в 80 км северо-восточнее г. Челябинска. Открыт памятник в 1962 г. учителем местной школы В. А. Дегтяревым. В 1965 г. здесь разведочным отрядом Коми филиала АН СССР под руководством автора произведена шурфовка в двух жилищных впадинах и за их пределами, в результате чего вскрыто 14 кв. м. Поселение насчитывает семь жилищных котлованов приблизительно одинаковой площади, глубиной от 50 до 140 см, вытянутых цепочкой вдоль перешейка (рис. 1). Через три жилища (№ 5—7) местные

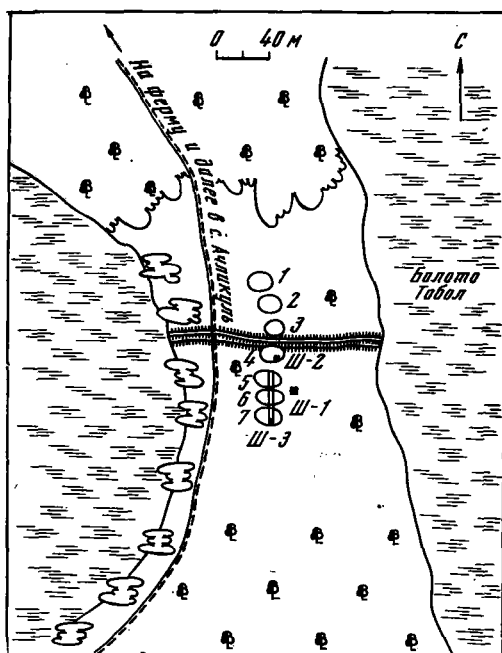


Рис. 1. Поселение
Ачликуль.
План

школьники прорыли траншею. Много закопшек и в других жилищах.

Шурф 1 разбит в 10 м восточнее впадин № 5 и 6, ближе к болоту. С глубины 20—25 см в шурфе началось увлажнение, возраставшее книзу. Слои внутрижилищных шурфов, или вернее зачисток в старой траншее, отличает исключительная сухость, несмотря на то, что от уровня дневной поверхности они находятся в несколько раз ниже, чем влажный слой в шурфе 1. Шурф 1 прорезал мощный зольник, содержащий много костей домашних животных и черепки. Собранные здесь керамика стратиграфически не разделяется, но типологически в ней различаются две группы. К первой отнесены фрагменты с орнаментацией из полос протаченной гребенки, зигзагов, резных треугольников (рис. 2, 1—5, 8, 11, 12). Это алакульская керамика. Несколько фрагментов с орнаментом из характерных косых треугольников, выполненных мелкозубчатым штампом, лощеной поверхностью аналогичны андроновской (федоровской) посуде (рис. 2; 9, 10). Два мелких

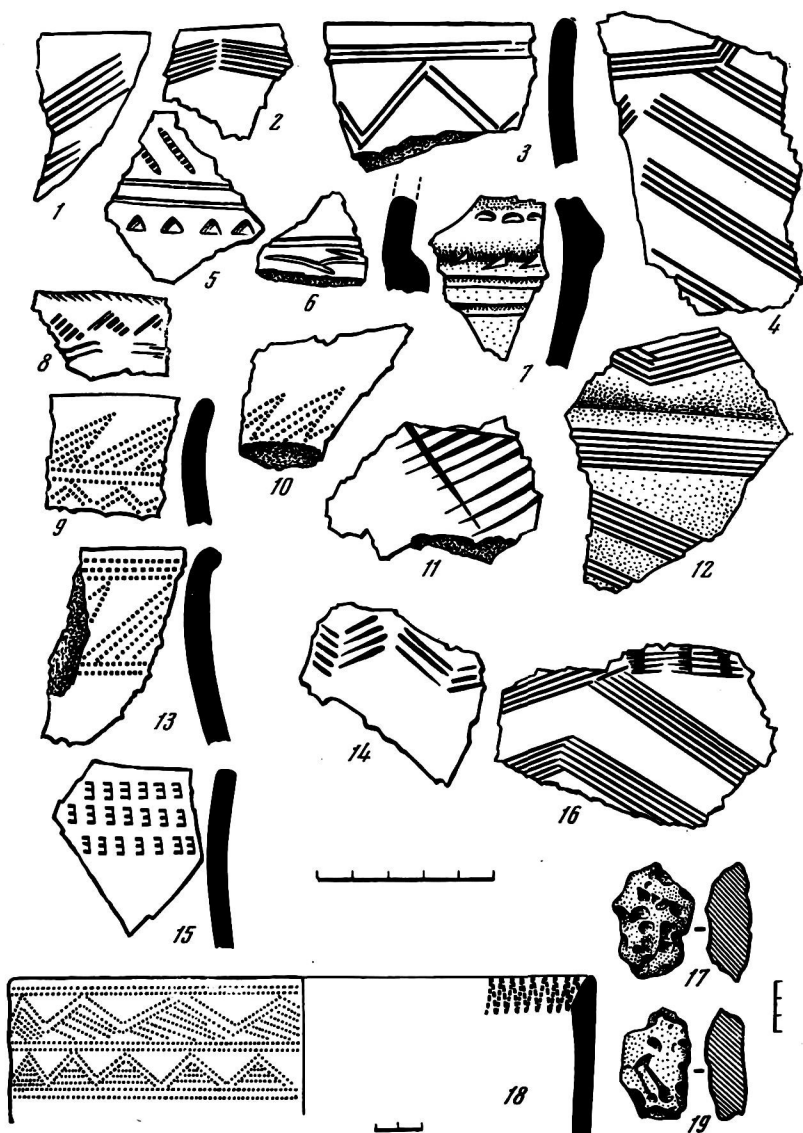


Рис. 2. Поселение Ачликуль

1—16, 18 — керамика; 17, 19 — обломки кирпичиков; 1—17, 19 — поселение Ачликуль;
18 — стоянка Кысы-куль

обломка с рельефными валиками (рис. 2, 6, 7) (типология этих фрагментов затруднительна) указывают, по всей вероятности, на время существования обоих керамических типов. Валиковая посуда в Зауралье датируется не раньше четвертой четверти II тыс. до н. э., о чем мы еще неоднократно будем говорить дальше. К глине почти всех черепков примешан песок, за исключением нескольких фрагментов алакульского типа с тальковой примесью.

Шурф 2 был прирезан к старой закопушке в землянке 4. На дне его после зачистки выявлена столбовая ямка, на которой лежала нижняя часть грубо слепленного неорнаментированного сосуда горшечной формы. Рядом найден фрагмент с мелкозубчатым орнаментом, лощеной поверхностью от сосуда андроновского (федоровского) типа (рис. 2, 13) и фрагмент с орнаментом из отгисков гребенчатого штампа (рис. 2, 15).

Шурф 3 был прирезан к южному концу старой траншеи в землянке 7. Из полученных нескольких фрагментов один — от сосуда федоровского типа, остальные — типично алакульские.

В землянке 5 в результате зачистки старой траншеи удалось наткнуться на развал очага в виде овальной ямы глубиной 10 см. В заполнении углубления среди кусков спекшейся глины лежали черепки с резной и линейной орнаментацией (рис. 2, 14, 16) алакульского типа. Над очагом обнаружен обломок кирпичика с пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 17). Второй обломок найден в шурфе 1 (рис. 2, 19). Оба обломка чрезвычайно сходны с кирпичиками из поселения Кипель¹.

Поселение Чернореченское I. Памятник расположен примерно в 250 км южнее г. Челябинска, в 1 км к югу от дер. Чернореченской, на левом берегу р. Уй, на краю невысокой береговой террасы с незначительным наклоном в сторону реки. Место поселения открытое. Река, подмывающая берег, разрушила большую часть площади поселения. Много обломков посуды было собрано на прибрежной полосе и в воде.

К поселению Чернореченское I отнесены три жилища. Заплывы жилищ, расположенные восточнее и содержавшие характерный материал, выделены в особое поселение. Помимо сборов в осыпи, нами частично исследовано жилище 2, его южный конец, разрушаемый рекой. Здесь был заложен шурф площадью около 18 кв. м. Стратиграфия шурфа: 1 — дерн 15—20 см; 2 — почвенный слой 20—40 см; 3 — зольник, прослеженный по всему заполнению жилища. Мощность его 15—35 см. Над расположенной в жилище хозяйственной ямой в полосу зольника вклинивается

¹ К. В. Сальников. Кипельское селище. СА, XXVII, 1957, рис. 6.

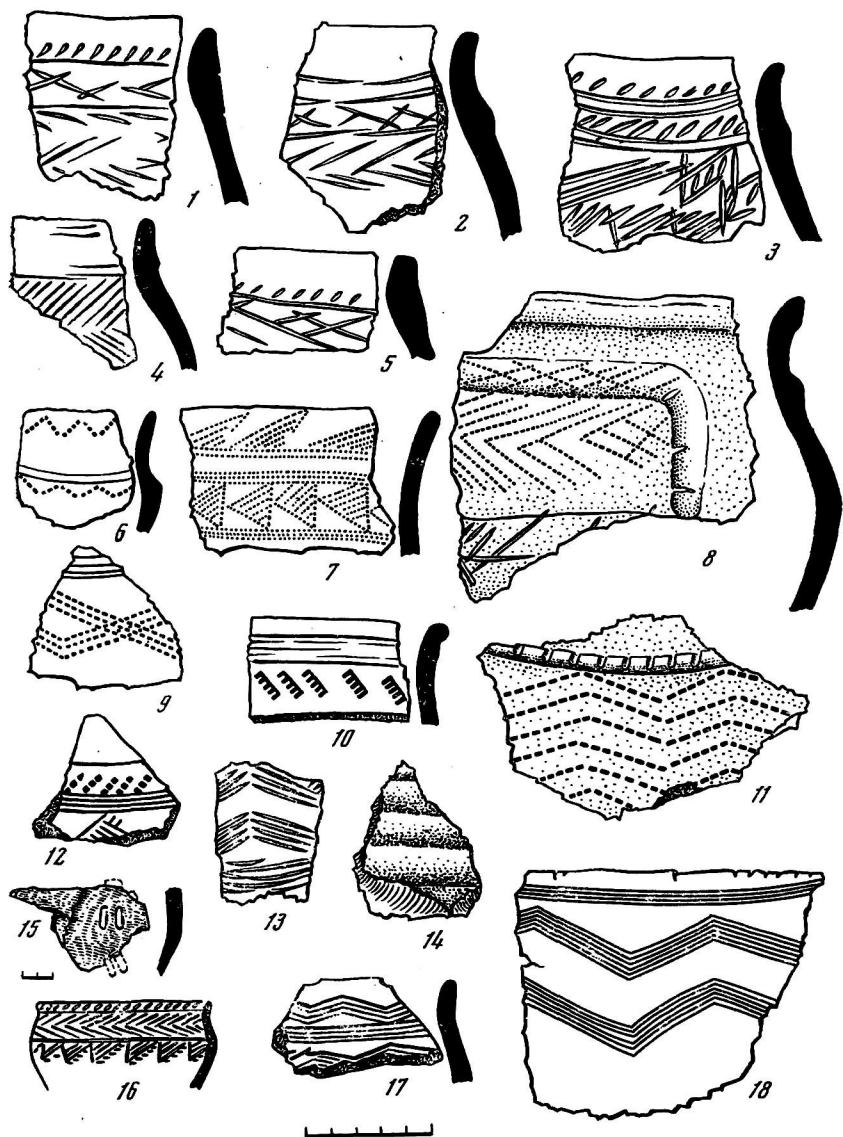


Рис. 3. Поселение Чернореченское I

1—14, 16—18 — керамика; 15 — обломок костяного изделия

слои, насыщенный углем. Последний опускается ниже в углубление ямы, перемежаясь в ней с прослойками суглинка и песка (заплыва). Подстилающим горизонтом является светло-желтый суглинок. Верхний слой до глубины 15—16 см находок не содержал. Ниже шли находки костей домашних животных: лошадей (много молодых особей), овец, коров, обломков посуды и небольшого числа вещей.

Найденная керамика различается по двум основным типам. Первый тип, представленный 26 обломками, включает фрагменты с утолщенным коротким венчиком, переходящим в значительно раздутый корпус (рис. 3, 1—5, 8). Иногда утолщение оформлено в виде воротничка. Характерны также валики, в одном случае со свисающими концами (рис. 3, 8). Орнамент состоит из вертикальной однорядной или многорядной елки, резной или зубчатой, нанесенной обычно в верхней части корпуса, сразу под валиком. Последний обычно покрыт ромбической сеткой в обрамлении прямых резных линий и косых насечек по верху или косыми длинными насечками. Эта орнаментальная полоска сохраняется и в случае отсутствия валика (рис. 3, 1, 5). Судя по одному обломку края, в этой группе были и неорнаментированные горшки. Примесь песка в глине довольно устойчива. Один сосуд со свисающим валиком сделан из тальковой глины (рис. 3, 8). Наряду с песком к пяти фрагментам этой группы примешана раковина. Размещение фрагментов описанной группы показательно. Они встречаются в верхних слоях. Ближе к полу жилища их нет. Также их нет и в заполнении хозяйственной ямы, где лежала керамика только второго типа.

Второй тип объединяет фрагменты, орнаментированные полосами протасенной гребенки, резными зигзагами, треугольниками, уголками, наклонными оттисками зубчатого штампа (рис. 3, 6, 9—14, 17, 18). Это обычная алакульская посуда. Уникальными в группе являются каннелюры на одном фрагменте (рис. 3, 14), незаштрихованные ромбы — на другом (рис. 3, 9). Край сосуда с «косыми» треугольниками и лощеной поверхностью (рис. 3, 7) аналогичен андроновской (федоровской) посуде. К глине керамики второго типа, за исключением нескольких обломков, примешан тальк. Та же примесь в обломке, орнаментированном косыми треугольниками.

В верхних слоях жилища оба типа керамики были перемешаны. На дне и в заполнении хозяйственной ямы лежала керамика исключительно второго типа. К первому типу близок частично реконструированный сосуд с коротким отогнутым наружу венчиком и плавной профилировкой (рис. 3, 16). Черепки от него

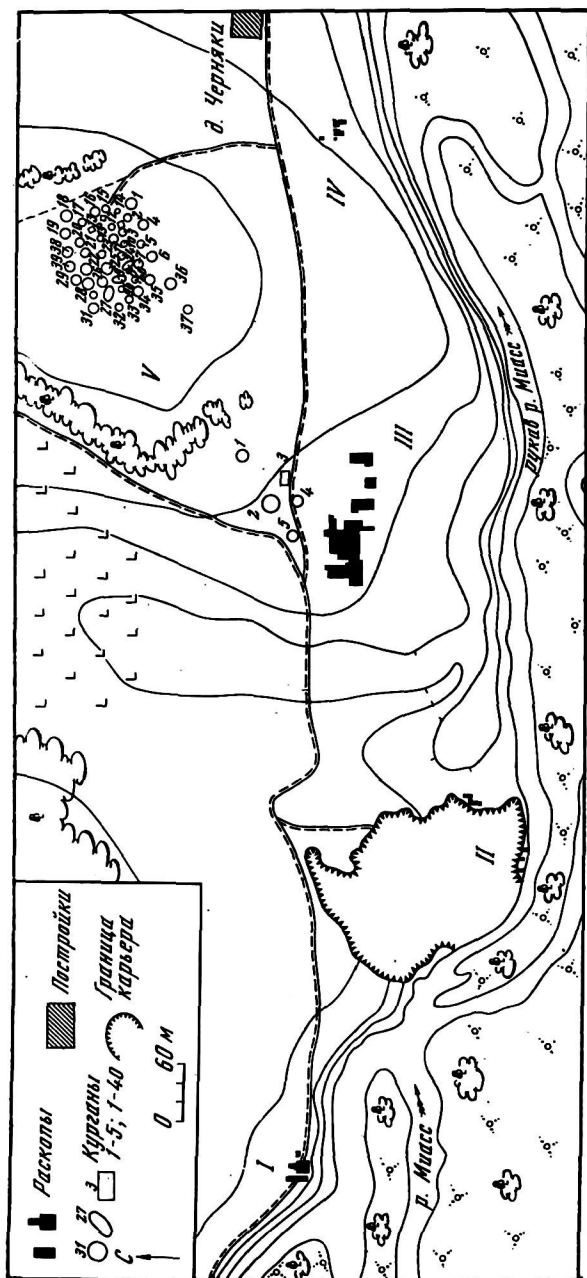


Рис. 4. План черняковской группы памятников
 I — поселение Чернянки I; II — поселение Чернянки II; III — могильник Чернянки I;
 IV — поселение Чернянки III; V — могильник Чернянки I

были найдены на различной глубине, в том числе в верхнем слое хозяйственной ямы. Форма горшочка, хотя и не часто, встречается в первой группе, но все же не чужда ей: например, сосуду из этой группы со свисающим валиком. Аналогичны также и элементы орнамента — однорядная елка, ряд резных треугольников вершинами вниз, насечки.

Расположение двух типов керамики по вертикали указывает на их хронологический разрыв. Жилище с хозяйственной ямой построено алакульским населением. Позднее отложился слой с валиковой керамикой. Частичное механическое смешение обоих типов допустимо. Не исключен контакт поздних поселенцев с потомками алакульского населения, от которого пришельцы заимствовали технический прием — тальковую примесь к глине. Некоторые образцы поздней керамики (сосуд со свисающим валиком) находят прямую аналогию в срубных керамических комплексах Алексеевского², Садчиковского³ поселений и в других памятниках срубной культуры, расположенных западнее.

Кроме керамики, находки малочисленны. В верхнем слое жилища найден маленький обломок литейной формы из талькового камня, дающий общее представление о верхней части ножа или кинжала. На обратной стороне формы были нанесены длинные клинообразные углубления. Второй, более крупный обломок литейной формы найден в осыпи обрыва. На нем вырезаны углубления для отливки шила крупного размера и еще двух (неясно каких) вещей — долота (?), ножа или серпа (?). В шурфе 4 на глубине 60 см найдены шлаки и обломки плавильной чашки. Какому периоду жизни поселения соответствуют остатки металлургического производства, точно неизвестно.

Литейные формы, видимо, связаны с поздним этапом жизни на поселении. Поздними надо считать и костяные вещи: костяной конек, идентичный найденным на Садчиковском селище⁴, но без отверстия для крепления; обломок уздечной бляхи (?) (рис. 3, 15) и тупик с рабочим краем, отполированным до блеска. Он также аналогичен обломку тупика с Садчиковки⁵.

Поселение Черняки I. Памятник расположен в 30 км юго-западнее г. Челябинска, на дне широкой и неглубокой береговой лощины, наклонно спускающейся к левому берегу рукава р. Миасс,

² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 61.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, рис. 12, 11; 22, 15 и др.

⁴ Там же, рис. 15.

⁵ Там же, рис. 14, 4.

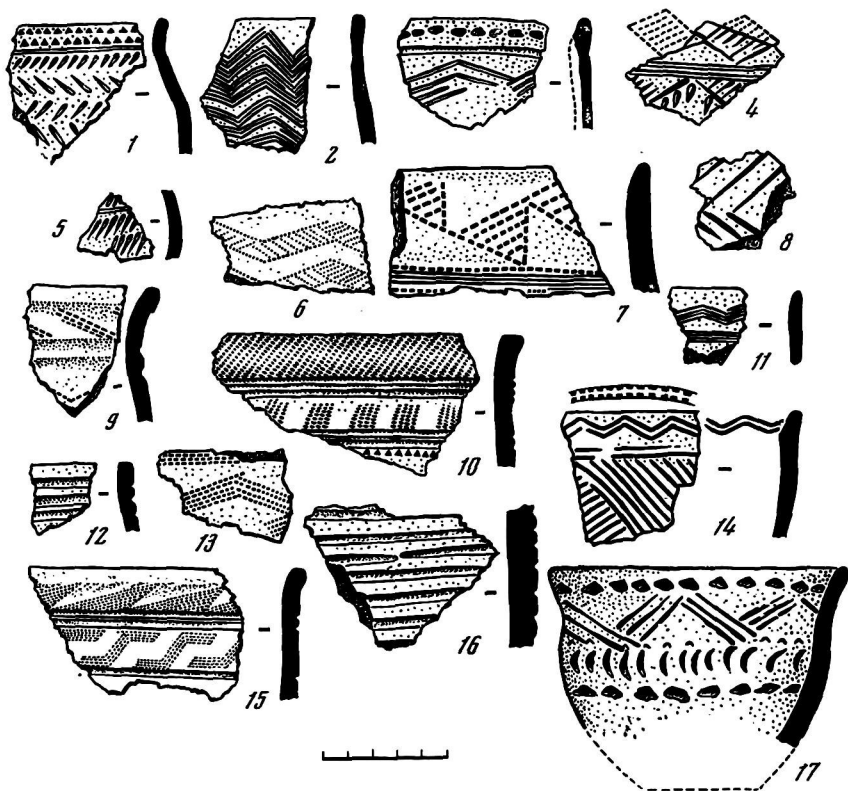


Рис. 5. Поселение Черняки I. Керамика

в 1 км к западу от дер. Черняки⁶. Почти вся площадь поселения уничтожена строительными работами. Нам удалось найти лишь часть большого зольника, занимавшего, по всей вероятности, окраину поселения. Край зольника, вследствие пологости береговой полосы, подходил почти к самой воде. Место, выбранное под поселение, очень удобно. Оно относительно защищено от северных и северо-восточных ветров постепенным и значительным повышением к северу береговой террасы, поросшей лесом, и высокой, до 6 и более м, террасой к юго-востоку (рис. 4). Участок тер-

⁶ В связи с сооружением водохранилища деревня перенесена на правый берег. Памятник открыт в 1964 г. экспедицией Челябинского пединститута и раскапывался под руководством автора.

расы был занят древним кладбищем Черняки II. Весь материал, собранный нами, происходит из трех шурфов на месте зольника. Общая площадь шурфов составила 58 кв. м. Стратиграфия их одинакова: дерн (8—10 см), выклинивающийся слой светло-серого речного песка (2—10 см), различной интенсивности зольник (к берегу насыщенность снижается) до 80 см и подстилающий горизонт из светло-желтого песка.

Культурным слоем являлся зольник, содержавший почти все находки. Верхний горизонт до глубины 20 см дал лишь единичные находки. Обломки глиняных сосудов различного стиля ornamentации залегали совместно по всей глубине культурного слоя и, таким образом, стратиграфически не расчленяются. Вперемежку с черепками лежали в большом количестве кости домашних животных.

Керамика делится на три типа.

1 тип представлен 53 фрагментами с резным и линейным орнаментом, выполненным концом остроконечного инструмента и зубчатым штампом. Редко применяется гладкий штамп. Орнамент состоит из рядов ромбов, ломаных и прямых полос и протасенной гребенки, уголковых оттисков зубчатого штампа, заштрихованных треугольников, елочных мотивов, наклонных оттисков гладкого штампа (рис. 5, 1—5, 7, 8, 11). К этой же группе относятся несколько фрагментов, где узор выполнен крупнозубчатым штампом (рис. 5, 7).

2 тип представлен 10 фрагментами с мелкозубчатым и желобчатым орнаментом, включающим птицеобразные изображения, «уточки», косоугольные треугольники, меандры (рис. 5, 5, 6, 9, 12, 13, 15, 16).

3 тип насчитывает три обломка края горшков. Здесь обращает на себя внимание форма: широкое устье — шире, чем диаметр корпуса. Сходную форму мы встречаем среди абашевской посуды. Орнамент этих фрагментов своеобразен: взаимопроникающие треугольные лопасти, волнистые линии (рис. 5, 10, 14). Другой сосуд украшен грубым резным зигзагом в обрамлении ямок и ногтевых вдавлений вниз (рис. 5, 17).

Если орнаментальный стиль позволяет выделять отдельные группы керамики, то состав глины, обработка поверхности, обжиг носили неустойчивый характер. Две первые выделенные нами группы — не что иное, как хорошо известная в Зауралье керамика алакульского и федоровского типов. Замечательно то, что устойчивость орнаментальной традиции не мешала заимствованию технических приемов в приготовлении посуды. Выделяется целая серия алакульских фрагментов с лощеной поверхностью и без талька в

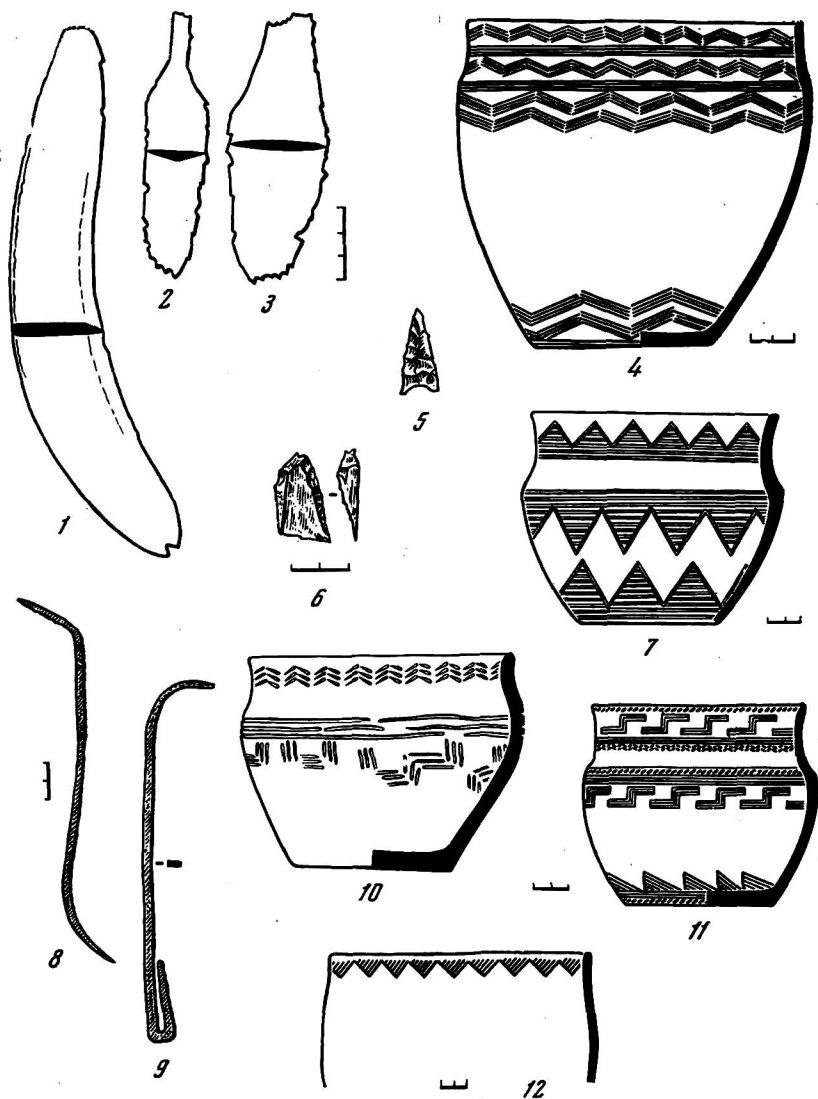


Рис. 6. Поселение Черняки III

1 — серп; 2 — нож (поселение Черняки I); 3 — нож; 4, 7, 10, 11, 12 — сосуды; 5 — каменный наконечник стрелы; 6 — каменная поделка; 8, 9 — бронзовые пруты

глине. И наоборот, в глине некоторых федоровских черепков большая примесь толченого талька.

Помимо обломков посуды в слое почти на контакте зольника с подстилающим горизонтом найден хорошей сохранности бронзовый нож (рис. 6, 2). Он имеет обоюдоострое, почти плоское лезвие с узким черешком. Общая длина ножа 11,3 см. Аналогии ножу известны в срубных памятниках⁷.

Поселение Черняки III. Памятник открыт экспедицией Челябинского краеведческого музея в 1962 г., раскапывался в 1964, 1965 гг. совместной экспедицией Коми филиала АН СССР и Челябинского пединститута под руководством автора. В отличие от предыдущих поселений в окрестностях Черняков, памятник занимает участок высокой (до 7 м) террасы. Значительна также его удаленность от воды и по прямой линии (рис. 4). В 200 м к северу, на плоскости той же террасы, на еще более возвышенном месте расположен могильник Черняки I. Культурный слой поселения лежит так низко, что несмотря на вспашку он не был нарушен. В 1965 г. мы заложили здесь раскопы общей площадью 254 кв. м. Они заняли почти всю площадь поселения. Это видно из того, что квадраты по линии VI К не дали никаких находок, а в квадратах по линии II 9 они были единичны. С востока раскоп ограничила кромка террасы, с запада — закопунки на пахоте, которые не дали ни одной находки. Стратиграфия поселения такова: 1 — гумусированный (пахотный) слой мощностью 25 см; 2 — гумусированный темный слой, содержащий культурные остатки, мощностью 25—40 см; 3 — подстилающий горизонт из плотного желтого песка с включениями гранитной крошки. Местами (в раскопе) наблюдались выходы гранитного плитняка.

После окончательного удаления напластований и зачистки на материке были обнаружены остатки какого-то сооружения — по всей вероятности, жилого — в виде столбовых ямок, очагов, неглубоких ям хозяйственного назначения. О жилом характере сооружения свидетельствуют также находки обломков глиняной посуды, развалы объемистых корчаг, даже целые сосуды и другие находки. Конструкция и планировка жилища не устанавливаются вследствие бессистемного расположения столбовых ямок и отсутствия четко выраженной жилищной камеры.

На расстоянии около 9 м друг от друга располагались два очага. Один из них, в форме неглубокой (до 25 см) канавки,

⁷ И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, 1960, рис. 35, 4, стр. 151; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 12, II; 34, 27; В. И. Митрофанова. Янохинское поселение срубной культуры на р. Осколе. КСИА АН УССР, вып. 9. Киев, 1960, рис. 3.

был выстлан небольшими камнями. В зольной линзе очага обнаружен бронзовый серп (рис. 6, 1). Он имеет почти равномерную кривизну с закругленными краями, один из которых с дуговой выемкой — видимо, для укрепления в рукоятке. Лезвие острое, слегка прокованное. На камнях очага, покрытых черной копотью, лежала бронзовая скобка для починки сосуда. Небольшой кусок бронзового прута такого же сечения, что и в скобке, лежал неподалеку. На значительном удалении от этого очага найдены обломок пластинчатого предмета и три предмета из бронзового прямоугольного в сечении прута (рис. 6, 8, 9). Один конец их заострен и дугообразно загнут, второй загибается в виде петли. Изготовление этих предметов, видимо, не доведено до конца. Петля одного из них недооформлена. У другого прута дуга близко напоминает рыболовный крючок. В квадрате II/10 лежало сильно окислившееся короткое четырехгранное в сечении бронзовое шило. Восточнее очага найден кусок руды весом около 1,5 кг с прослойками медной зелени.

Очаг во втором раскопе имел форму овальной вытянутой ямы глубиной до 15 см. Дно его местами было прокалено. В 20 см западнее от очага найден плоский обоюдоострый медный нож (рис. 6, 3) листовидной формы, с намечающимся черешком, без перекрестия. В этом же месте найдена поделка из отщепов горного хрусталя трапециевидной формы. Один выступающий угол с гранями ретуширован. Орудие, по-видимому, выполняло роль проколки или сверлящего инструмента (рис. 6, 6). Рядом лежала призма горного хрусталя. В этом же квадрате лежала поделка неясного назначения из куска рога. На ее поверхности сделано шесть овальных лунок, седьмое углубление пересекает почти всю поверхность. На первом раскопе найдены также несколько кремневых отщепов и кремневый наконечник стрелы (рис. 6, 5). Функцию погребя, вероятно, выполняла яма (кв. 12/6) глубиной до 65 см, с дном, вымощенным крупными камнями. Назначение нескольких других мелких и широких ям непонятно.

Рис. 7. Поселение Черняки III. Таблица элементов орнамента

		БЕЛЧИКИ		СТЕПНИ	
		АМНЧ.	ЗУЧ.	АМНЧ.	ЗУЧ.
1		12		3	
2		6		33	
3		7		11	
4		22	1	78	
5		24		96	
6		4		2	
7		3		1	
8		4		19	
9		4		2	
10		1		1	
11		4			
12				5	
13		1		10	
14				16	
15				1	
16				3	
17				1	
18				2	
19				5	
20				1	

Керамика. Всего на обоих раскопах собрано 137 орнаментированных фрагментов стенок, не считая примерно такого же количества обломков, вошедших в реконструированные сосуды. Таких сосудов шесть (рис. 6, 4, 7, 11, 12) и еще два сосуда (один без орнамента) найдены целыми (рис. 6, 10). Кроме того, насчитывается 47 сосудов, учтенных по обломкам краев или реконструкциям.

Насыщенность культурного слоя керамикой средняя. Вся посуда лепная из тальковой глины с очень устойчивой орнаментацией: резные треугольники, полосы протасненной гребенки, зигзаги, линии. Своеобразен мотив из многоярусных ломаных желобков, образованных вдавлениями пальцев. Ничтожную долю занимают такие элементы, как меандр, ромбы, «уточки». Полный подсчет элементов орнаментации приведен в таблице (рис. 7). Форма, орнаментация и технология приготовления посуды убеждают в том, что перед нами единый комплекс однослойного памятника, функционировавшего непродолжительное время. Это видно по сравнительно небольшому количеству керамики, костей домашних животных и полному отсутствию зольников. По всей вероятности, пожар заставил людей спешно покинуть жилище, оставить несколько целых сосудов и дорогие металлические вещи. Культурный слой во многих местах был насыщен древесными углями.

Принадлежность памятника к типу алакульских не вызывает сомнения.

2. Алакульские погребения

Моги́льник Черняки I⁸. На левом берегу р. Миасс, в 30 км южнее г. Челябинска, на береговой террасе, местами достигающей 6—7 м высоты, располагается группа памятников эпохи бронзы — два курганных могильника и три поселения. Оба могильника открыты в 1908 г. Н. К. Минко⁹.

⁸ Исследовался в 1962—1965 гг. экспедициями Челябинского краеведческого музея, Челябинского пединститута и Коми филиала АН СССР под руководством автора. Полевые записи о памятнике помещены в «Приложениях» к настоящей работе.

⁹ Н. К. Минко. Отчет о раскопках за 1908 г. Фонды Челябинского областного музея. Поселения Черняки I—III открыты экспедициями Челябинского музея и Челябинского пединститута под руководством автора. Материалы поселения Черняки II опубликованы: АЭБ, т. III. Уфа, 1968.

Могильник Черняки I расположен в 200 м к юго-западу от бывшей дер. Черняки, на возвышенной площадке береговой террасы (рис. 4), примерно в 300 м от кромки берегового ската. Н. К. Минко в свое время насчитывал в могильнике 50 насыпей. В настоящее время распахкой несколько насыпей уничтожено. Три кургана раскопал Н. К. Минко. Следы его работ хорошо заметны до сих пор. Большая часть памятника — 44 насыпи — исследована нами.

Все курганные насыпи земляные, небольших размеров. Снос насыпей велся вручную, кольцами, с оставлением бровки.

Практически полностью раскопанный памятник дал большой материал: 157 погребений, совершенных в простых грунтовых ямах, и около 190 сосудов целых и в обломках. В редких случаях могилы содержат остатки костяков. Как правило, они полностью истлели. Сведения по ориентировке могил и погребенных даны в таблицах (гл. III.). В редких погребениях, кроме обычного труположения, встречаются древесные угольки (в пяти могилах). В одном погребении был обожжен сруб, что напоминает случай на Алакульском могильнике¹⁰. Так же редки трупосожжения (в шести могилах) в сопровождении типично алакульской посуды, а в двух из шести могил совсем без посуды. Нет оснований считать эти погребения андроновскими (федоровскими), так как их не сопровождает типичная керамика. Уникально погребение 8 из кургана 12, где захоронена собака в сопровождении лошадиного черепа и ребер. Пепел и угли, видимо, были сыпаны в яму в остывшем состоянии, так как прокаленных пятен на стенках могилы нет. Кости скелета собаки и лошади тоже не обожжены. Погребение занимает центральное положение, что свидетельствует о его преимущественном назначении перед остальными. Грабежа здесь не было — костяк собаки лежал в потревоженном состоянии, но следов человеческого скелета тоже не оказалось. Вероятно, наше погребение имело тот же смысл, что и символические захоронения — кенотафы Поволжья, сооружаемые в честь людей, занимавших почетное положение в родовом коллективе и, вероятно, погибших или умерших далеко от родового поселка¹¹. Черняковский кенотаф отличает отсутствие различных вещей, обычно встречаемых в Поволжье.

Немногие металлические вещи: желобчатые браслеты, пастовые бусы, согнутые из бронзовой проволоки, колечки (в одном случае свинцовые), крестовидные (рис. 11, 11) и очковидные

¹⁰ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль, стр. 60.

¹¹ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, т. II, 1960, стр. 245, 246.

подвески, шилья — более или менее часто встречаются в алакульских и иных комплексах бронзового века¹². Два бронзовых ножа (один с позолотой) — уникальные находки в Зауралье. Нож из погребения 1, курган 21, аналогичен срубным ножам листовидной формы, обычно датируемым второй половиной II тыс. до н. э.¹³ Нож с позолоченным лезвием (курган 9, погребение 3) наводит на мысль о его ритуальном назначении. Форма лезвия этого ножа неоригинальна. Рукоятка же (видимо, приклепанная к черешку) — сравнительно редкое, хотя и не локальное явление. Судя по изображению, таким же способом крепилось лезвие у ножа с Ирбитского озера Свердловской области¹⁴. Нож с аналогичной металлической рукояткой, насаженной на черешок, из Борисоглебского могильника датируется третьей четвертью II тыс. до н. э.¹⁵ Нож (рис. 9, 8), случайно найденный при земляных работах в Кустанайской области¹⁶, имеет такую же массивную ручку, по форме несколько своеобразную, но с аналогичными черняковскими выемками в основании рукоятки (рис. 10, 12). Нож из Куйбышевской области¹⁷ имеет прямоугольную в сечении рукоятку, видимо, тоже насаженную на черешок. Аналогичный способ крепления лезвия в рукоятки известен и на юге страны из случайных находок позднебронзового века в Грузии¹⁸.

Каменный наконечник стрелы (рис. 8, 12) из кургана 22, вытянутой формы, со слегка вогнутым основанием аналогичен наконечнику из Алакульского могильника¹⁹, наконечникам стрел из Поволжья, где они, по мнению И. В. Силицына, были распространены в срубных погребальных комплексах второй половины II тыс. до н. э.^{19а}

¹² К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль, рис. 5, 2, 3, 6; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 15, 7, 19, 20; она же. Алексеевское поселение..., рис. 36, 37; М. А. Игина. Указ. соч., рис. 24, 25; К. В. Сальников. Очерки древней истории..., рис. 61, 7; В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 159—161.

¹³ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 4, 5; 12, 7, 9, 11; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, рис. 10, 12; 15, 12; 29, 13; И. В. Силицын. Археологические исследования Заволжского отряда, рис. 24, 6, 7; 26, 2; 53, 6, и др.

¹⁴ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, табл. XVI, 6.

¹⁵ Т. Б. Попова. Новый памятник поздняяковской культуры. СА, 1967, № 1.

¹⁶ Нож хранится в Кустанайском краеведческом музее, инв. № 1327.

¹⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 12, 8.

¹⁸ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, рис. 6, табл. IX, 4, стр. 25—26.

¹⁹ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль, рис. 7, 2.

^{19а} И. В. Силицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 168, 195, рис. 60, 5, 6.

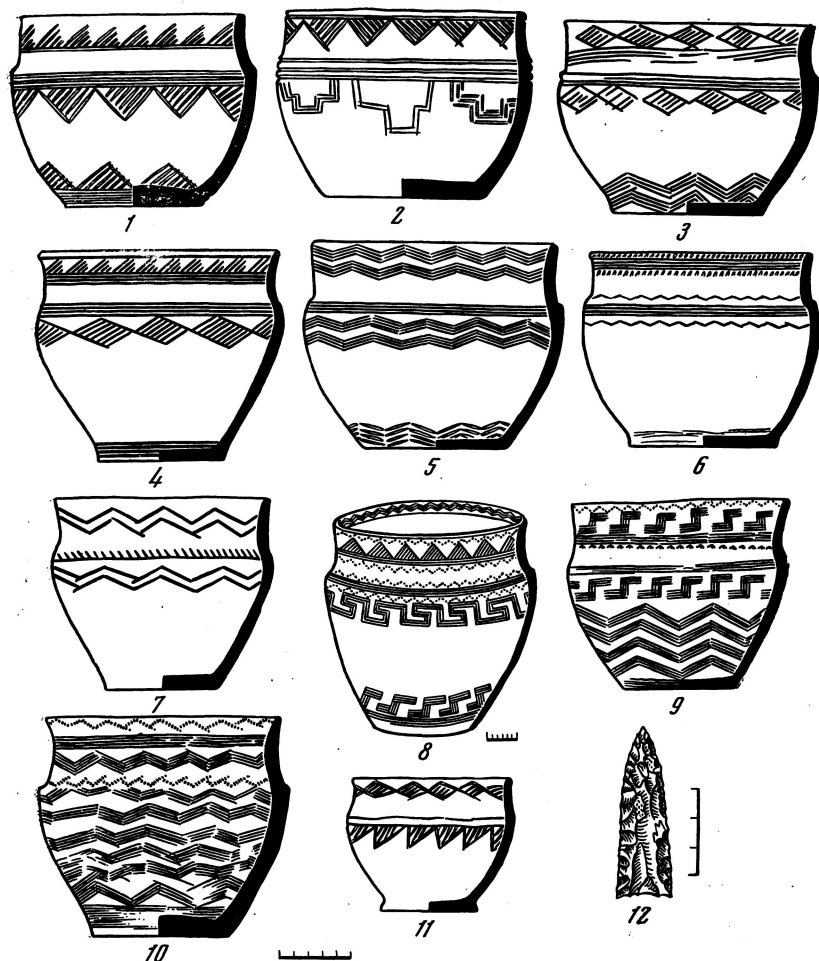


Рис. 8. Могилиник Черняки 1

1—11 — глиняные сосуды; 12 — каменный наконечник стрелы; 1, 4 — 15/3; 7 — 11/10; 10 — 26/3; 2 — 1/группа А; 5 — 15/1; 8 — 21/1; 11 — 10/5; 3 — 1/7; 4 — 15/3; 9 — 20/1; 12 — 22/2. Здесь и в дальнейшем числитель дроби обозначает номер кургана, а знаменатель — номер погребения

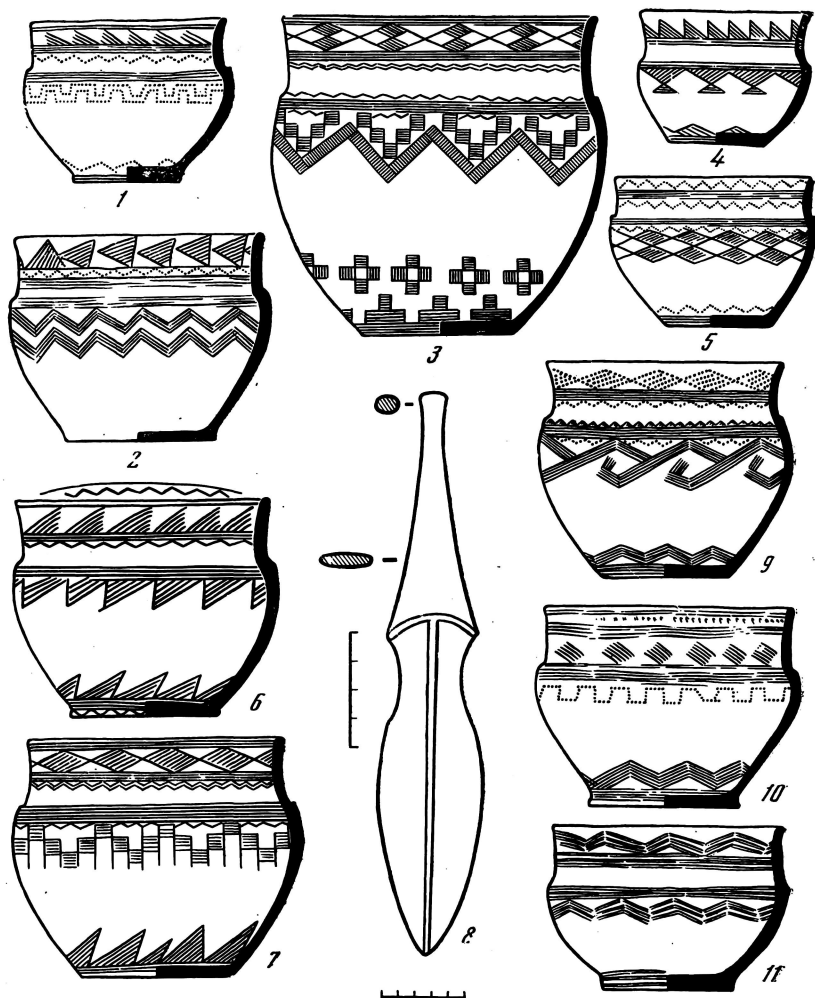


Рис. 9. Могильник Черняхи I

1—7, 9—11 — глиняные сосуды; 8 — бронзовый нож; 1 — 3/1; 2 — 9/3; 6 — 1/9; 10 — 5/2; 3 — 3/прирезка; 4 — 12/3; 5 — 16/группа А, насыпь; 9 — 27/1; 7 — 1/группа В; 11 — 23/насыпь; 8 — из Кустанайской области

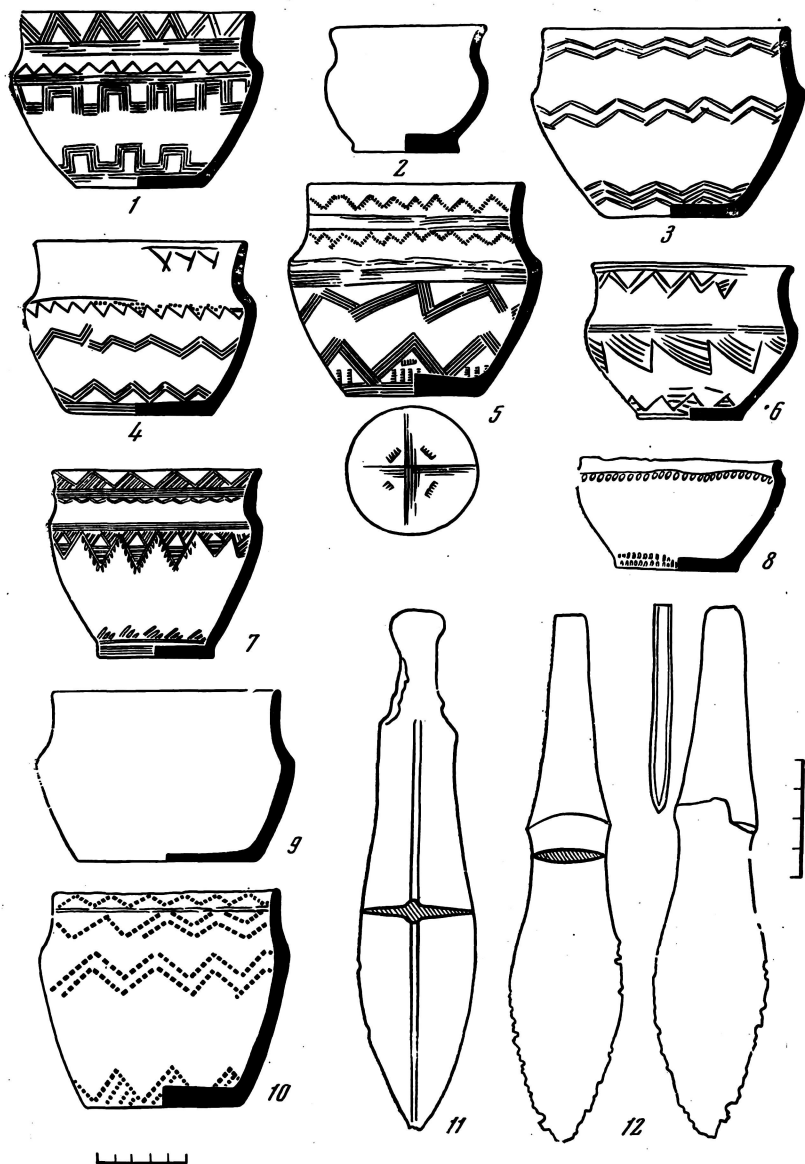


Рис. 10. Могильник Черняки I

1—10 — глиняные сосуды; 11, 12 — ножи; 1 — 21/насыпь; 4 — 27/4; 7 — 16/2; 2 — 33/5; 10 — 15/6; 2 — 10/5; 5 — 19/2; 3 — 33/возле погр. 11; 6 — 3/1; 8 — 10/7; 11 — 21/1; 12 — 9/3

Керамика многочисленна. Все горшки, за исключением двух-трех, слеплены из тальковой глины. Цвет поверхности от светло-охристого до бурого. Стенки с обеих сторон хорошо заглажены. Орнамент часто трехзонален, реже — двухзонален. Обычными формами являются баночные (рис. 8, 1—11; 11, 10) или горшечно-баночные сосуды (рис. 9, 1—7, 9—11), в подавляющем большинстве с уступчатым плечом. Есть тут и небольшая группа горшков с плавной профилировкой (рис. 11, 1—8), но все же почти всегда с уступчиком. Выделяется группа сосудов с небрежной формовкой, асимметричных по форме и орнаменту, толстыми стенками, ребристым профилем, несколько напоминающих срубные формы (рис. 10, 1—10). Но выделить особую группу срубной посуды на Черняках I не представляется возможным. Здесь можно говорить лишь об известной степени влияния срубников. Набор орнаментальных средств (68 элементов и их вариаций) довольно разнообразен, но не связывается в той или иной мере с какой-либо одной из указанных групп посуды. Лишь группа маленьких баночных сосудиков, обычно грубо слепленных, выделяется полным отсутствием всякого орнамента. Горшков покрупнее, с разработанной формой, не имеющих орнамента, насчитывается всего несколько экземпляров.

Кроме срубных черт, в черняковской керамике есть и другие не свойственные ей признаки. Укажем на необычную форму горшка из погребения 2 кургана 96 с нависающими над маленьким дном почти вертикальными стенками (рис. 11, 9). Аналогии ему есть в группе посуды из могильника Кокча 3, которая отнесена к типу карасукской²⁰. Ни на Алакуле, ни на Тасты-Бутате нет таких сосудов. Обратим еще внимание на редкий элемент орнаментации в виде спаренных треугольников (рис. 11, 2), применяемых столь же редко на Кокча 3²¹, на керамике Алексеевского жертвенного места²², по одному разу на горшках Борового и Петропавловского могильников²³. В двух-трех случаях этот элемент зафиксирован на горшках из раскопок Н. К. Минко в районе г. Челябинска²⁴, в одном сосуде на могильнике Черняки II и на поселении Черняки II²⁵.

Представление об орнаментации черняковской посуды можно составить по сводной таблице элементов (рис. 12). В подавляю-

²⁰ М. А. Итина. Указ. соч., рис. 14, 3, 12, стр. 69.

²¹ Там же, рис. 12, 2.

²² О. А. Кривонова-Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 51, 12.

²³ А. М. Оразбаев. Указ. соч., табл. III, 10; VI, 4.

²⁴ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., рис. 47, 10; 49, 10.

²⁵ В. С. Стоколос. Поселение эпохи бронзы Черняки II. АЭБ, т. III. Уфа, 1968.

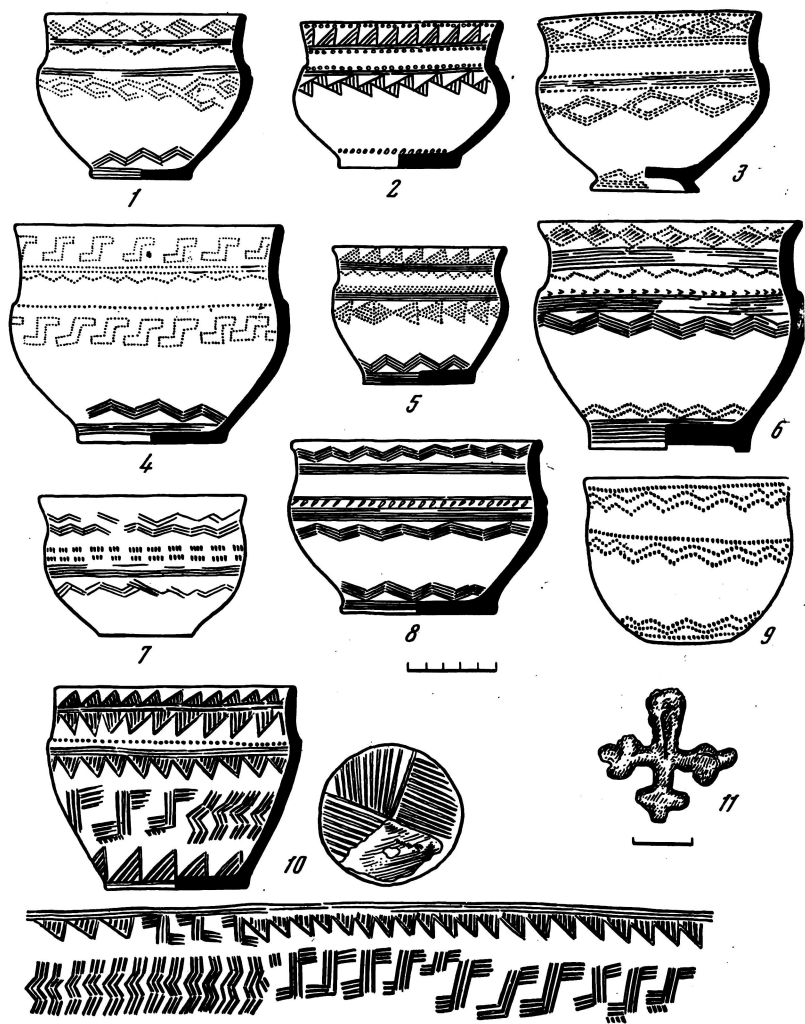


Рис. 11. Могильник Черняки 1

1 — 10 — глиняные сосуды; 11 — бронзовая подвеска; 1 — 12/1; 4 — 26/2; 7 — 9/на
выкиде; 2 — 34/1; 5, 10 — 34/насыпь; 8 — 18/3; 8 — 96/4; 6 — 2/1; 9 — 96/2; 11 — 31/1

МОГИЛЬНИК ЧЕРЯКИ I				МОГИЛЬНИК ЧЕРЯКИ I				МОГИЛЬНИК ЧЕРЯКИ I				МОГИЛЬНИК ЧЕРЯКИ II			
	СТЕНА		ВЕЧУЖИ			СТЕНА		ВЕЧУЖИ					СТЕНА		ВЕЧУЖИ
	ЛИНИИ	ЗВУЧ.				ЛИНИИ	ЗВУЧ.						ЛИНИИ	ЗВУЧ.	
1		1				28		7	1			52		1	1
2		125	45			29		1		1		53		1	3
3		1	1			30		1				54		5	3
4		85	86	56	90	31		3	1	5		55		2	
5		1				32		6	1	1		56		1	1
6		6	3			33		2				57		3	1
7		1				34		6	1			58		1	3
8		138	20	88	29	35		2				59		19	17
9		122	68			36		1	1			60		1	5
10		2				37		1				61		1	3
11		6	1	7	4	38		4				62		1	1
12		13	1	1		39		1				63		1	2
13		2	2			40		1				64		1	1
14		5	8	3		41		1				65			1
15			1			42				1		66			1
16		2	1			43		1				67			1
17		6	2			44		6	12	5					
18		1				45		2	3	1	5				
19		1				46				1					
20		1				47				1					
21		4	2	3		48		2		1					
22		3	1			49		2	1						
23		1	1			50			2						
24		1				51		1		1					
25		1													
26		1													
27		1	1												

МОГИЛЬНИК ЧЕРЯКИ II			
	СТЕНА		ВЕЧУЖИ
	ЛИНИИ	ЗВУЧ.	
1		65	2 11 2
2		5	39 8 59
3		5	11 2 6
4		53	1 27 2
5		1	1 1 3 2
6		5	1 1 1
7		1	3 1
8		1	
9		1	
10		1	
11		1	
12		1	1
13		7	5 1

МОГИЛЬНИК ЧЕРЯКИ II			
	СТЕНА		ВЕЧУЖИ
	ЛИНИИ	ЗВУЧ.	
14			1
15			1
16		2	1
17		1	1
18		3	
19			1
20		2	
21		1	
22			
23		1	
24			3
25			
26		5	1
27		2	
28		1	1
29		2	
30			1
31		2	1
32		1	
33			1
34		4	4
35		3	1 2
36		8	10
37			1
38			
39		1	

Рис. 12. Таблица элементов орнамента алакульской керамики с могильников Черяки I и II

щем большинстве посуда не представляет чего-либо оригинального по сравнению с известными уже алакульскими керамическими комплексами с могильников Алакуль, Тасты-Бутак, Алексеевского могильника и жертвенного места. Но как раз в этой обычности и устойчивости, свойственных обширному и целиком раскопанному памятнику, и заключается его важность. Получен большой комплекс керамики почти без каких-либо посторонних

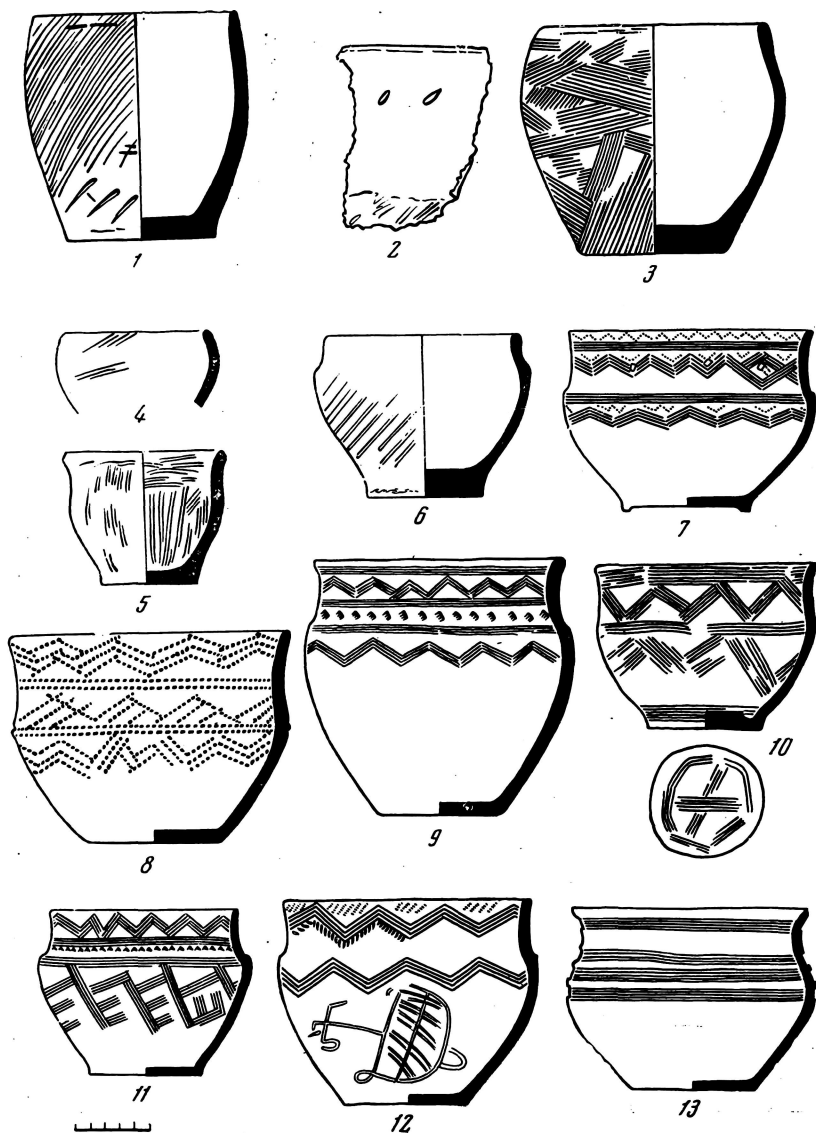


Рис. 13. Глиняные сосуды.

1—6 — Чернореченская курганный группа; 7—13 — с. Спасское, I курганный группа
 1 — 1/3; 2 — 3/1; 3 — 2/2; 4, 5 — 1/2; 6 — 1/1; 7 — 1/4; 8 — 1/3; 9 — 1/5; 10, 13 — 1/15;
 11 — 3/3; 12 — 1/11

примесей, по всем признакам более всего совпадающий с керамикой могильника Алакуль.

Чернореченская курганная группа²⁶. Памятник расположен в 1 км к западу от с. Чернореченского Челябинской области, на левом берегу р. Уй, рядом с поселением Чернореченское I. В группе, состоявшей из четырех земляных насыпей, три были раскопаны нами. Добытый материал весьма ограничен, но интересен, так как отражает, вероятно, один из самых поздних моментов истории бронзового века Зауралья и очень слабо изученных в настоящее время.

В одном кургане могил не оказалось. В двух остальных было всего пять погребений. Четыре имели северную или почти северную ориентировку, характерную для срубной культуры. Посуда по форме, грубости изготовления, штриховому сглаживанию поверхности также аналогична срубной, и судя по вытянутым пропорциям горшков и почти полному отсутствию орнамента (рис. 13, 1—6), ее можно отнести к самому позднему периоду развития этой культуры.

Памятники бронзового века в окрестностях с. Спасского

Близ с. Спасского, расположенного в верхнем течении р. Урала и в 200 км южнее г. Челябинска, нами открыты и исследованы три курганные группы (рис. 14).

I курганная группа, насчитывающая четыре насыпи, расположена в 1,5 км южнее Нижне-Спасского поселения и в 2,5 км северо-западнее с. Спасского.

II курганная группа, насчитывающая три земляные насыпи, находится в 800 м северо-западнее села и в 500 м западнее поселения у Спасского моста.

III курганная группа насчитывает две насыпи и находится в 2,2 км восточнее села, на левом берегу Урала у шоссе на дороге Магнитогорск—Верхне-Уральск.

Курганы всех групп раскопаны полностью, благодаря чему получен весьма полноценный материал²⁷.

²⁶ Памятник открыт разведочным отрядом Коми филиала АН СССР под руководством автора. Подробное описание курганов дано в «Приложении» к настоящей работе.

²⁷ Полевые записи о памятниках помещены в «Приложении» к настоящей работе.

В I группе вскрыто 33 погребения и 10 пустых ям. Все погребения грунтовые, без сруба (не прослежен), с накатником, как правило, из лиственничных бревен. Из предметов, положенных возле погребений, известны два — лошадиный череп и часть лошадиной туши.

Двойные и тройные захоронения есть основание считать совершенными одновременно, так как никаких следов позднейших вторжений нами не было прослежено. Это преимущественно захоронения детей (курган 1, погребения 2, 15; курган 2, погребения 2, 3; курган 3, погребения 3, 4; курган 4, погребение 2), два случая парных погребений взрослых (курган 1, погребения 3, 12), один случай захоронения взрослого и ребенка (курган 1, погребение 5).

Аналогий такому типу захоронений среди алакульских могильников мало. На Алакуле известны пять парных (мужчина и женщина) захоронений и два тройных — взрослые и ребенок²⁸. Могильники Черняки I и II имели только одиночные погребения. Парные захоронения есть на Тасты-Бутаке. Тройные и даже четверные захоронения имели место у срубников²⁹. Только в срубных могильниках находит аналогию обряд (курган 2, погребение 10; курган 1, погребение 6) положения умершего грудью и лицом вниз³⁰. Характерно преобладание количества детских погребений над взрослыми, что свойственно в целом для этого времени.

Как правило, умершему ставили два сосуда — крупный, обычно покрытый нагаром, и маленький, грубый, без орнамента и без нагара. К глине горшков преимущественно примешан песок. Дру-

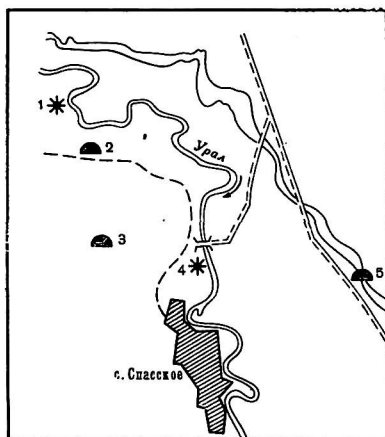


Рис. 14. С. Спасское. План расположения памятников

1 — Нижне-Спасское селище; 2 — I курганная группа; 3 — II курганная группа; 4 — селище у Спасского моста; 5 — III курганная группа

²⁸ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль, стр. 71.

²⁹ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, стр. 138.

³⁰ И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, рис. 50; он же. Археологические исследования Заволжского отряда, рис. 3, 14; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, стр. 312.

гих вещей мало. Женские украшения представлены желобчатыми браслетами, бронзовыми и пастовыми гофрированными пронизками, известными в алакульских (Алексеевский могильник) и абашевских погребениях³¹. Костяная трубка (курган 1, погребение 11) — единственная такого рода находка в алакульских курганах — напоминает одноствольную флейту из ямного погребения в Поволжье³², обломок флейты из срубного погребения в Чувашии³³ (или это просто трубочка неясного назначения, идентичная найденной в Поволжье в погребении XIV—XIII вв. до н. э.³⁴). Великолепна находка изображения телеги на сосуде из погребения 11 кургана 1 (рис. 13, 12). Кроме аналогий с Кавказом³⁵, с остатками двухколесных арб из курганов Поволжья, рисунок отдаленно напоминает западноевропейские изображения телег эпохи халколита³⁶. Возможно, наш рисунок запечатлел погребальную колесницу, что не исключено, но он свидетельствует и о существовании парной упряжки, возможно в ярме, о возможности передвижения не только верхом, о чем косвенно свидетельствуют находки псалиев (алакульского, айдабульского)³⁷, но и с поклажей в телеге³⁸.

Керамика делится на несколько групп. В самую многочисленную — алакульскую группу вошли сосуды баночной и горшечной-баночной форм, преимущественно с уступчиком. Здесь господствует орнамент из треугольников, линий, зигзагов, полос из протасенной гребенки, меандровых мотивов (рис. 13, 7—13; 15, 1, 2, 4, 5, 6.). Один сосуд из этой группы с коротким отогнутым венчиком и высоко поднятыми плечами (рис. 15, 6) имеет аналогии на могильнике Тасты-Бутак³⁹. Он означает появление новой формы посуды, получившей развитие позднее. Эта

³¹ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1961, стр. 63, 181.

³² И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 17, рис. 4, 8.

³³ Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. МИА, № 111, 1962, рис. 4, 2.

³⁴ И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 128, рис. 47, 11.

³⁵ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, стр. 83, 84, рис. 69.

³⁶ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 301.

³⁷ К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7. Алма-Ата, рис. 8.

³⁸ Как свидетельствует В. О. Витт со ссылкой на ассирийские источники, в жесткую упряжку, ярмо, в это время могли впрягаться и лошади (см.: В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952, стр. 195).

³⁹ В. С. Сорокин. Указ. соч., сосуды № 36, 37, 39, 40 и др.

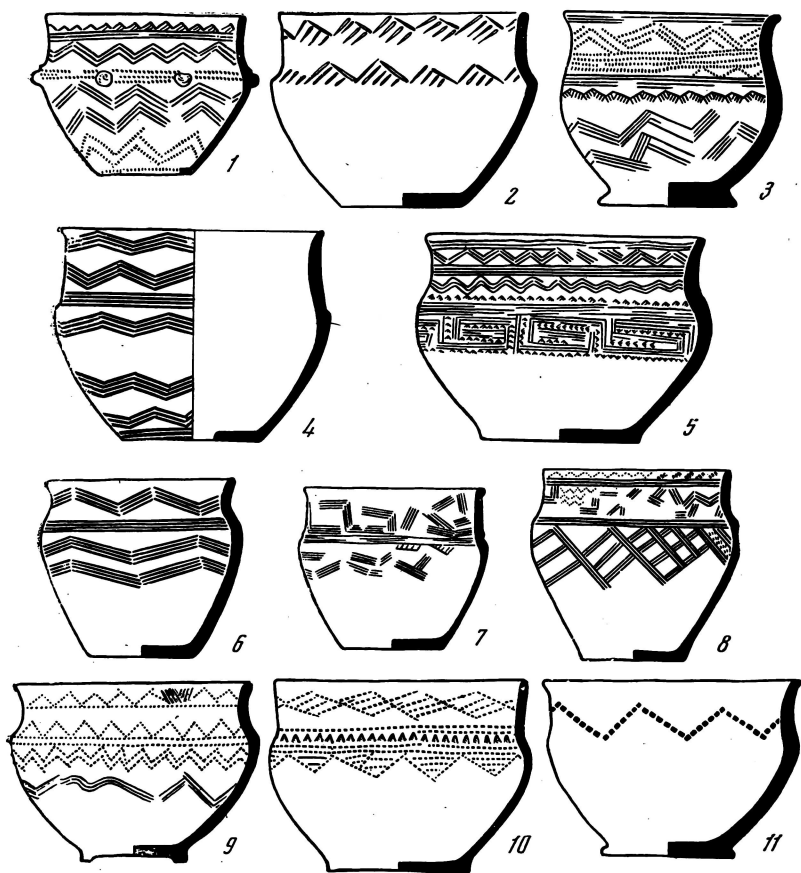


Рис. 15. С. Спасское. I курганный группа. Глиняные сосуды

1 — 4/3; 2, 8 — 1/12; 3 — 2/10; 4 — 4/6; 5, 7 — 4/2; 6 — 1/9; 9 — 4/7; 10 — 2/2; 11 — 3/7

форма считается одним из прообразов ранней савроматской посуды в Приуралье⁴⁰.

Во второй группе объединены срубно-алакульские сосуды, отличающиеся срубной формой, алакульским стилем и техникой орнамента, возможны срубный стиль орнамента и алакульская техника исполнения (рис. 15, 3, 7, 8, 9).

⁴⁰ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 117.

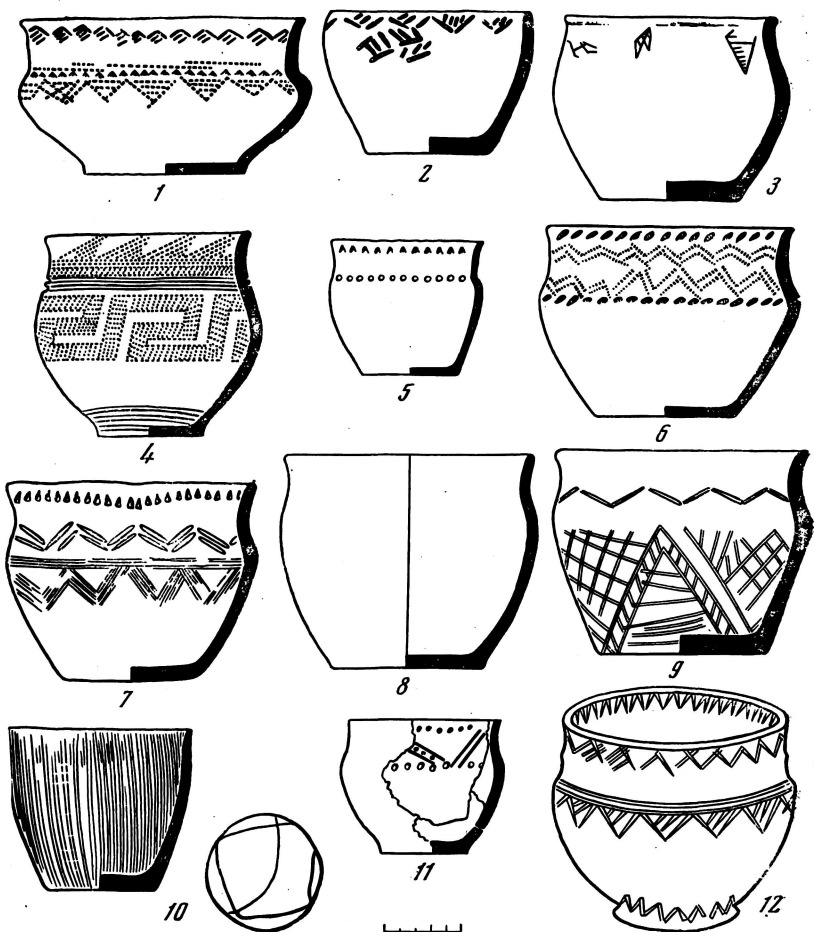


Рис. 16. С. Спасское. I—III курганные группы. Глиняные сосуды

I курганный группа: 1 — 3/1, 2 — 1/15, 3 — 1/2, 11 — 2/5; II курганный группа: 4 — 1, 8 — 2, 12 — 3; III курганный группа: 5 — 1/8, 6 — 1/6, 7 — 1/2, 9 — 2/3; 10 — 1/9

В третью группу (несколько сосудов) входят срубного типа горшки (рис. 15, 11; 16, 2, 3), имеющие много аналогий в комплексах раннего периода этой культуры⁴¹.

⁴¹ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, рис. 23, 17; 29, 12; 37, 3, 10, и др.

В четвертой группе (рис. 15, 10; 16, 1) четыре сосуда. Они отличаются формой: приземистостью, почти цилиндрическими горловинами и стилем орнамента. Отдельные элементы орнамента (ромбы, треугольники, уголки, линии) входят в состав алакульской и срубной орнаментации. Возможно, эта группа представляет один из вариантов срубно-алакульской посуды. Нельзя не отметить почти абсолютного сходства формы этих горшков с некоторыми экземплярами Кокчинского могильника⁴² тазабагыбской культуры. Но является ли названное сходство результатом связей людей, оставивших оба могильника, или конвергентным явлением, в настоящее время судить трудно.

Ориентировка погребений указывает на господство срубной традиции. Из 35 погребений, ориентированных меридионально, только в одном скелет лежит головой на юг. В 22 случаях ориентировка на север, в остальных — не устанавливается.

		Ориентировка погребений I курганной группы
Ю-С	15	
ССЗ-ЮЮВ	14	77,7%
ССВ-ЮЮЗ	6	
З-В	3	
СВВ-ЮЗЗ	2	20,0%
СЗЗ-ЮВВ	4	
ЮВ-СЗ		
ЮЗ-СВ	1	2,3%

Во II группе всего три погребения. Материал невелик. Горшки из кургана 1 (рис. 16, 4) аналогичны федоровской посуде. Из заполнения ямы кургана 1 и насыпи происходят черепки с грубой, по-видимому, срубной орнаментацией.

Сосуд из кургана 2 с коротким отогнутым наружу венчиком и поднятыми плечиками (рис. 16, 8) аналогичен многим тасты-бутакским горшкам. Аналогии желобчатым браслетам с завитыми концами из кургана 2 многочисленны на Тасты-Бутаке⁴³, Алексеевском могильнике⁴⁴ и других памятниках эпохи бронзы. Горшок из кургана 3 алакульский. Но его высокий с выступом поддон (рис. 16, 12) и ребристая горловина не характерны для Зауралья.

В III группе было 13 погребений, из них одно пустое. Гос-

⁴² М. А. Итина. Указ. соч., рис. 4, 8; 5, 6.

⁴³ В. С. Сорокин. Указ. соч., табл. XI.

⁴⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 37.

подствующая ориентировка северная или близкая ей, т. е. срубная; в одном случае — на восток. Посуда здесь вся срубная с характерным орнаментом: рядами клинышков, уголками, группами ямок, зигзагами из крупной гребенки, колечками, штриховым сглаживанием поверхности, асимметрией орнамента (рис. 16, 5, 6, 7, 9, 10). В одном случае ломаная полоса выполнена протаскиванием гребенки (рис. 16, 7), т. е. алакульской техникой. Характерны грубость исполнения некоторых сосудов, бугристая поверхность. Подвеска в полтора оборота из погребения 9 кургана 1 имеет аналогии в срубных⁴⁵ и алакульских⁴⁶ комплексах. Захоронение телят на краю могилы 2 кургана 2 напоминает аналогичное по позе (головами навстречу) захоронение лошадей в Алакульском могильнике⁴⁷. К глине горшков примешан везде песок и в двух случаях (курган 2, погребение 2; курган 1, погребение 9) — толченая раковина.

В культурных слоях описанных нами в этой главе алакульских поселений нередко встречается керамика других типов: срубного, федоровского. Сложно переплетаются алакульские и срубные черты на некоторых могильниках. Но как бы ни было сильно чуждое влияние на таких памятниках (Спасские курганы I), все же мы склонны видеть в них алакульскую основу. Но памятники типа курганов Чернореченских, Спасских III — не алакульские. Это срубные памятники.

3. Поселения черкаскульской культуры

Поселение Лужки. Памятник открыт в 1955 г. и частично исследован в 1956 г. экспедицией Каменск-Уральского музея под руководством автора. Поселение занимает открытый участок террасы левого берега р. Исеть высотой около 3 м, в 1,5 км восточнее дер. Лужки и в 5 км от г. Каменск-Уральский (рис. 17). Площадь поселения почти вся распахана. Памятник расположен в лесном районе с хвойно-лиственной растительностью. Ориентировочно площадь поселения определялась по находкам на пашне керамики, костей и составляет округленно 2400 кв. м. Вскрыто 188 кв. м. Раскоп случайно захватил полностью одно из жилищ поселения. Сверху никаких признаков жилищной впадины не наблюдалось.

⁴⁵ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, стр. 66, рис. 13; стр. 113, рис. 31, 2.

⁴⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 35, 6; М. Г. Мошкова. Ново-Кумакский курганный могильник. МИА, № 115, 1962, рис. 3, 3.

⁴⁷ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль, стр. 56.

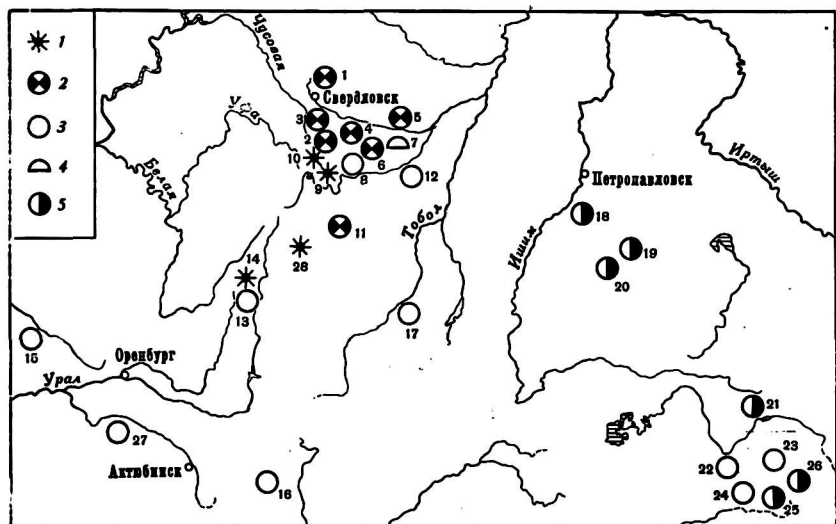


Рис. 17. Карта алакульских и черкаскульских памятников

1 — алакульские поселения; 2 — черкаскульские поселения; 3 — алакульские и срубно-алакульские могильники; 4 — черкаскульские могильники; 5 — алакульско-федоровские могильники

1 — Новая III; 2 — Черкаскуль II; 3 — Межовское; 4 — Лужки; 5 — Замараево; 6 — Ново-Буринское; 7 — Ново-Буринский и Больше-Караболский; 8 — Черняки I; 9 — Черняки III; 10 — Черняки II (раскоп I); 11 — Липовая Курья; 12 — Алакуль; 13 — I курганный группа у с. Спасского; 14 — Нижне-Спасское (алакульское жилище); 15 — Новобелогорский; 16 — Тасты-Бутак; 17 — Алексеевский; 18 — Петропавловский; 19 — Бырек-коль; 20 — Боровое; 21 — Сангунь II; 22 — Аксу-Аюлы; 23 — Былкылдак I и II; 24 — Шерубай-Нура; 25 — Канаттас; 26 — Карасай; 27 — Увакский; 28 — Чернореченское I (нижний слой)

Стратиграфия памятника зависит от того, где откладывались слои — внутри или вне жилища. В пределах жилища наблюдалась следующая картина: пахотный слой 15—25 см, убывающий к югу, слой темно-серой супеси с тонкими прослойками густой черноты; небольшими линзами ниже расположены углистые прослойки и прокаленные полосы. Вне жилища стратиграфия проще: пахотный слой, светлая супесь, иногда с включениями зольных пятен. Подстилающий горизонт на площади раскопа представляет из себя светло-желтый суглинок, на котором предельно отчетливо фиксируются очертания всевозможных углублений. После снятия двух первых слоев (штыков) многие квадраты у стенок раскопа обнажили материковый суглинок. В центре раскопа оформилось

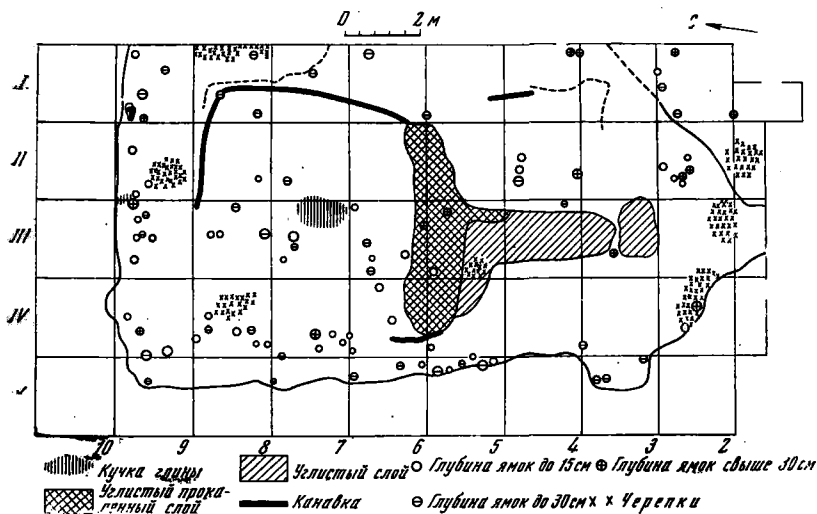


Рис. 18. Поселение Лужки. План жилища

большое черное прямоугольное пятно с включением большого количества угольков, пережженных костей и растрескавшихся от огня камней. Вся эта масса культурных остатков оказалась заполнением жилищной камеры, врезанной в суглинистый материк до 40 см (рис. 18). Следы пожара повсеместно встречались до самого дна жилища, особенно на площадке южнее бровки по линии 5. Здесь лежали крупные, не сгоревшие до конца головешки, оказавшиеся на месте вытянутого с востока на запад углубления (кв. II, III, IV/6), врезанного в материк до 24 см и плотно заполненного перегоревшим деревом и кухонными отбросами-костями. С юга к нему примыкает более мелкое — до 7 см углубление, вытянутое с севера на юг, тоже заполненное продуктами горения. В целом оба углубления представляли, по всей вероятности, наземный открытый очаг. На месте основного очажного углубления (кв. III/5) стояли два столба, глубоко вкопанные в грунт. От них сохранились обгоревшие пеньки. Сильно прокаленные до красноты участки обнажились на дне очажного углубления после его расчистки. К югу от очага (кв. III/7) находилась заготовленная для хозяйственных целей большая куча глины (120×60 см, толщина 12 см) охристого цвета с примесью (видимо, естественной) талька. Глина многих черепков, собранных в раскопе, по

составу не отличалась от этой. Сверху куча глины была покрыта твердой прокаленной коркой. Еще далее к северу участки пола с красноватыми пятнами прокала подтверждали картину повсеместно пылавшего огня. Основная масса находок происходит главным образом из окраинных квадратов, за пределами жилищной камеры, или из участков, примыкавших к стенкам жилища. В последнем случае бесспорно позднее сползание культурных остатков во время постепенного запыла впадины. В центральной части жилища, на дне, находок почти не было.

Четкие границы жилищной ямы прослежены везде, кроме восточной стороны, где, видимо, часть землянки осталась недокопанной. Южная стенка жилища расходится, образуя узкий проход в направлении реки. На дне жилища выявлено большое число столбовых ямок, достигавших иногда более 50 см глубины и разбросанных в беспорядке. Конструкцию жилья на их основе представить невозможно. На полу жилища прослежены полосы сгоревших жердей, тянувшихся с юга на север и затем под прямым углом к западу. Можно лишь предположительно связать их с каркасом кровли жилища, рухнувшей наземь.

Находки, кроме керамики и костей домашних животных, немногочисленны: куски талькового камня, створки речных раковин, диски из черепков, обломок и целый экземпляр каменного наконечника стрелы из некачественного кремня, костяной наконечник стрелы, глиняные рыболовные грузила, три каменных песта, костяное орудие с зашлифованным концом. Интересна находка обломка дна сосуда с пятью круглыми отверстиями, подобная найденному К. В. Сальниковым на Кипели и отнесенному им к специальному сосуду для отжима творога. Найдены четыре цилиндрические бусины, вырезанные из трубчатой кости животного. Под северной стенкой жилища лежали два лошадиных черепа и 11 астрагалов овцы или свиньи.

Уникальной вещью является часть каменной чаши, переделанной из какой-то другой вещи. Длина ее 19 см, ширина 9,3 см, высота 4,7 см. По краю, с одной стороны, имеется бортик, дно вогнутое, снизу имеется след обломанной круглой ножки.

Керамика. Из 1869 фрагментов 353 — орнаментированы. Стратиграфически вся посуда, принадлежащая к различным типам, не расчленяется. Большинство фрагментов собрано за пределами жилища, хотя были скопления черепков и внутри, на дне. Два сосуда удалось подклеить почти полностью (рис. 19), но они, к сожалению, не орнаментированы.

Большую группу керамики мы выделили, руководствуясь сходством орнамента и форм, в основную, отложившуюся на па-

мятнике в один какой-то отрезок времени, на который падает возникновение и функционирование поселения. Орнаментальные элементы в данной группе своеобразны, варьируют между собой и с элементами, сравнительно редко применяемыми. Последние мы склонны отнести к заимствованным, но не исключать из данной группы, поскольку в таком случае неизбежно выпадали бы те фрагменты, которые имеют типичные элементы. Из всей массы керамики выделяются и такие малочисленные группы,

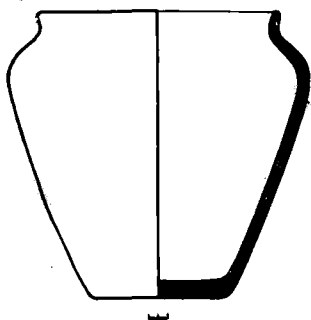


Рис. 19. Поселение Лужки.
Глиняный сосуд

форма и орнамент которых своеобразны и с основной группой у них связи не наблюдается.

Как мы уже отметили, одним из важных объединяющих показателей основной группы является форма посуды. Из 138 венчиков от разных сосудов удалось выделить только 54, форму которых, хотя бы верхней части, можно достаточно уверенно реконструировать. Из них 47 венчиков, иногда с прилегающими стенками, вошли в таблицу, которая представляет собой эволюционный ряд различных форм керамики от горшечно-баночных с высокими горловинами до бомбовидных сосудов с короткими выгнутыми венчиками (рис. 20). Попытка выделения самостоятельных групп в этом ряду дает весьма условный результат. Первые десять венчиков можно отнести к сосудам горшечно-баночной формы с высоким, почти вертикальным венчиком. У следующих семи сосудов наблюдается постепенное, незначительное раздутие корпуса за счет сокращения высоты горловины. Группа сосудов (с 18-го по 34-й) иллюстрирует все более оформляющуюся бомбовидность, меньшую или большую степень сокращения высоты горловины и ее постепенный отгиб наружу. Последняя группа (с 35-го по 47-й сосуд) имеет устойчивую бомбовидность, короткий отогнутый наружу или наклонный внутрь венчик.



Рис. 20. Поселение Лужки. Профили сосудов

Самостоятельными группами можно было бы назвать первую и последнюю. Однако между ними существуют группы из переходных форм, объединяющие весь ряд керамических форм в один комплекс. Другим важным объединяющим признаком всех условных групп является наличие на венчиках сосудов утолщений (воротничков) и валиков, количество которых в каждой группе примерно одинаково, и, наконец, орнамент. Такие элементы, как ромбическая сетка, ломаные полосы с поперечной штриховкой, вертикальная елочка, полосы из наклонных оттисков гладкого штампа, насечки, пологий зигзаг из длинных насечек, являются универсальными.

Своеобразие орнамента лужковской посуды, точнее основного комплекса, складывается из двух важных показателей. Первый — это способ нанесения орнамента. Как правило, для этой цели применялся гладкий штамп, сделанный из деревянной пластины, торцом которой выдавливали узор. Нередко он оставлял отпечатки годовых колец, создающих при беглом осмотре впечатление работы зубчатым штампом. Употребление последнего имело ограниченный характер, но в таком случае им выполнялись типичные узоры. Широко применялся инструмент с острым концом для получения резных линий и насечек.

	А	СТЕННИ		ВЕНЧНИИ	
		АНКИ	ЗУСЧ	АНКИ	ЗУСЧ
1	ПРОСТОЕ МЕАНДР		4		1
2			2		
3	СЛОЖН. МЕАНДР	30	6		
4		320		81	
5		3		3	
6		232		257	
7		148	130	80	39
8		75	84	77	29
9		1	4		
10		57	17		
11		16			
12		39	10		
13		4			
14		5			
15		3			
16		1			
17			2		
18		13	3	16	7
19		11	7	9	3
20		9	2	11	8
21		12	11	6	2
22			3		
23		4	3		1
24		3	8		3
25			1		
26		90	41	57	45
27		2		6	2
28		68	11	37	7
29		38	1	42	4
30		44		55	5
31		3	10		
32		22		58	7
33		6			
34		3	1		1
35		12			
36		5			
37		15		9	
38		2	2		
39		5			
40		5			
41		1			
42				2	
43				1	
44	ВАЛКИ, ВОРОТНИКИ НА 62 СОСУДАХ				
45	ШУР	НА 7 СОСУДАХ			

	Б	СТЕННИ		ВЕНЧНИИ	
		АНКИ	ЗУСЧ	АНКИ	ЗУСЧ
1					
2					
3		48		44	
4			1		
5		21	42		
6		37	3	1	
7		1		35	6
8		1			оо КОЛЕЧНИ
9		12	5		
10		6			
11		2			
12		1	1		
13		1			
14			1	1	
15			1	1	
16		2			
17			1		
18		4	1	2	
19		1		3	
20			6		
21		15	1	21	4
22		11		15	2
23		7		12	
24		4		8	1
25		8		5	9
26				3	
27		78	2	102	10
28		1		1	
29				1	
30					
31				1	
32			1		
33		1		6	
34		2			
35		81	7	49	4
36				1	
37				1	
38		НА 30 СОСУДАХ			
39		НА 9 СОСУДАХ			

Рис. 21. Таблица элементов орнамента

А — поселение Черкаскуль II;
 Б — поселение Лужки
 В правой колонке помещены рисунки элементов, отсутствующие в левой колонке

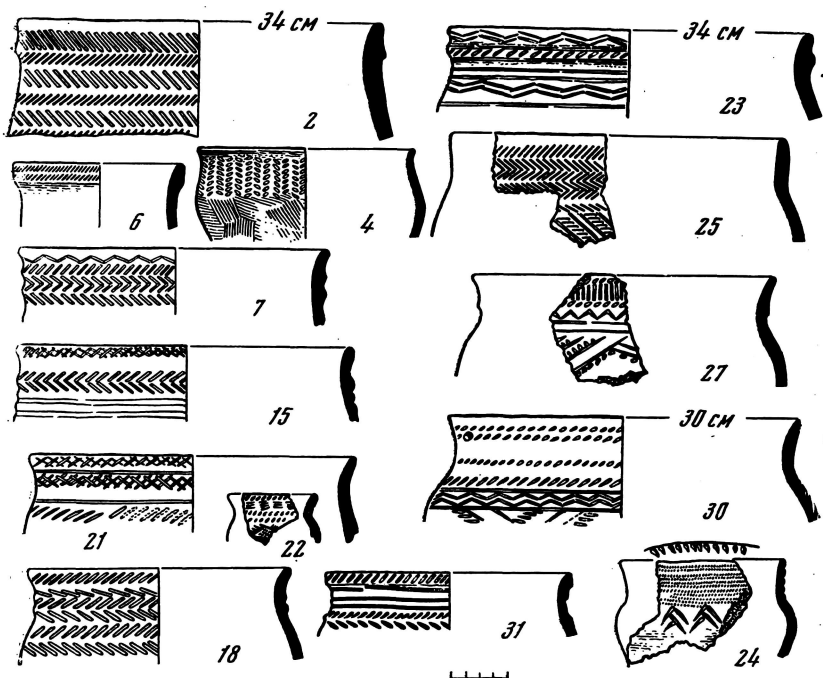


Рис. 22. Поселение Лужки. Реконструкции сосудов

Орнамент, как правило, не опускался ниже плечиков. Известен лишь один обломок дна со стенками, на которых нанесена полоса неоконтурных ромбов. В подавляющем большинстве случаев рисунок, расположенный на венчике и плечиках, состоит из одинаковых элементов. К ним относятся полосы из наклонных отпечатков гладкого штампа, елочка, выполненная тем же штампом, пологий зигзаг из длинных насечек, наклонные ряды насечек, ромбическая сетка, зигзаг из гладкого штампа, колонки из горизонтальных насечек, желобки. Наглядное представление об этом дают таблица элементов орнамента основной группы керамики поселения (рис. 21), а также реконструкции сосудов (рис. 22, 23). Есть элементы, применяемые при орнаментации только плечиков: одинарные или многоярусные ломаные полосы с поперечной штриховкой (рис. 24).

Прочие элементы очень редки. Из них обратим внимание на рисунок в виде лесенок, очевидно производный от наклонных

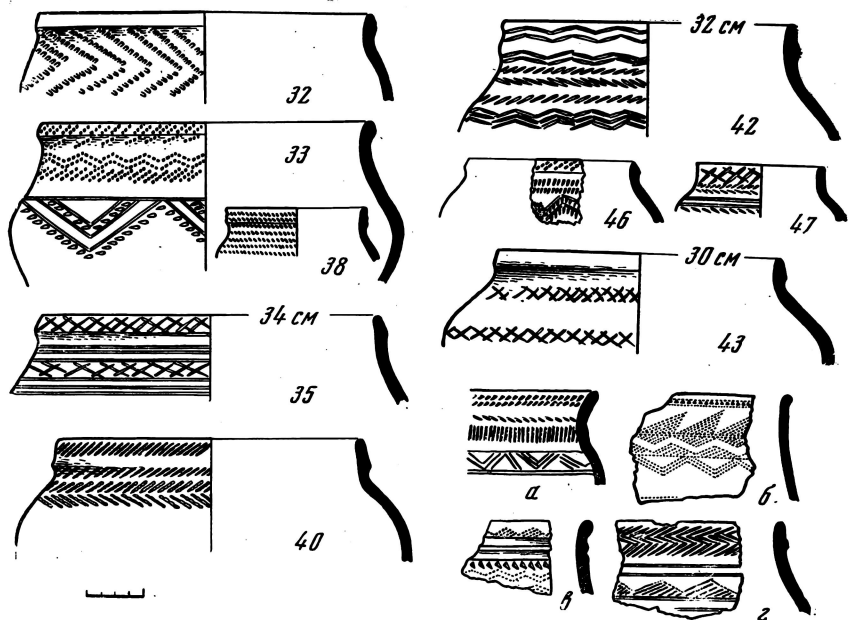


Рис. 23. Поселение Лужки. Реконструкции сосудов

Сквозная нумерация на рис. 22, 23 соответствует нумерации на рис. 20

колонок из горизонтальных насечек (рис. 21). Существуют варианты этого элемента. Продольные линии, разделяющие горизонтальные насечки, в одних случаях следуют наклону колонок, в других — поставлены вертикально. Редко применяемые резные заштрихованные треугольники, глубокие линейные зигзаги (рис. 21, элем. 4, 14), ломанные полосы протасенной гребенки мы склонны отнести за счет влияния алакульской орнаментальной традиции. Уникальны многоярусные зигзаги, образованные из семячковидных насечек (рис. 22, 4). Поверхность этого сосуда сглажена зубчатым штампом, что вызывает срубные аналогии. Остальные редкие элементы: ромбы, колечки, бесформенные ямки являются, по всей вероятности, продуктом местной традиции. Три сосуда основной группы орнаментированы отпечатками шнура, в одном случае парными отпечатками в сочетании с широко распространенными элементами: наклонными отпечатками штампа и елочкой (рис. 22, 24, 31; 23, 38). Обратим внимание на следующий орнаментальный прием. В ряде случаев валики на лужковской посуде

орнаментированы ромбической сеткой. В некоторых случаях она существует и без валиков, но за счет кривизны линий создается впечатление валика (рис. 23, 43). Такой орнаментальный прием уже встречался на поздней керамике поселения Чернореченское I. По форме и элементам орнамента первая группа керамики отнесена нами к черкаскульскому типу.

Остается сказать о рецептуре глины. Из 353 орнаментированных фрагментов для подсчетов взят 301 фрагмент, дубли исключены. Подавляющее большинство посуды изготовлено из тальковой глины. Куча превосходной глины, как уже упоминалось, лежавшая возле очага, тоже содержала тальк, но, видимо, в естественной примеси. Куски талькового камня, находимые нами в раскопе, дробились и использовались в качестве добавки. Мало фрагментов из глины с песком, редки и другие примеси. Лощение поверхности горшков тоже не находило значительного применения. Данные об этом сведены в прилагаемую таблицу:

Обработка поверхности; примесь	Венчики	Стенки	Обработка поверхности; примесь	Венчи- ки	Стенки
Тальк; лощения нет	108	109	Песок, дресва, шамот	1	6
Песок; лощения нет	26	29	Раковина	1	—
Песок; лощение есть	2	9			

На полу жилища найдены развалы двух крупных сосудов без орнамента. Их форма с коротким отогнутым наружу венчиком и крутыми плечиками аналогична бомбовидным сосудам из нашей таблицы, но отсутствие орнамента затрудняет их точную привязку. Глина этих сосудов с примесью песка, поверхность хорошо заглажена, что свойственно основной группе керамики. Возможно, эти сосуды использовались для хранения припасов. В развале одного из них встречены кости животных.

Небольшой группой, из 15 фрагментов, представлена посуда андроновского (федоровского) типа (рис. 23, б). Для нее характерны лощение, песок в глине, орнаментация мелкозубчатым штампом в виде косых треугольников, фестонов, сложных меандров, зигзагов и полос. Есть также несколько черепков от сосудов, по-видимому, гибридных. Например, характерные (федоровские) «косые» треугольники здесь выполнены резьбой (рис. 26, 1), фрагменты от алакульских горшков с резными треугольниками

имеют лощеную поверхность, что обычно несвойственно для данного типа посуды. Единственный фрагмент края черкаскульского горшка украшен треугольниками и зигзагами, выполненными в федоровском стиле (рис. 23, *в*).

Кроме посуды бронзового века, на поселении собраны немногочисленные фрагменты, которые отложились на нем длительное время спустя после его гибели. Аналогии им мы находим в керамике поздних поселений по р. Исеть, отнесенных К. В. Сальниковым к бакальской культуре IV—VIII вв. н. э.⁴⁸ Еще несколько черепков с орнаментом из крупной елки по горловине, защипами на плечиках находят близкие аналогии среди посуды с поселения эпохи железа Речкино⁴⁹, расположенного на р. Тобол, в пределах Курганской области, а также с городища Чудаки⁵⁰, где они датируются второй половиной I тыс. до н. э. Таким образом, поселение Лужки было обитаемо не менее двух раз: сначала в бронзовом веке, когда образовался слой с черкаскульской керамикой, затем в железном веке. Ко второму периоду заселения Лужков относятся, по нашему мнению, и обломки каменной чаши — жертвенника.

Поселение Черкаскуль II. Обращение к этому опубликованному памятнику⁵¹ вызвано расхождениями, касающимися его стратиграфии. К. В. Сальников считал Черкаскуль II двухслойным памятником. Наш анализ материалов поселения не согласуется с этим выводом.

Керамический комплекс поселения довольно обширен, но сильно фрагментирован. Из 425 обломков венчиков удалось выделить всего лишь 25, по которым можно реконструировать форму и орнамент сосудов, в подавляющем большинстве случаев лишь верхней части. Один сосуд реконструирован полностью (рис. 25, *б*). Еще по двум подклеякам восстановлен профиль и отрывочно орнамент по вертикали (рис. 24, *13, 14*).

Прибегая к формально-типологическому методу, мы образовали из имеющихся реконструкций эволюционный ряд точно так же, как это было сделано с посудой из Лужков. Несмотря на ограниченность материала (в таблицу не вошло несколько сходных венчиков), последний через форму и орнамент проявляет взаимосвязь, создавая у нас уверенность в наличии единого

⁴⁸ К. В. Сальников. Исетские древние поселения. СА, XXV, 1956, рис. 18, стр. 214.

⁴⁹ В. Е. Стоянов, А. Г. Ширяев. Селище Речкино I. ВАУ, № 6. Свердловск, 1964, стр. 76, табл. II, 1, 2, 4, 6.

⁵⁰ К. В. Сальников. «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. СА, IX, 1947.

⁵¹ К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья, стр. 5—23.

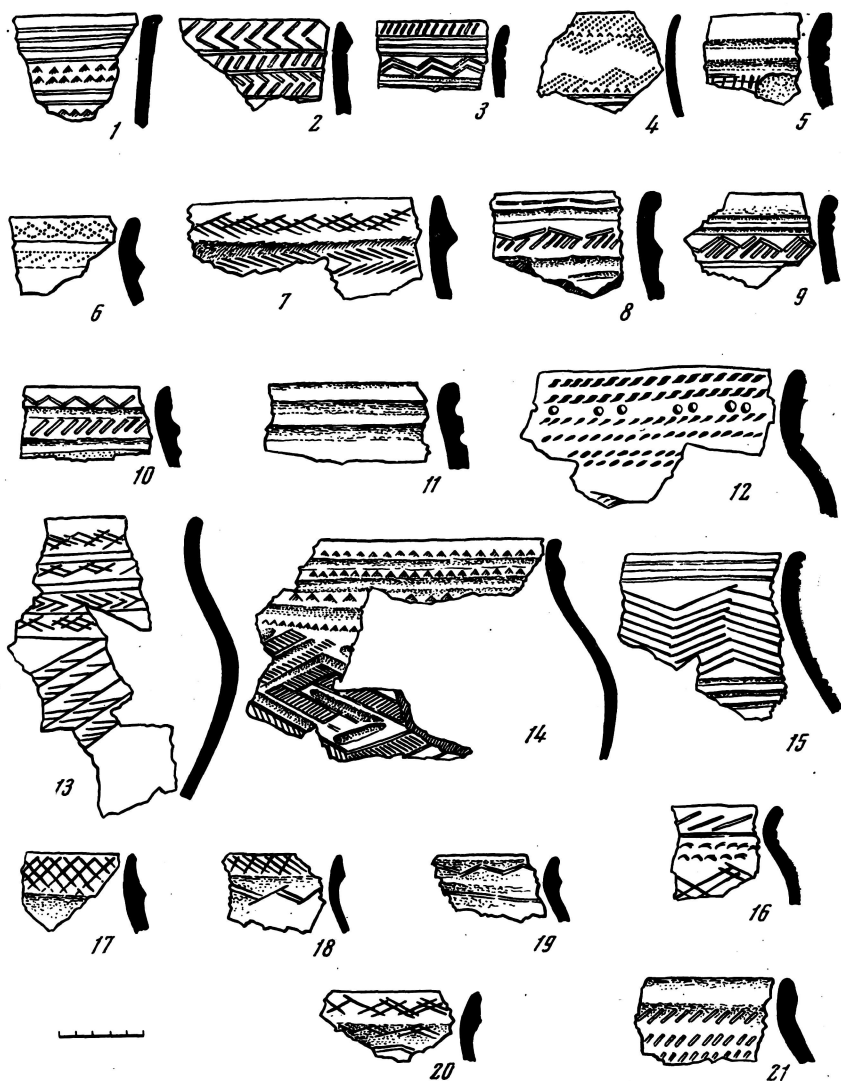


Рис. 24. Селище Черкаскуль II. Керамика

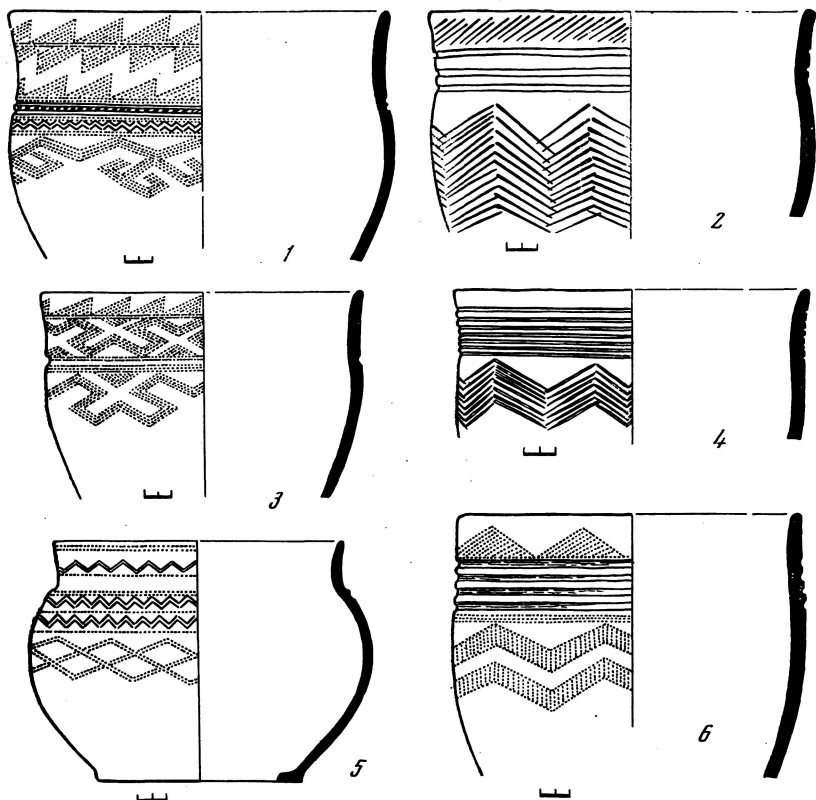


Рис. 25. Глиняные сосуды

1—4, 6 — селище Кипель; 5 — селище Черкаскуль II

керамического комплекса. В нашем ряду посуда размещена в такой последовательности: горшечно-баночные формы, сосуды с усилением профилировки — сокращением венчика, увеличением бомбовидности (рис. 24). Сравнивая крайние формы: горшечно-баночные и бомбовидные (последние не так выразительны, как на Лужках), отметим, что между ними существуют переходные формы, связывающие весь ряд. Аналогично лужковскому ряду, сосудам любых форм Черкаскуля в одинаковой степени свойственны валики и утолщения венчиков (воротнички). Орнамент также объединяет все формы посуды. К числу универсальных

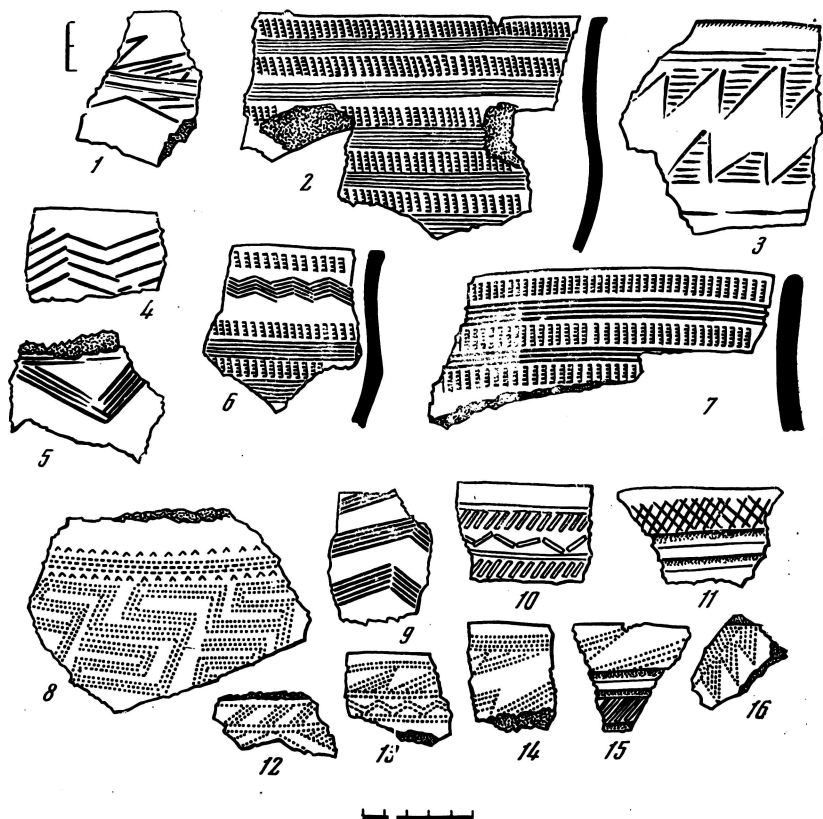


Рис. 26. Фрагменты керамики

1 — поселение Лужки; 10, 11, 15, 16 — Чернаскуль II; 2—9, 12—14 — Замараево

элементов следует отнести: желобки, ромбическую сетку, уголки, полосы наклонных оттисков гладкого штампа. Поскольку универсальные элементы сочетаются с другими — треугольными фестонами, елочкой, то, следовательно, и эти последние характерны для всего ряда. Так же, через сходство орнамента, объединяются в один комплекс многочисленные венчики, не вошедшие в ряд. Орнамент на корпусе в виде сложного меандра и многорядных ломаных полос с поперечной штриховкой реконструируется всего лишь на двух сосудах. Но благодаря существованию связующих элементов, названных выше, его употребляемость во

всем комплексе вполне возможна. Следовательно, есть реальные основания считать черкаскульский керамический комплекс единым, возникшим за один какой-то промежуток времени.

Рассмотрим теперь метод выделения двух комплексов, примененный К. В. Сальниковым. Собственно черкаскульская посуда, по К. В. Сальникову, имеет горшечную форму и орнамент, сосредоточенный на верхней половине. Он состоит из желобков, изредка валиков, округлых или треугольных в сечении, резных зигзагов, насечек, треугольных фестонов, поясков из наклонных оттисков гладкого штампа, изредка меандра в сопровождении желобков, ромбической сетки, незаштрихованных и концентрических ромбов, бахромки по нижнему краю орнаментальной зоны, полос из групп наклонных нарезок⁵². Для межовской посуды характерны валики, воротнички, в большинстве случаев выделяющиеся незначительно, оттиски гребенки, гладкого штампа, елочка, грубая ромбическая сетка, реже зигзаг, ряды наклонных оттисков, насечки, резные полосы⁵³. Для наглядности признаки обеих групп керамики сведем в таблицу:

	Черкаскульская керамика	Межовская керамика
1	Горшечная форма	Горшечная форма, более раздутая
2	Желобки	—
3	Валики	Валики, воротнички
4	Зигзаги резные	Редко
5	Наклонные оттиски штампа	То же
6	Ромбическая сетка изящная	То же, грубая, резная
7	Концентрические ромбы	—
8	Группы наклонных нарезок	—
9	Насечки	Редко
10	Треугольные фестоны	—
11	Меандр	Заштрихованные резные полосы
12	Бахромка	—

Примечание: с 1 по 9 — венчики сосудов, с 10 по 12 — стенки.

Проанализируем каждый признак в отдельности.

1. В работе К. В. Сальникова всего лишь по двум профилям первой группы делается вывод о горшечной форме данной посуды

⁵² К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья, стр. 13, 14.

⁵³ Там же, стр. 14, 17.

с умеренно выпуклыми стенками⁵⁴. В нашем ряду два сосуда с характерным для первой группы орнаментом — меандром, желобками, зигзагами (рис. 24, 14, 15) — имеют значительно выпуклые стенки и, наоборот, есть экземпляры с умеренно выпуклыми стенками, отнесенные к межовской посуде⁵⁵. Следовательно, в данном случае характерно не разделение, а взаимосвязь вариантов формы и орнамента одного типа посуды: горшечная форма — межовский орнамент, межовская форма — черкаскульский орнамент.

2. Желобки есть и на межовской керамике⁵⁶. Это закономерное, так как образование валика характерно для этой группы, обратная сторона — глубокого каннелирования. В коллекции поселения есть обломки краев, где желобки сочетаются с межовскими элементами — ромбической резной сеткой, наклонными оттисками гладкого штампа (рис. 26, 11; 24, 10).

3. Воротнички К. В. Сальников считает отличительным признаком. Сравним воротнички на межовской посуде и утолщение венчиков на черкаскульской⁵⁷. Форма и толщина их одинаковы, т. е. воротнички свойственны и для посуды первой группы. К. В. Сальников сам отмечает, что воротнички оформились из валиков, что как раз хорошо заметно на опубликованных профилях сосудов.

4. Зигзаги часты на межовской посуде⁵⁸. Зигзаг — составной элемент более сложных узоров: ромбической сетки, ломаных резных полос, которые, кстати, в другом месте названы зигзагами⁵⁹.

6. Кроме грубой резной сетки, на межовской посуде есть изящная гребенчатая⁶⁰.

7. В коллекции концентрические ромбы отмечены на стенках, которые нельзя связать с какой-либо группой посуды. Сомнительно также, чтобы этот элемент, повторенный всего трижды, можно было бы отнести к числу характерных.

8. В коллекции на венчиках наклонных нарезок нет. В работе К. В. Сальникова расположение этого элемента оговорено неясно, хотя приведенный здесь фрагмент — от стенок сосуда. Неясно,

⁵⁴ К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья, рис. 3, 1, 2.

⁵⁵ Там же, рис. 4, 10.

⁵⁶ Там же, рис. 4, 1.

⁵⁷ Там же, рис. 3, 1, 2 и 4, 11.

⁵⁸ Там же, рис. 4, 7, 8, 11; 5, 6.

⁵⁹ Там же, стр. 17.

⁶⁰ Там же, рис. 4, 1.

но, какой группе посуды принадлежал фрагмент с групповыми нарезками.

10. Треугольные фестоны можно было бы отнести к числу характерных только для черкаскульской посуды, если бы анализ предыдущих элементов позволили нам расчленить керамический комплекс поселения на две хронологические группы.

11. Меандровые композиции на самом деле связаны с валиковой и воротничковой посудой, характерной для обеих групп, о чем сказано выше. Об этом свидетельствуют две реконструкции К. В. Сальникова в цитируемой работе (рис. 3, 1, 2) и одна — в нашей таблице (рис. 24, 14).

12. Здесь, видимо, описка. Бахромка окаймляет нижний орнаментальный ряд на посуде, названной автором межовской, что видно в опубликованной таблице⁶¹ и в нашей таблице элементов (рис. 21, элем. 10 и рис. 27, элем. 24). Или, может быть, фрагменты от сосудов черкаскульской группы, украшенные бахромкой, утеряны. В таком случае данный элемент одинаково свойствен для всей посуды.

На основе всего изложенного мы не можем согласиться с выделением на поселении Черкаскуль II двух групп керамики и относить их к различным хронологическим этапам. Керамический комплекс поселения един, возник в ходе разового заселения данного пункта. Сказанное отнюдь не исключает наличия более ранних и более поздних черт в орнаментальном наборе. Естественно, что сохранение и отмирание архаичных черт в материальной культуре происходило наряду с возникновением и развитием новых. Так же очевидно, что жизнь на поселении функционировала, может быть, несколько десятков лет. Таким образом, можно говорить о раннем и позднем этапе, имея в виду ранние и поздние элементы одного органически связанного комплекса.

К главным орнаментальным элементам, описанным выше, на Черкаскуле примешиваются также те, которые мы относим за счет влияний. Резные и гребенчатые треугольники, полосы проташенной гребенки, несомненно, результат алакульских связей (рис. 21, элем. 14, 16, 20). Видимо, производными от треугольников являются треугольные фестоны. Всех вместе их насчитывается около 2% в общей сумме повторенных элементов (рис. 21, элем. 18, 19). Для алакульской посуды характерны две разновидности меандра — упрощенный и более сложный, прямоугольный (рис. 21,

⁶¹ К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья, рис. 4, 9.

		НОЗЯЯ III				ЧЕРКАСУЛЬ II				ЗАМАРАЕВО				ЛУЖКИ				МЕЖОВСКОЕ				
		СТЕННИ		ВЕНЧИКИ		СТЕННИ		ВЕНЧИКИ		СТЕННИ		ВЕНЧИКИ		СТЕННИ		ВЕНЧИКИ		СТЕННИ		ВЕНЧИКИ		
		ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	ЛИНИИ	ГРЕБЕНА	
		%				%				%				%				%				
1						3			0,1													
2		59	22	1	3	10,6				18	1	1	2,6									
3		10				1,2				2	36	1	2,1									
4			1	1	1	0,3				1	1		0,2									
5		22		2		3				3			0,1									
6		5				0,5				22		5	1,2									
7		1		2		0,3				13	3	16	7	1,2								
8		5	8	4	5	2,7				9	2	11	8	1								
9		2	2	3	6	1,6				11	7	9	3	1								
10				1						12	11	6	2	1,2								
11		11	15	5	4	4,3				4	3	1	0,3									
12			2	2		0,5				3	10		0,6									
13		47	97	41		28	132	157	24,2	91	97		24,5					5		3,9		
14		88	66		19,2		100	101		34	54		11,4					24		18,7		
15		21	42	8	11	10,2	221	81	14,2	27	3	4	4,4					3	4	5,4		
16		7	30	3	5		148	130	75	39	13,7	44	55	5	4,9			8	5	9	3	
17			6		0,7		44	55	5	4,9		38	1	41	4	3,9		2	1	2,3		
18			1				15	9	1,1			19	2,5					4	8	1	2,2	
19			4		0,5		2	6	2	0,3			8	2	1,4			11	15	2	4,3	
20		8	26	24	21	9,8	90	41	58	45	11	27	16	23	16	11,4		15	1	21	4	6
21		2		2	1	0,5	68	11	37	6	4,7	9	17	3,3				9				
22					0,7				5					9					12,9		16,6	
23							16		0,7									20	5		4,4	
24							57	17	3,4				5	56	7	8,8		1				
25							39	10	2,3				1	5	0,8							
26								40	1,7				29	61	11,7			48	5	59	9	20,8
27								18	2	1			16	13	3,6			27	2	23	1	9
28							2	3	3	0,3				3				1	1	3		
29								1										4	1	2		2,2
30								5	0,2				6	0,8				1		6		0,6
31																		34	7	5	4	24,1
																		47		44		

Рис. 27. Корреляционная таблица элементов орнамента памятников черкаскульской культуры

элементы 1, 2). Также за счет влияния, видимо, следует отнести орнаментацию шести сосудов отрисками шнура в сочетании с елочкой и ромбической сеткой, т. е. характерными для черкаскульского комплекса элементами. В одном случае шнур сочетается с парными ямками (рис. 24, 12) и резным орнаментом типа флажков. В комплексе поселения встречено 12 обломков, которые с большей или меньшей степенью вероятности можно считать андроновскими (федоровскими). Для них характерны глина с песком, иногда лощение поверхности, косые треугольники, мелкозубый штамп (рис. 26, 15, 16). Уголки и желобки на этих черепках общие для всей керамики поселения.

Результатом взаимных влияний надо считать и относительную неустойчивость технологии, что видно из таблицы:

Обработка поверхности; примесь	Черкаскульская керамика		Федоровская керамика	
	венчики	стенки	венчики	стенки
Тальк; лощения нет	356	739	1	—
Песок; лощения нет	67	68	—	—
Песок; лощение есть	1	2	3	3
Тальк; лощение есть	1	—	—	—
Раковина	—	1	—	—

В последней группе насчитывается 10 черепков из тальковой глины. Орнамент из полос вертикальных оттисков длинного зубчатого штампа в обрамлении уголков, гребенчатых зигзагов или неоконтуренных ромбов. Орнаментация края сосуда повторяется. Видимо, это были сплошь орнаментированные горшки. Несколько аналогичных фрагментов встречены и на поселении Лужки.

Замараевское поселение. Материал памятника подвергнут повторному анализу подобно поселению Черкаскуль II в связи с теми же спорными вопросами, касающимися его стратиграфии.

К. В. Сальниковым выделены здесь федоровская, алакульская и замараевская группы посуды. Первые две группы, по его мнению, отложились на поселении раньше замараевского комплекса. В ранний период возникло и раскопанное двухкамерное жилище, пережившее тогда же два этапа заселения. К. В. Сальников говорит о вторжении в юго-восточный угол двухкамерного жилища

другого раннего сооружения⁶². О последовательности отложения ранних форм керамики ничего не говорится в этой работе, но надо думать, что имелась в виду очередность отложений в соответствии с его же периодизацией — федоровский этап, затем алакульский этап. Замараевский слой отложился позже всех, одно-два столетия спустя после сооружения первоначального жилища и занял весь его южный конец, уничтожив здесь ранний слой. Замараевская керамика сосредоточена на полу и четырех очагах южной части жилища. Один из очагов, заполненный ранней керамикой и перекрытый слоем с замараевскими черепками, по мнению К. В. Сальникова, остался от «другого сооружения». И на дне жилища та же картина: вместе с замараевской лежала и ранняя керамика, сохранившаяся от первоначальной землянки. В остальных очагах южной половины жилища сосредоточена замараевская керамика. В северной половине, на очагах и полу поздняя керамика «почти отсутствует», залегая «лишь в верхних горизонтах, местами перекрывая очажные углубления»⁶³.

Из приведенной характеристики стратиграфии памятника ясно — вторгалось или не вторгалось позднее жилище в северную половину раннего. Если нет, как это вначале утверждается, то каким образом на полу и очагах северной части жилища оказалась поздняя керамика? Если же вторжение было, то как нам отличить раннее жилище от позднего? Ведь никаких нарушений планировки раннего сооружения К. В. Сальниковым не отмечено, а они при такой ситуации неизбежны. Невероятно, чтобы спустя несколько веков после того, как первоначальное жилище было оставлено, жилище новых поселенцев, построенное на этом месте, точно вписалось бы в планировку старого.

До рассмотрения вопроса об очередности отложения керамических комплексов на поселении остановимся на максимально подробной характеристике самих этих комплексов. Начнем с наиболее обширной группы керамики, собственно замараевской. По К. В. Сальникову, она имеет следующие элементы орнамента: по-яски косых насечек, елочек, перекрещивающихся прямых, изредка меандра. Орнамент почти исключительно резной, выполнен грубо. Часты на шейке этих сосудов рельефные, иногда наlepные валики, орнаментированные гребенчатой или резной елкой. В глине талька и слюды нет; в форме имеются отличия от ала-

⁶² К. В. Сальников. Замараевское селище. «Первое уральское археологическое совещание». Пермь, 1948, стр. 46.

⁶³ Там же.

	А	СТЕННИ		ДЕНЧНИ	
		штук	штук	штук	штук
1		79	12	42	9
2		27		3	4
3		10	11	30	5
4		18		10	
5		56	5	7	
6		5			
7		5	11	1	1
8		3		1	
9		12			
10		88		86	
11	полосы разных	3		9	
12	полос разных	18		1	
13	полос разных	1			
14	полос			15	
15	полос			22	
16		29		61	
17		42	16	44	16
18		6		8	
19		16		13	
20			4		3
21		9	1	17	11
22				6	1
23					5
24				19	
25			7		7
26			10		1
27		34		54	
28			2		1
29			1		
30		1		5	
31				4	
32				6	
33					4
34				1	
35		5			
36				3	
37				1	

	Б	СТЕННИ		ДЕНЧНИ	
		штук	штук	штук	штук
1		87	6	19	18
2		203	31	39	15
3		2			
4					
5			6	1	
6					
7		138	9	23	
8		59	13	17	2
9			2	1	
10		3			
11		3	2		1
12				1	
13		5		4	
14		4	8		1
15					1
16		26			9
17		1			
18					1
19		14	9	13	12
20					
21			1		
22		39		8	
23			1		
24				2	

Рис. 28. Таблица элементов орнамента Замараевского селища.

А — черкаскульский (замараевский) комплекс; Б — алакульский комплекс

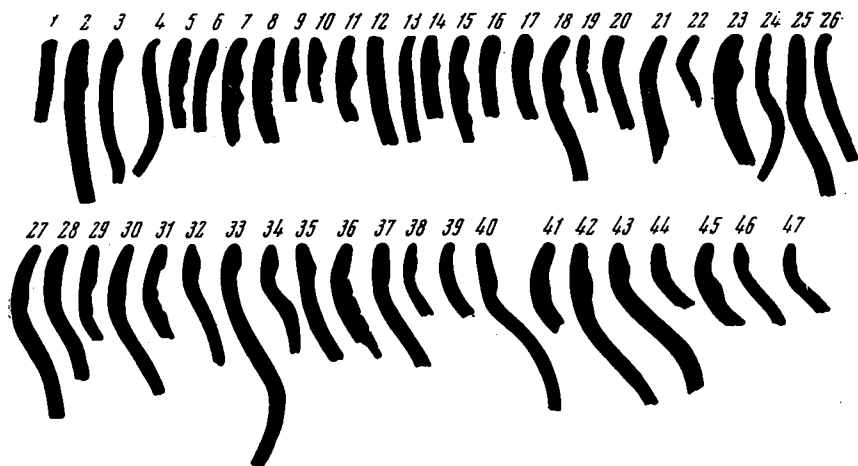


Рис. 29. Замараево. Профили сосудов черкаскульского (замараевского) комплекса

кульских и федоровских сосудов. Замараевский комплекс составляет примерно 20% от общего количества керамики⁶⁴.

Повторное изучение коллекции поселения позволило уточнить приведенную характеристику, значительно ее расширить. Основанием для этого служит то, что уже известные элементы орнамента часто встречаются совместно с другими, не попавшими в число замараевских. Это желобки, ломаные полосы с поперечной штриховкой, полосы из наклонных и вертикальных оттисков штампа, треугольные фестоны, меандры в большинстве случаев со сложным рисунком и в сопровождении желобков. Полный перечень элементов орнамента приводится в таблице (рис. 28), из которой видно, что помимо традиционных элементов, употреблявшихся широко, есть небольшое число элементов заимствованных. «Косые» треугольники обычны для федоровской посуды, прямые и ломаные полосы протасненной гребенки — одна из характерных черт орнаментации алакульской керамики. Полосы с продольной зубчатой штриховкой, по-видимому, также заимствованы из андроновской (федоровской) традиции (рис. 28, элем. 7, 8, 25). Объяснение прочим редко употребляемым элементам попытаемся сделать позже.

⁶⁴ К. В. Сальников. Замараевское селище, стр. 44.

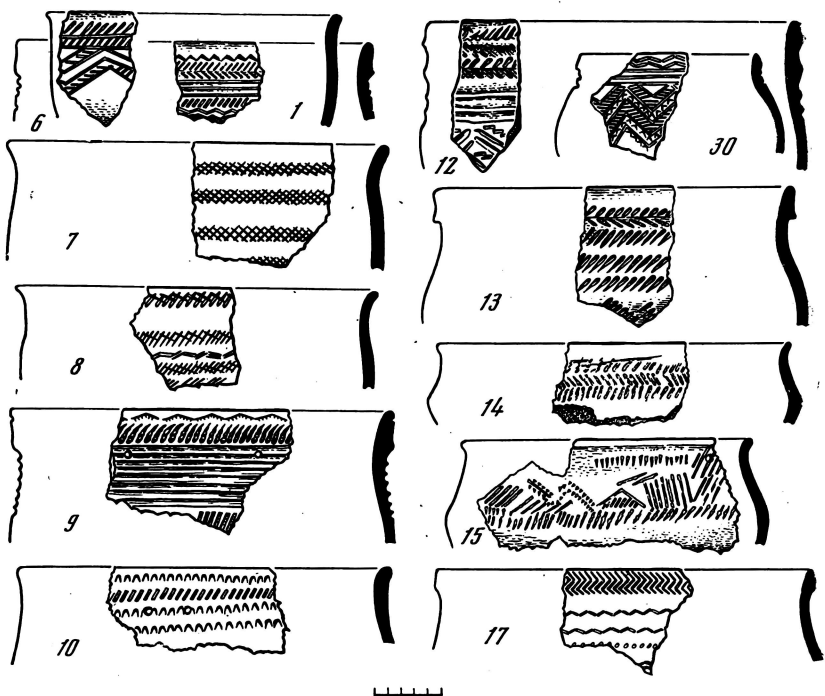


Рис. 30. Замаараево. Реконструкции сосудов

Единство замаараевского керамического комплекса с его специфическим набором элементов орнамента доказывается и на основе анализа форм посуды. Из 186 обломков венчиков различных сосудов удалось частично реконструировать 45. Профили дают представление о сосуде от торца до плечиков или (таких большинство) только о крае сосудов. В последнем случае профиль указывает лишь на степень наклона устья наружу или внутрь и дает общее представление о корпусе (рис. 29). На предлагаемой таблице профили размещены в той же последовательности, что и в изложенных выше эволюционных рядах с поселений Черкасуль II и Лужки. Переходные формы посуды и в последнем примере, по данным таблицы, объединяют крайние группы, численность которых поэтому можно установить лишь весьма приблизительно. Если бы пришлось судить об орнаменте

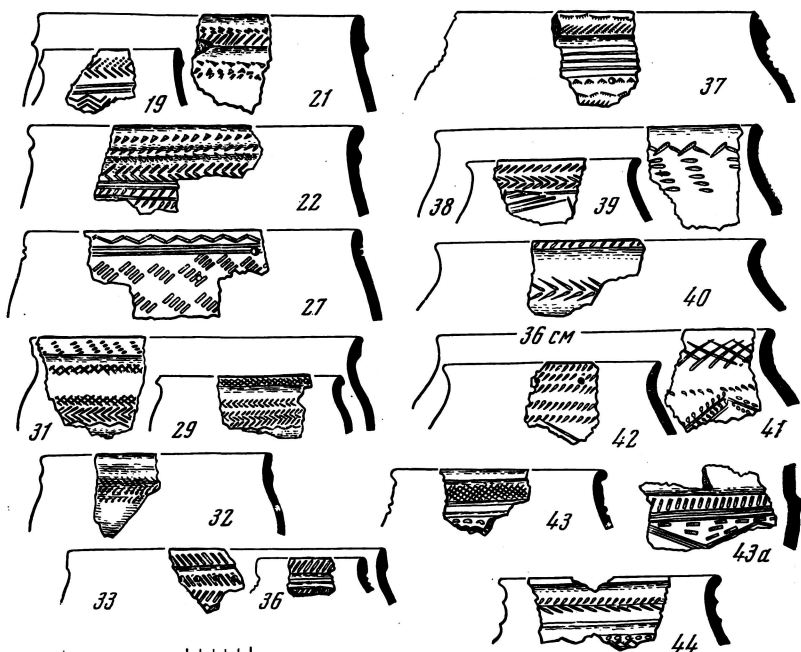


Рис. 31. Замараево. Реконструкции сосудов

Сквозная нумерация на рис. 30, 31 соответствует нумерации на рис. 29

данной группы только по реконструкциям (рис. 30; рис. 31)⁶⁵, составляющим четвертую часть всех известных нам сосудов, то и в этом случае мы встретили бы почти все основные элементы орнамента замараевской керамики. Итак, единство ряда от горшечно-баночных форм до сосудов с сильно раздутым корпусом включительно подтверждается устойчивым набором орнаментальных элементов. Таким же объединяющим элементом служат валики и воротнички, свойственные всем формам посуды. Кроме венчиков, к данной группе отнесено 258 обломков стенок, которые повторяют орнамент венчиков почти абсолютно (рис. 28). Представление о технологии замараевской керамики дает таблица:

⁶⁵ Номера реконструкций соответствуют номерам профилей. Того же самого мы придерживались и в отношении коллекции с Лужков.

Обработка поверхности; примесь	венчики	стенки	Обработка поверхности; примесь	венчики	стенки
Тальк; лощения нет	28	46	Песок; лощение есть	9	23
Песок; лощения нет	143	184	Тальк; лощение есть	2	3
			Раковина	4	2

Технология неустойчива. По всей вероятности, она является прямым следствием отмеченных нами выше культурных влияний, коснувшихся не только орнаментации, но и технологии.

Вторая по численности группа — алакульская. Она насчитывает 84 обломка венчиков и 324 фрагмента стенок. Основными для нее являются обычные для алакульских сосудов элементы орнамента: прямые и ломаные полосы проташенной гребенки, резные линии и зигзаги, резные и гребенчатые треугольники, полосы из наклонных оттисков зубчатого штампа (рис. 28; 26, 3—5, 9). Другие характерные элементы редки — меандр, ромбы, сдвоенные треугольники, городчатые фигуры. Преобладание простейших элементов и композиций, ограничение орнаментальной зоны верхом сосуда характерно для второй группы, за исключением нескольких обломков и одного развала сосуда, лежавшего в очаге 8 (рис. 26, 2). Крупные куски второго сосуда из этого же очага в глине имеют большую примесь толченых раковин. Еще один крупный фрагмент лежал на очаге 3 (рис. 26, 6), второй найден на полу жилища между очагами 6 и 7 (рис. 26, 7). Все они баночной формы, имеют нарядную орнаментацию из обычных алакульских элементов, составляющих, однако, новые композиции. Чередующиеся ряды вертикальных или наклонных оттисков штампа, полос проташенной гребенки, зигзагов, уголков покрывают поверхность сплошь. Несмотря на известное своеобразие этих сосудов, нет оснований исключать их из комплекса алакульской керамики, в которой они представляют пока плохо нам известный вариант.

Исключительно важны для нас чужеродные черты на алакульской керамике, такие как желобки, полосы из оттисков гладкого штампа, зигзаг из этого штампа, полосы наклонных насечек, группы наклонных нарезок, ломаные полосы с поперечной штриховкой, однорядная резная елочка. В алакульской группе они составляют незначительный процент, зато в первой, замара-

евской, наиболее употребляемы. Несмотря на влияние, форма алакульских сосудов, насколько можно о ней судить по обломкам, в основном сохранилась. Лишь в редких случаях есть гибридные сосуды с уступчатым плечом, очень массивными стенками и, что встречается чаще, орнаментацией из разнородных элементов (рис. 31, 43а). На этом фрагменте оттиски гладкого штампа из деревянной пластины совершенно не характерны для чистых алакульских комплексов, а полосы из проташенной гребенки чужды замараевской посуде. Технология алакульской посуды тоже неустойчива, о чем можно судить на основании таблицы:

Обработка поверхности; примесь	венчики	стенки	Обработка поверхности; примесь	венчики	стенки
Тальк; лощения нет	51	182	Песок; лощение есть	10	16
Песок; лощения нет	19	112	Тальк; лощение есть	4	13
			Раковина	—	1

Мы видим, что большая часть сосудов группы приготовлена из тальковой глины без лощения поверхности, но есть и отклонения как следствие заимствования другой технологии. Песок в глине и лощение поверхности сосудов неизвестны в чистых алакульских керамических комплексах (могильники Алакуль, Черняки I, поселение Черняки III), но начинают применяться в большей или меньшей степени, как только наступает период контактов с андроновским (федоровским) населением. Не оставалась неизменной и федоровская технология.

В третью группу входят фрагменты федоровского типа, всего 156, включая края и стенки сосудов. Группу отличает изысканность и сложность орнамента, бурый до черноты цвет поверхности, в большинстве случаев лощение стенок и примесь песка в глине. Орнамент включает сложные меандровые фигуры, «косые» треугольники, зигзаги и прямые линии, уголки, треугольные фестоны, группы наклонных отрезков (рис. 26, 8, 12—14).

Форма сосудов горшечная, с плавной профилировкой и обычным плоским дном. Несмотря на яркое своеобразие, и эта группа имеет некоторые общие черты с другой посудой. Полосы из групп наклонных отрезков, хотя и редко повторяемых, мы находим в орнаментации всех трех типов посуды (рис. 28, элем. 28;

26, 12), таковы же узоры из треугольников, обращенных вершинами навстречу друг другу (рис. 28, элем. 29; 26, 3, 14). Условные меандры характерны для первой и последней групп, Заимствования, отмеченные нами, касаются почти исключительно элементов орнамента, иногда формы. Валики и воротнички свойственны только замараевской посуде, но и здесь они занимают скромное место, всего 9% от общего числа венчиков сосудов.

Наблюдаемые нами взаимосвязи всех трех керамических групп, отражающие их сосуществование, расходятся с выводом К. В. Сальникова о трехразовом заселении территории памятника. Наш спор не может быть решен с помощью данных стратиграфии — она здесь отсутствует. Раскопы на всей глубине давали смешанный культурный слой. Но в таком случае было бы важно вновь обратиться к находкам, обнаруженным на полу и очагах жилища. Ознакомление с коллекционной описью показало, что из девяти очагов в виде ям и десятого (под № 1), наземного, на шести находилась керамика всех трех типов. Замараевских фрагментов в очагах южной и северной половины жилища лежало поровну. Таким образом, вывод К. В. Сальникова о вторжении замараевского жилища только в южную половину раннего сооружения нам не представляется обоснованным. Так же недоказанным, видимо, выглядит «вторжение» жилища алакульского этапа через северо-восточный угол. Если оно было тоже частичным, как утверждает К. В. Сальников, то невозможно объяснить, почему алакульские черепки оказались на всех очагах, а не только на самом восточном из южной половины жилища. Более того, алакульский раздавленный сосуд лежал на дне очага 8, занимающего северное положение в жилище. На полу жилища выявлено 12 замараевских, 2 алакульских и 15 федоровских с пола и очагов фрагментов, численность которых случайна и не отражает соотношения трех групп керамики, так же как случайно численное равенство замараевских черепков на очагах в обеих половинах жилища. Но совместное нахождение фрагментов различных типов керамики на очагах и полу жилища не случайно. Думается, что как это обстоятельство, так и сходные черты в орнаментации и технологии трех групп посуды объективно свидетельствуют о их сосуществовании, о контактах различных групп населения с их традиционным и своеобразным гончарством.

Поселение Новая III. Необходимость хотя бы краткого знакомства с памятником вызвана его тесной близостью с черкаскульскими поселениями: Черкаскуль II, Лужки, Замараево. На Новой III керамический комплекс представлен в наиболее чистом и компактном виде.

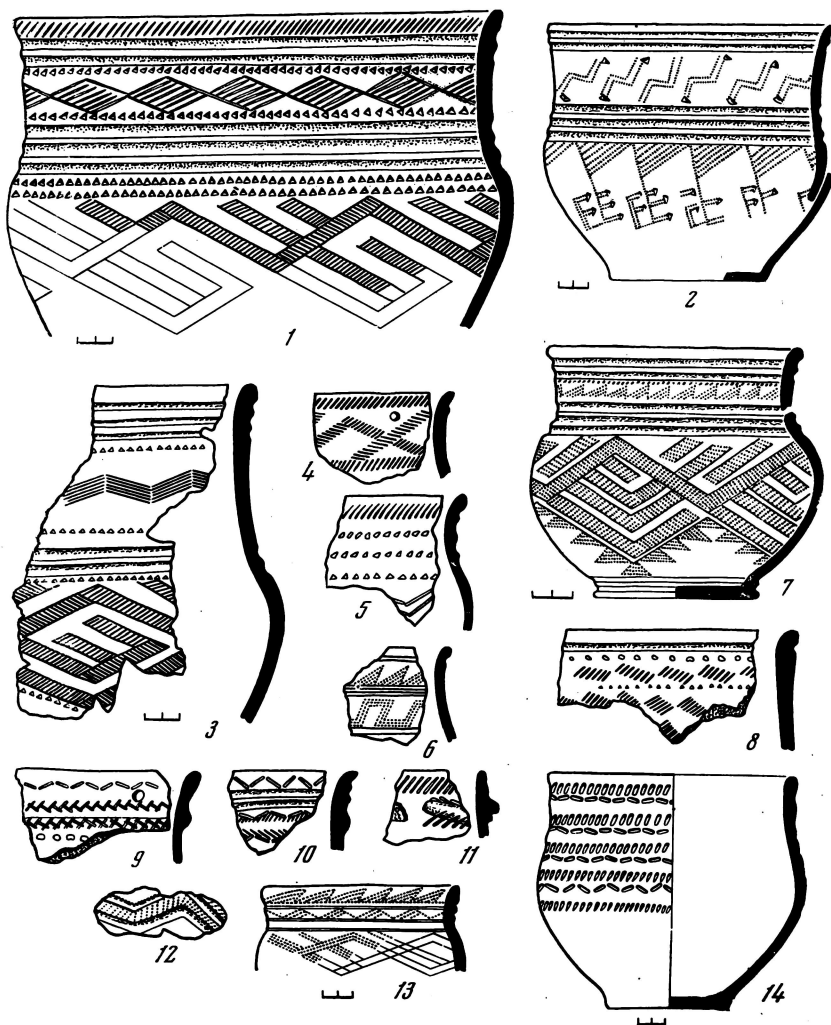


Рис. 32. Керамика

1—11 — поселение Новая III; 12—14 — Больше-Караболжский могильник

Поселение Новая III разведано и частично раскопано Е. М. Берс в 1955 г.⁶⁶ Оно расположено на левом берегу р. Исеть, в 7 км от истока реки — оз. Исетского в Свердловской области. Культурный слой здесь богат насыщен. С площади раскопа 108,5 кв. м собрано 122 обломка венчиков от разных сосудов и около 430 орнаментированных фрагментов стенок. Все элементы орнамента даны в таблице (рис. 27), на основе которой можно судить о родстве керамического комплекса Новой III памятникам: Черкаскуль II, Замаараево (основной комплекс), Лужки. Есть и отличия. Они иногда выражаются в частоте употребления отдельных элементов (меандр, желобки и др.) или же в полном отсутствии некоторых из них (ломаные полосы, насечки и пр.). Керамический материал очень фрагментарен. Составление эволюционного ряда форм здесь невозможно. Несколько выполненных реконструкций касаются сосудов горшечной формы с высоким венчиком и умеренно выпуклыми стенками. Орнаментация богата и покрывает большую часть поверхности (рис. 32, 1—8). На некоторых фрагментах венчиков сосудов горшечной формы имеются валики, в одном случае наlepной (рис. 32, 11). Валики редки и, по всей вероятности, не связаны с определенной формой посуды, так же как и на предыдущих поселениях. Набор орнаментальных средств довольно устойчив. Элементов заимствованных относительно немного: косые треугольники, составляющие ряд или бахромку внизу орнаментальной зоны; равнобедренные треугольники и фестоны вершинами вверх или вниз, полосы из протраченной гребенки (рис. 32, 3, 7). Последняя черта свойственна алакульской посуде. Она здесь гораздо многочисленнее, нежели федоровские элементы — «косые» треугольники. С точки зрения технологии сосуды Новой III выглядят однообразно. Глина здесь вся тальковая, других примесей нет, поверхность заглаживали, но никогда не ложили.

4. Сопоставление памятников черкакульского и замаараевского типов

Описание памятников (поселений) черкакульского типа было дано выше. В культурном слое каждого поселения наряду с основными типами керамики встречались незначительные группы, культурная принадлежность которых и хронология неясны, либо

⁶⁶ Несколько реконструкций сосудов и краткие сведения о поселении опубликованы Е. М. Берс (см.: *Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963, стр. 67).*

такие; время которых (бакальская керамика) не является предметом нашего исследования. На них мы останавливаться не будем.

Замаараевский тип керамики, выделенный К. В. Сальниковым из культурного слоя одноименного поселения, характеризуется рядом специфических черт. Нами сделаны необходимые дополнения к существующей характеристике. На корреляционной таблице (рис. 27) видно, что элементы орнамента с 11 по 27 использовались наиболее часто. У некоторых элементов есть особенности, не показанные в таблице вследствие редкого употребления последних. Например, ломаные полосы в ряде случаев сопровождаются желобками или бахромкой из вертикальных насечек, нанесенной снизу. Различной бывает заштриховка полос: гладкий или зубчатый штамп, уголки, насечки. Группы насечек (рис. 27, элем. 4) могут иметь наклон влево и вправо. Рисунок сложного разветвленного меандра, характерного для данной посуды, тоже варьируется, но всегда остается основа в виде зигзага, на которую как бы нанизываются сложные завитки.

Особой была и техника исполнения орнамента. Мы уже о ней говорили. Применение гладкого короткого штампа, сделанного из деревянной пластины, и острого инструмента если и не было универсальным средством исполнения орнаментальных схем, то во всяком случае преобладающим. Некоторое своеобразие есть и в форме посуды. В основном для нее характерны две формы: горшечная, аналогичная федоровской, но часто с очень высоким, цилиндрическим венчиком, и вторая — бомбовидный сосуд с коротким и сильно профилированным венчиком. Вся посуда, по-видимому, еще плоскдонная. Баночная посуда алакульского типа здесь неизвестна. Все это своеобразие — не исключительный случай, а закономерность, проявляющаяся с известной долей отклонения на нескольких памятниках лесной полосы Зауралья. Это — Новая III, Черкаскуль II, Лужки и Межовское, входящие, по К. В. Сальникову, в черкаскульскую культуру⁶⁷. Дополнительно в эту группу черкаскульских памятников мы включаем и Замаараевское поселение. Корреляционная таблица (рис. 27) дает представление о коренном сходстве между всеми названными памятниками, оставленными коллективами людей с очень близкими чертами культуры, отраженной конкретно в керамическом производстве. Сходны здесь и формы горшков, стиль, элементы и технические приемы выполнения орнамента.

Замаараевские памятники были отнесены К. В. Сальниковым к заключительному этапу андроновской культуры. Придавая зна-

⁶⁷ К. В. Сальников, Некоторые вопросы истории лесного Зауралья, стр. 11—14.

чение форме хозяйства как одной из важных сторон культуры и обратив внимание на необычность формы домашнего хозяйства (свиноводство) замараевцев, К. В. Сальников объяснял эту форму хозяйства андроновцев на замараевском этапе как исключительное явление, возникшее под воздействием условий географической среды⁶⁸.

Неожиданный скачок этой формы хозяйства от нуля на алакульском этапе до 11,53%⁶⁹ на замараевском не объясним влиянием географической среды, так как Замараево находится в той же лесостепи, где мы знаем немало и алакульских памятников. Но на Черкаскуле II, однотипном с Замараевым памятнике, разведение свиней также имело место — 8,4%⁷⁰. Аналогичным образом обстоит дело и с керамикой. Рассматривая замараевские керамические комплексы целиком с учетом всех элементов, среди них нельзя не отметить такие элементы орнамента: треугольные фестоны, треугольники, характерные для алакульской посуды. Ничтожный их процент по отношению к частоте других элементов можно еще попытаться объяснить как пережиточное явление, но совершенно ясно, что наиболее характерные, наиболее употребляемые замараевские элементы никоим образом не могут быть выведены из типично алакульских. Последние существуют на замараевской посуде параллельно, как свидетельство контактов двух групп населения. Кроме того, на замараевских поселениях иногда встречаются отдельные фрагменты и целые группы типичной алакульской керамики (поселение Замараево), в орнаментацию которых в свою очередь вплетаются изредка элементы из замараевской орнаментации (рис. 28). В «чистых» памятниках, предшествующих по времени Замараеву — могильниках Алакуль и Черняки I, — в орнаментации посуды нет ни одного элемента, из которого можно было бы вывести замараевский элемент. Некоторые «всеобщие» элементы — зигзаг и прямую линию — мы в расчет не берем. Существенно и то, что баночная форма посуды в замараевских керамических комплексах почти не встречается. Можно еще обратить внимание на алакульскую керамику с позднебронзовых памятников замараевского времени — Алексеевки и Садчиковки, где она сохраняет достаточную самобытность, не трансформируется в валиковую, хотя и сосуществует с последней⁷¹.

⁶⁸ К. В. Сальников. История Южного Урала в эпоху бронзы. Автореферат докторской диссертации. М., 1965, стр. 26.

⁶⁹ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 330.

⁷⁰ Там же, стр. 368.

⁷¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 132; она же. Садчиковское поселение, стр. 180.

Замараевская керамика (с одноименного поселения) генетически не связана с алакульской и вместе с черкаскульской представляет один тип.

Термин «замараевский» давно вошел в научный оборот. Теперь в связи с изложенными обстоятельствами возникают определенные терминологические и иные трудности, которые, как нам представляется, возникли в основном по единственной причине — совершенно недостаточной публикации материалов Замараевского поселения. Исследователи других районов, обращаясь за аналогиями к Замараеву, делали невольную ошибку, считая эти аналогии абсолютными. Многообразие и богатство замараевского типа керамики оставалось неучтенным. В кругу замараевских оказались памятники, слишком удаленные от лесостепного Зауралья, расположенные часто в другой географической полосе. Таковыми являются Елизаветинский прииск, селище Боровое⁷², поселение в районе Степняка⁷³. Своеобразие замараевских памятников (в прежнем понимании термина) вызывает желание некоторых исследователей отделить их так или иначе от андроновских. А. М. Оразбаев, исследуя позднебронзовые памятники Северного Казахстана, колеблется в выборе: относить ли эти памятники к замараевскому этапу или самостоятельной замараевской культуре⁷⁴. В недавно вышедшей коллективной работе казахских археологов принадлежность позднебронзовых памятников Северного Казахстана к замараевской культуре считается уже решенным вопросом⁷⁵. В Центральном Казахстане позднебронзовые памятники также относятся к особому — бегазы-дындыбаевскому этапу, то генетически связанному с андроном, то (в другом месте) — с замараевской культурой⁷⁶. Относительно выделения позднеандроновских памятников в особую культуру высказывается М. Н. Комарова, полагая, что замараевская культура «хотя и сохраняет некоторые старые традиции, как всякая другая, выросшая на основе предшествующих форм», но она в результате приобретает «новый своеобразный этнографический облик»⁷⁷. М. Н. Комарова включает в ареал замараевской культуры территории Северного и Восточного Казахстана.

К. В. Сальников до конца оставался сторонником замараев-

⁷² А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 294.

⁷³ С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане, стр. 29, 49.

⁷⁴ А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 272, 294.

⁷⁵ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 257.

⁷⁶ Там же, стр. 163, 257, 263.

⁷⁷ М. Н. Комарова. Указ. соч., стр. 74.

ского этапа в истории андроновской культуры и замараевского типа памятников, относя сюда, кроме Замараева, Алексеевское, Садчиковское поселения, часть Нижне-Спасского селища и Ново-Буринское селище⁷⁸, но, как видно из всех его работ, он не включал в число замараевских позднебронзовые памятники соседних территорий.

Думается, что нет принципиальной разницы в том, считать ли замараевские памятники (в прежнем понимании термина) особым этапом или самостоятельной культурой. В том и другом случае замараевский этап выводится так или иначе из более ранних памятников алакульского этапа.

По всей территории Казахстана и Сибири соотношение позднебронзовых памятников (замараевских или иных) с предшествующими по времени остается предметом исследования. Что касается Южного Зауралья, то здесь, как уже говорилось ранее, не существует особого замараевского типа памятников. Замараевская же керамика (с одноименного поселения, основной комплекс), идентичная черкаскульской, возникла, по всей вероятности, не на алакульской, а на совершенно иной основе.

Таким образом, термином «замараевский» лучше пользоваться как указателем позднего возраста (в рамках бронзового века) памятника, но не понимать под ним особый тип памятников.

Все изложенное выше делает понятным стремление казахских археологов назвать поздний этап в истории племен бронзового века Центрального Казахстана бегазы-дындыбаевским, хотя он и одновременен Замараеву и вырастает на памятниках (атасуского этапа), по материальной культуре очень близких алакульским в Южном Зауралье.

5. Черкаскульские погребения

В ареале черкаскульской культуры на территории Южного Зауралья до сих пор оставались невыявленными черкаскульские погребальные комплексы. Нам думается, что памятники этого рода оказались просто незамеченными. Остановимся на некоторых фактах.

В непосредственной близости от поселения Ново-Буринского подверглись небольшой раскопке два соседних могильника — Но-

⁷⁸ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 248, 350, 368. В этой же работе Ново-Буринское селище (стр. 354, карта) отнесено к черкаскульской культуре.

во-Буринский и Больше-Караболкский⁷⁹. К. В. Сальников считал оба могильника аналогичными по обряду погребения и возникшими одновременно. В ритуале погребений большое место занимал огонь. Стенки могильных ям были сильно прокалены, остатки костров в виде углей и полусгоревших поленьев встречались всюду в заполнении могил, при полном отсутствии каких-либо следов самого погребенного. Относя ритуал погребения к типично федоровскому, К. В. Сальников тут же оговаривается, что огонь в могилах не мог быть достаточным для сожжения трупа⁸⁰. Но все-таки он был, несомненно, достаточным для того, чтобы хотя частично обуглить погребяемого и обеспечить тем самым консервацию костей. Либо огонь в могиле разводился не для сожжения умершего — и в таком случае обряд совершенно отличается от федоровского. Примечательна еще одна деталь ритуала, никогда не встречаемая в федоровских погребениях. Все сосуды из обоих могильников или густо закопчены с обеих сторон, или (таких большинство) сильно обгорели, многие из них вследствие этого расслоились и рассыпались на мелкие фрагменты.

Кроме опубликованных четырех горшков, нам при изучении коллекции удалось реконструировать еще два (рис. 32, 13, 14). Все вместе они имеют достаточно характерных черт для определения их культурной принадлежности⁸¹. Один сосуд из Ново-Буринского могильника орнаментирован лесенками⁸². Любопытно, что такой элемент в зауральской керамике известен только на черкаскульских горшках. Один раз этот элемент употреблен на посуде поселений Черкакуль II и Лужки (рис. 27, элем. 29). Есть они и в черкакульском комплексе на поселении Черняки II⁸³. Полосы из наклонных оттисков гладкого штампа, зигзаги, выполненные этим же штампом, — одни из характернейших элементов черкакульской посуды, а также одного из вновь реконструированных горшков из кургана I Больше-Караболкского могильника (рис. 32, 14). Орнамент обломка сосуда из этого же кургана (рис. 32, 12) в виде ломаной полосы в сопровождении желобков аналогичен черкакульским (рис. 28, элем. 9; рис. 24). Сложный меандр на опубликованном горшке⁸⁴ с ос-

⁷⁹ К. В. Сальников. Раскопки у с. Ново-Бурино. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 172.

⁸⁰ Там же, стр. 173.

⁸¹ К сожалению, судя по публикации К. В. Сальникова, надежного сходства в орнаменте сосудов из погребений и относящегося к ним Ново-Буринского поселения не наблюдается.

⁸² К. В. Сальников. Раскопки у с. Ново-Бурино, рис. 3, 3.

⁸³ В. С. Стоколос. Поселение эпохи бронзы..., рис. 1, 5.

⁸⁴ К. В. Сальников. Раскопки у с. Ново-Бурино, рис. 3, 2.

новой из ломаной полосы широко применялся на черкаскульской посуде. Из таблиц элементов федоровской керамики М. Н. Комаровой можно удостовериться, что этот черкаскульский элемент впервые появляется как заимствованный на федоровских горшках в Центральном Казахстане и челябинских степях⁸⁵. Весьма характерны и ломаные полосы с поперечной штриховкой⁸⁶, аналогичные черкаскульским (рис. 27, элем. 23, 24). Федоровскими являются лишь «косые» треугольники на реконструированном сосуде из кургана 1 Ново-Буринского могильника (рис. 32, 13). Форма некоторых горшков из описанных могил также повторяет федоровскую. Был, видимо, близок федоровскому и погребальный обряд черкаскульцев, связанный с большим применением ритуальных костров.

Значительное сходство черкаскульской и федоровской керамики отмечал К. В. Сальников, что, вероятно, привело к ошибочному выводу считать федоровскими Ново-Буринский и Больше-Караболский могильники⁸⁷.

О черкаскульском погребении из Свердловской области кратко сообщает В. Ф. Старков. Оно находилось на территории поселения с черкаскульской керамикой и совершено по способу трупосожжения. В яме стояло два черкаскульских сосуда, а заполнение ее состояло из древесных углей и кальцинированных костей⁸⁸.

Упомянем еще об одном погребении, обряд которого несколько напоминает изложенный нами. Оно происходит из кургана 4 у с. Погромного Оренбургской области. Здесь на дне могильной ямы были прослежены комки оплаковавшегося в костре песка, слой золы и незначительное количество жженных косточек. Можно думать, что в могиле остались следы костра, но какого? Рядом с могилой открыт зольник тоже с горелыми косточками и кусками спекшегося песка. Неясно поэтому, горел ли костер в могиле или горячие угли были сброшены сюда. Обращает на себя внимание и сосуд из этой могилы. Один элемент его орнамента — наклонные насечки по венчику⁸⁹ — имел широкое распространение на черкаскульской керамике. Возраст пог-

⁸⁵ М. Н. Комарова. Указ. соч., рис. 2—4, стр. 53—55.

⁸⁶ К. В. Сальников. Раскопки у с. Ново-Бурино, рис. 3, 1.

⁸⁷ Там же, стр. 172—174.

⁸⁸ В. Ф. Старков. Новое поселение эпохи энеолита и бронзы у д. Кокшарово. «V Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов и сообщений». Сыктывкар, 1967, стр. 133.

⁸⁹ К. В. Сальников. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного. СА, XIII, 1950, рис. 3, 7.

роменских курганов — XIII—XII вв. до н. э.⁹⁰ — соответствует времени черкасульских памятников.

Черкасульские погребения известны в Приуралье на территории Башкирии, где К. В. Сальников частично исследовал Тартышевский могильник⁹¹, давший типично черкасульскую керамику. Здесь обряд погребения совершался по способу трупоположения без применения ритуальных костров.

Остается остановиться на погребениях так называемого замараевского этапа. Можно ли их вслед за Замараевским поселением отнести к черкасульской культуре?

Об одном из замараевских погребений из одиночного кургана у пос. Сосновского сообщает К. В. Сальников⁹². Второе погребение обнаружено возле дер. Черняки в одиночном кургане 36 по р. Миассу, в 30 км южнее г. Челябинска⁹³. Не споря с реальностью существования этого кургана, который в течение четырех сезонов раскопок возле Черняков не был нами обнаружен, обратим внимание на его одиночный характер. Соответствует ли он масштабу кладбищ, которые следует ожидать от долговременных поселений замараевского времени? Думается, что нет. Единственное погребение одиночного черняковского кургана сооружено, скорее всего, позднее. Район вокруг Черняков тщательно обследован. Там, кроме двух обширных могильников эпохи бронзы, открытых в дореволюционный период Н. К. Минко, нашей экспедицией дополнительно обнаружены еще три поселения. Материалы ни одного из этих памятников не имеют даже отдаленного сходства с горшком из одиночного кургана. Песчаниковая чашка, лезвие медного ножа и костяной предмет из сосновского погребения также не имеют аналогий ни в погребениях, ни в поселениях бронзового века Зауралья.

Третье замараевское погребение якобы происходит из кургана 37 у Черняков. Нам неизвестно ни расположение этого кургана (нами он не найден), ни инвентарь из его погребения. В работе М. Н. Комаровой погребение отнесено к замараевским без публикации материала⁹⁴. Четвертое погребение происходит с оз. Ак-Куль в Северном Казахстане. Оно найдено под каменной курганный насыпью. Сообщено о нем А. М. Оразбаевым⁹⁵. Публикация же единственного сосудика отсюда сделана М. Н. Ко-

⁹⁰ Там же, стр. 313, 319.

⁹¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 372, 373, рис. 58, 3—5.

⁹² К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 118.

⁹³ Там же, стр. 119, рис. 10.

⁹⁴ М. Н. Комарова. Указ. соч., стр. 73.

⁹⁵ А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 272.

маровой⁹⁶. Елочный узор на сосуде близок к тому, что мы знаем на горшке из кургана 36 у дер. Черняки.

Особняком по форме и орнаментации стоит сосуд из пятого замараевского погребения, обнаруженного А. М. Оразбаевым на могильнике Боровое⁹⁷. Орнамент сосуда из этого погребения в виде наклонных колонок горизонтальных насечек имеет аналогии среди керамики с Замараевского поселения, но по одному элементу на единственном сосуде очень рискованно делать выводы о культурной принадлежности. Скорее мы имеем здесь дело с проявлением влияния замараевской (черкаскульской) орнаментации, хотя следует оговориться, что этот элемент был распространен широко на позднебронзовой керамике⁹⁸. Могильный инвентарь — бусы, шилья, зеркало и наконечник копья — отнесен А. М. Оразбаевым к замараевской культуре. М. Н. Комаровой вещи датированы карасукским и дындыбаевским временем⁹⁹, что вполне совпадает со временем существования замараевских (черкаскульских) племен в Зауралье.

О шестом замараевском погребении, происходящем из одиночного кургана близ г. Магнитогорска, сообщает К. В. Сальников. В могиле находился сосуд сарматского облика, но с плоским дном¹⁰⁰, однако, по нашему мнению, совершенно не похожий ни на один сосуд с Замараева, ни в целом на черкаскульский тип керамики. И еще одно впускное погребение — на спине, но с согнутыми ногами из могильника Урал-сай в могиле 4 — К. В. Сальников считает замараевским¹⁰¹.

Легко заметить, что ни одно из перечисленных так называемых замараевских погребений нельзя связывать ни с Замараевым в частности, ни с Черкаскулем вообще. Из-за отсутствия материалов в могилах (как правило) их невозможно даже сопоставлять с черкаскульскими (замараевскими) комплексами. Не исключено, что некоторые из них отражают связи черкаскульского и федоровского населения, как погребение на могильнике Боровом. Время и культурная принадлежность других неясны.

⁹⁶ М. Н. Комарова. Указ. соч., рис. 9, 9.

⁹⁷ А. М. Оразбаев. Указ. соч.

⁹⁸ В. П. Денисов. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 33, рис. 2, 4; А. Х. Халиков. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. АЭБ, т. II. Уфа, 1964, стр. 52, рис. 6, 4.

⁹⁹ М. Н. Комарова. Указ. соч., стр. 74.

¹⁰⁰ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 348, рис. 45, 19.

¹⁰¹ Там же, стр. 350.

III

Периодизация, хронология, вопросы культурной принадлежности

1. Относительная и абсолютная хронология черкаскульских памятников

Относительная хронология. Вопросы типологии и периодизации памятников черкаскульской культуры впервые нашли освещение в трудах К. В. Сальникова. Весь период существования черкаскульской культуры был разделен им на три этапа: черкаскульский, межовский, березовский, — охватывающие отрезок времени с XVIII в. по начальные века I тыс. до н. э. Верхняя граница существования черкаскуля не вызывает сомнений. Она достаточно подтверждена фактами — находками черкаскульской керамики на городищах, связями этой керамики с иткульской культурой V—IV вв. до н. э. Что касается начальной датировки, основанной на аналогиях с федоровскими материалами и на стремлении опереться на стратиграфию некоторых черкаскульских поселений, то она представляется нам неприемлемой.

В предшествующем изложении приведен ряд аргументов в пользу однослойности черкаскульских поселений, которые К. В. Сальников считал стратиграфированными. Эти поселения (в частности, Черкаскуль II, как наиболее раннее, по К. В. Сальникову) омоложены нами по наличию в них валиковой керамики, отодвинуты в рамки последней четверти II тыс. до н. э. и, таким образом, по времени совпадают с замараевским этапом алакульской культуры. Следовательно, этапы в том виде, как они выделены К. В. Сальниковым, нереальны. Хотя следует признать, что относительная хронология черкаскульских поселений, давших названия этапам, подтверждается и в нашей схеме на основе.

корреляции керамических комплексов. Нам представляется также преждевременным говорить об этапах черкаскульской культуры, ибо все известные памятники этого типа хронологически тесно смыкаются друг с другом, охватывают довольно короткий отрезок времени и, судя по керамике, не имеют серьезных отличий.

Эти однослойные поселения, включающие в ряде случаев незначительное количество федоровской керамики, и определяют возраст последней. В корреляционную таблицу вошло пять памятников. Место памятников в таблице устанавливалось на основе соотношения отдельных элементов керамики. Наиболее ранним из них определено поселение Новая III как имеющее наименьший процент валиковой посуды и наибольшую употребляемость меандровых узоров. Эти два отправных пункта легли в основу построения таблицы. На последующих памятниках линия меандра идет на убыль и заканчивается на Замараеве. Валики и воротнички применяются все чаще. Если в Новой III они составляют 0,7% от количества сосудов, на Замараеве — 9%, то на Межевском уже 16,6%. Наблюдается отчетливая линия спада желобчатой посуды — с 28% на Новой III до 3,9% на Межевском поселении (рис. 27). Менее выразительны другие линии развития элементов.

Выделяются четыре условные хронологические группы памятников. Первая, ранняя представлена поселением Новая III. В ее керамике нет некоторых поздних черт: ломаных полос с поперечной штриховкой, выродившегося, по К. В. Сальникову, меандра, длинных косых насечек, наклонных колонок из горизонтальных оттисков штампа. Во вторую группу входят Черкаскуль II и Замараево. Они сходны по всем элементам. В некоторых случаях вместо линии спада наблюдается даже рост, например, меандра (с 2,1% до 2,6%). По-видимому, это признак незначительного временного интервала между ними — скорее всего синхронности. Лужки от Замараева отделены интервалом, но незначительным. Здесь меандра нет вовсе. Зато такая поздняя черта, как ломаные полосы, употребляется, по сравнению с Замараевским поселением, соответственно в два раза реже (4,4% и 8,8%). Лужки занимают как бы переходную ступень к самому позднему памятнику — поселению Межевскому. Из самых характерных черкаскульских элементов здесь остаются многие, но не все. Из них наиболее часто употребляемы полосы из наклонных оттисков гладкого штампа, однорядная елочка и уголки, выдавленные торцом штампа; редки желобки (3,9%), нет ромбов, меандра. Зато одинарные и многорядные ломаные полосы с поперечной штри-

ховкой достигают 10,9%. Для Межовского поселения характерны не только значительная убыль традиционных элементов орнамента, но и полное отсутствие привнесенных — алакульских и фedorовских.

Датировка черкаскульских памятников. Памятники, включенные в корреляционную таблицу, не содержат выразительных металллических вещей, способных определить возраст каждого из них. Но и керамические комплексы в данном случае могут, по нашему мнению, сыграть решающую роль. Учитывая, что Южное Зауралье длительный период находилось в зоне влияния срубной культуры, можно предположить, что одна из черт гончарства у срубных и черкаскульских племен — валиковые и воротничковые украшения посуды, — по всей вероятности, возникла одновременно, не ранее начала второго периода срубной культуры, датируемого XIII в. до н. э.¹ Эту же дату, по крайней мере для южных степных районов, валиковой посуды (начало четвертой четверти — конец II тыс. до н. э.) выводит по среднеазиатским аналогиям Е. Е. Кузьмина². Различной формы валики, овальные или треугольные в сечении, иногда поднятые до кромки торца сосуда, обычны и для срубной³, и для черкаскульской керамики. Аналогичны валиковые утолщения и орнаментация венчика на поздней посуде приказанской культуры⁴. Так же общи плоской формы воротнички (ср. наш рис. 29, 17, 20, 23, 24, 30, 33 и рис. 9, 12⁵); обычны они для посуды поздне-бронзовых поселений Прикамья, датирующихся XI—IX вв. до н. э.⁶ Черкаскульским особой формы воротничкам, массивным, со свисающим нижним краем (рис. 29, 3, 13, 37), тоже имеются, хотя и более редкие, аналогии на срубной посуде⁷.

Различается способ получения валика. На черкаскульской посуде бесспорный налепной валик встречен один раз на поселении Новая III (рис. 32, 11), в остальных случаях его, по всей

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 7.

² Е. Е. Кузьмина. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. «Памятники каменного и бронзового веков», стр. 153, 154.

³ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, МИА, № 61, 1958, т. II, рис. 18, 20; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 8 и др.

⁴ А. Х. Халиков. Указ. соч., рис. 5, А; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, рис. 33.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 9, 12.

⁶ В. П. Денисов. Указ. соч., стр. 32, 33.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 20, ж.

вероятности, выдавливали⁸. Все отмеченные примеры сходства говорят о синхронности, может быть и не абсолютной.

Обратимся к другим аналогиям. Ряд элементов орнамента: полосы наклонных или вертикальных оттисков штампа, однорядная елочка, ромбическая сетка, многорядные желобки на венчике; плоские воротнички — находят сибирскую аналогию на позднебронзовом поселении Чурино на р. Ишиме, керамика которого датируется цельнолитым желобчатым долотом по казахстанским параллелям не ранее XII в. до н. э.⁹ В Поволжье аналогичное долото с литой втулкой из Сосново-Мазинского клада датируется IX—VIII вв. до н. э., т. е. концом бронзового века¹⁰.

Особо важна ближайшая возможность датировки по комплексу вещей с поселения Липовая Курья на оз. Миассовом, примерно в 100 км к юго-западу от Замараева (см. карту, рис. 17). На поселении вместе с керамикой черкаскульского типа найдена литейная форма для желобчатого долота, аналогичная формам из Сосновой Мазы и долоту Дербедневского клада¹¹. Но Л. П. Хлобыстин, исследовавший Липовую Курью, не исключает и радиокарбонную датировку по углю из землянки этого поселения — XVII—XVI вв. до н. э.¹²

Первый путь поисков даты липовокурьинской формочки представляется нам единственно плодотворным. Принимая за основу уточненную датировку сосновомазинских бронз XIII—XI¹³ или второй половиной XII — началом XI в. до н. э.¹⁴, мы определим, таким образом, возраст и Липовой Курьи.

Ближе всех к Липовой Курье стоит Новая III по трем признакам: отсутствию ломаных заштрихованных полос, частой употребляемости меандра и ничтожной доле валиков (0,7%). Датировка Новой III в рамках XIII—XI или XII—XI вв. до н. э., таким образом, указывает и на время появления валиковой и воротничковой посуды в Зауралье.

⁸ На Замараевском поселении К. В. Сальниковым отмечены налепные валики. Нам этого установить не удалось.

⁹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 104, рис. LXIII, 2; В. Ф. Генинг. Отчет Ишимского археологического отряда Уральского государственного университета за 1965 год. Кабинет археологии Уральского государственного университета.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 13, 8, стр. 60—62, 136.

¹¹ Л. П. Хлобыстин. Липовая Курья — поселение «андроноидной» культуры Южного Зауралья. КСИА, вып. 114, 1968, стр. 76—83.

¹² Там же, стр. 80.

¹³ Н. Я. Мерперт. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы, стр. 132—135.

¹⁴ В. Л. Сафронов. Некоторые вопросы хронологии..., стр. 188.

Ту же дату черкаскульским комплексам дает чупинское долото, но поскольку между Новой III и последующими памятниками существует ряд отличий в орнаменте, то остальные поселения должны датироваться несколько более поздним временем, видимо, XII—XI вв. до н. э. Сейчас нельзя сказать, уложится ли в этот хронологический интервал Межовское поселение. Оно существенно отличается от предыдущих памятников бедностью орнамента керамического материала и, вероятно, должно быть отодвинуто за рамки XI в., а может быть — в IX в. до н. э., но это перемещение следует согласовывать с памятниками каменногорско-гамаюнской культуры, занимающими территорию соседнего лесного Зауралья, иногда общую с черкаскульскими памятниками. Ее керамика с характерным крестовым орнаментом датируется по-разному. По находкам в комплексе поселения Пашни Комаровой I, датирующегося третьей четвертью II тыс. до н. э.¹⁵, крестовую керамику следует отнести ко времени не позже XIII в. до н. э. Зарождение крестового орнамента отмечено на стоянке Калмацкий Брод, датирующейся тоже третьей четвертью II тыс. до н. э.¹⁶ Тем же исследователем приводятся и другие датировки крестовой керамики: не ранее I тыс. до н. э.¹⁷, конец II и начало I тыс. до н. э.¹⁸ Время появления памятников гамаюнской (каменногорской) культуры отнесено Е. М. Берс ко второй половине II тыс. до н. э., а отдельные памятники датированы ею VI—IV вв. до н. э.¹⁹ VIII—VII вв. до н. э. датировала появление крестовой керамики в лесном Зауралье Н. П. Кипарисова²⁰. Со ссылкой на П. А. Дмитриева, не ранее начала I тыс. до н. э. датирует крестовую керамику К. В. Сальников²¹. В другом месте К. В. Сальниковым время каменногорской керамики в Зауралье определено в рамках VIII—VI вв. до н. э.²² На основе этой датировки некоторые весьма поздние черкаскульские памятники, подобные Межовскому поселению, с чистым керамическим комплексом должны быть как будто датированы временем не позже VIII в. до н. э. С другой стороны, мы не знаем чер-

¹⁵ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Труды ГИМ», вып. 29. М., 1956, стр. 37.

¹⁶ Там же, стр. 43.

¹⁷ Там же, стр. 60.

¹⁸ Там же, стр. 64.

¹⁹ Е. М. Берс. Памятники и керамика гамаюнской культуры. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 79, 84.

²⁰ Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, № 2, стр. 24.

²¹ К. В. Сальников. Опыт классификации керамики..., стр. 46.

²² К. В. Сальников. Иткульская культура. «Краеведческие записки», вып. 1. Челябинск, 1962, стр. 26.

каскульских памятников периода каменогорского влияния, их особенности. И едва ли каменогорский материал поможет нам здесь — смешение (гибридизация) тех и других признаков нам неизвестно. На Каменогорском городище в нерасчлененном слое обнаружена керамика каменогорская и позднечеркаскульская без малейших признаков смешения²³. Следовательно, каменогорские комплексы (быть может, вследствие их еще слабой изученности) пока не могут служить известным временным определителем для черкаскульских памятников.

Позднее, по наблюдению К. В. Сальникова, на базе позднечеркаскульских памятников с некоторым участием носителей каменогорской культуры сложилась иткульская культура. Ее начало (V—IV вв. до н. э.)²⁴, таким образом, лимитирует самую верхнюю границу черкаскуля.

2. О стратиграфии зауральских памятников бронзового века

В Зауралье разработка вопросов периодизации и относительной хронологии осложняется отсутствием памятников с четким чередованием культурных слоев. Эту трудность испытывал К. В. Сальников, впервые разработавший схему периодизации для андроновских памятников Южного Зауралья. Хорошо известно, что поселение Кипель, послужившее опорным пунктом в его периодизации, не было стратиграфированным памятником. Очередность отложения слоев здесь доказывалась планиграфически. Весьма сложно обстояло дело с доказательствами многослойности и на других исследованных К. В. Сальниковым памятниках: Новобурунском и Замараевском поселениях. Несогласие с выводом К. В. Сальникова по последнему памятнику и некоторым другим мы уже высказали в предыдущей главе. Доводы в пользу синхронности двух первых этапов его схемы высказаны также по материалам могильника Черняки II²⁵. Это не первая подобная попытка. Доказательства синхронности памятников федоров-

²³ Раскопки Н. П. Кипарисовой 1956 г. Коллекция в Челябинском областном музее.

²⁴ К. В. Сальников. Опыт классификации керамики..., стр. 41; он же. Очерки древней истории..., стр. 363.

²⁵ В. С. Стоколос. Памятник эпохи бронзы — могильник Черняки II. «Труды Пермского государственного университета», вып. 191. Пермь, 1968, стр. 209—220.

ского и алакульского этапов были выдвинуты раньше, как об этом уже упоминалось ²⁶.

Поскольку один и тот же вопрос получал диаметрально различные толкования, возникла необходимость обратиться заново к анализу материалов опорного памятника в схеме периодизации К. В. Сальникова — поселения Кипель.

К. В. Сальников считал, что древнейший слой на этом поселении отложился на площадке между двумя грунтовыми жилищами позднего алакульского времени. Здесь на междудуземляночной площадке он видел преобладание ранней керамики, которая совпадает с территорией раннего же наземного типа жилища. Все же стратиграфия и в этом случае не давала четкой картины залегания той и другой керамики. Поэтому К. В. Сальников обратил внимание на находки с очагов, справедливо полагая, что они отражают объективную картину жизни поселения в последний его момент.

В то время К. В. Сальниковым было отмечено нахождение на сложенном из кирпичиков очаге более древнего жилища сразу нескольких раздавленных сосудов (всего четырех) типично федоровской орнаментации и формы ²⁷.

К сожалению, в подсчете числа очажных горшков была в то время допущена ошибка. Коллекционная опись Кипели свидетельствует о нахождении в разваленном очаге из кирпичиков не четырех, а шести сосудов. Кроме указаний описи, заочечность и прокаленность, порой до растрескивания и деформации стенок горшков, не оставляют сомнения в их местонахождении. Крупные обломки горшков позволили произвести частичную реконструкцию, что дает возможность судить о форме и орнаментации этой группы посуды. Вся она плоскодонна и в большинстве имеет баночную форму. Три сосуда из прочной глины с примесью песка принадлежат к типично андроновским (федоровским) образцам. Орнаментация их сложна, изящна, выполнена мелкозубым штампом. Поверхность от желтого до бурого цвета залощена. Обломки краев двух этих сосудов помещены в работе К. В. Сальникова ²⁸. Реконструкции двух сосудов, в том числе одного не представленного в работе К. В. Сальникова, мы приводим (рис. 25).

²⁶ Э. А. Федорова-Давыдова. Указ. соч.; К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках...

²⁷ К. В. Сальников. Кипельское селище, стр. 208

²⁸ Там же, рис. 3 (левый верхний фрагмент и два правых — от одного сосуда).

Остальные три горшка — один из числа четырех, упомянутых в работе К. В. Сальникова, и два, обнаруженных нами (рис. 25, 2, 4, 6), — резко отличаются от предыдущих. Они орнаментированы резными зигзагами, желобками и пр. Состав глины тот же, что и у остальных горшков с очага, но поверхность нелощеная.

К. В. Сальников разделял кипельскую керамику на две группы: первую — с гребенчатым орнаментом (Федоровский тип) и вторую — с резным и желобчатым орнаментом (алакульский тип), обосновывал более ранний возраст первой из них, а вторую считал отложившейся позднее²⁹. Три сосуда с очага с резной и желобчатой орнаментацией, несомненно, входят во вторую, по К. В. Сальникову позднюю, группу.

Строго говоря, горшки с очага с резной и желобчатой орнаментацией, хотя и обладают всеми признаками второй (алакульской) группы, по К. В. Сальникову, но не полностью аналогичны эталонной алакульской посуде, происходящей с известного Алакульского могильника. Желобки для последней неизвестны, весьма редка здесь и форма горшка с диаметром устья, превышающим диаметр на уровне слабо выпуклых плечиков³⁰. Но во второй группе есть фрагменты и от эталонных алакульских горшков³¹ с уступчиком и очень характерным элементом орнаментации — полосами из проташенной гребенки. Часто последние орнаментированы многоярусными зигзагами (рис. 33, 1, 6, 10) — общим элементом для всей второй группы керамики. Это соседство отдельных элементов орнамента видно на фрагментах, отложившихся и вне землянки (рис. 33, 7, 8, 9, 11, 13): алакульские зигзаги, резные треугольники сочетаются с косыми насечками по краю, группами наклонных нарезок, желобками и пр., присущими трем горшкам второй группы с очага.

При выделении кипельских групп керамики К. В. Сальников руководящим признаком считал орнаментацию, не связывая ее только с одной какой-либо формой горшка. Для второй (алакульской) группы, по его наблюдению, уступчатое плечо есть не единственная, хотя и довольно частая, форма профиля, так же как для первой группы — округлое плечо. Следовательно, и по форме горшки с резной и желобчатой орнаментацией с очага можно относить ко второй группе кипельской керамики.

Таким образом, кипельский очаг из кирпичиков при доказательстве существования стратиграфии не может играть роли опор-

²⁹ К. В. Сальников. Кипельское селище, стр. 200.

³⁰ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль, стр. 64, рис. 9, 23.

³¹ К. В. Сальников. Кипельское селище, рис. 4, 1—6, 12—15.

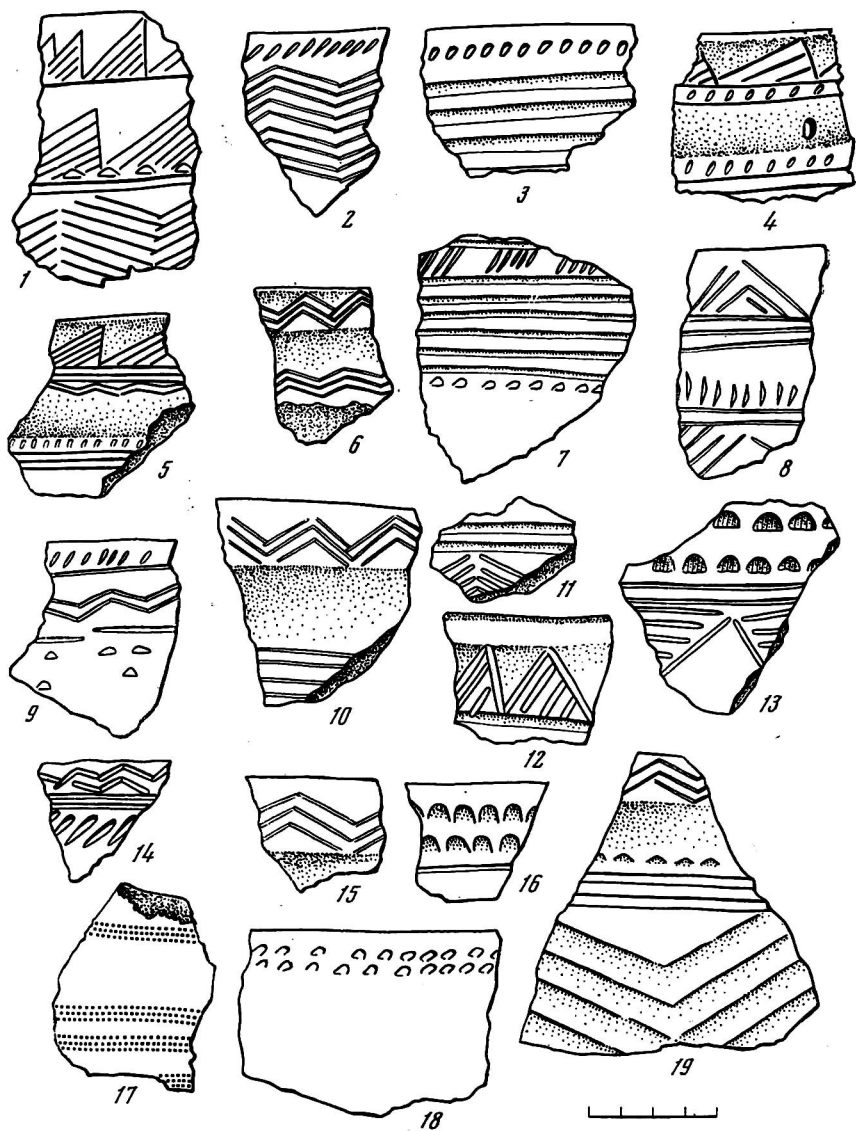


Рис. 33. Селище Кипель. Фрагменты керамики

ной точки. В его развалинах оказалась керамика «раннего» и «позднего» этапов.

В заполнении «позднего» жилища 2, по наблюдениям К. В. Сальникова³² и отчасти нашим (рис. 33, 2, 12, 15), была керамика только второй группы. На полу жилища «находилась посуда почти исключительно с резным орнаментом»³³. Позднее К. В. Сальников занял более категоричную позицию, считая, что в землянке 2 была исключительно алакульская керамика³⁴. По нашим наблюдениям, согласно описи, — 7 фрагментов с резным и желобчатым (рис. 33, 1, 3—5, 14, 16, 18) и два черепка с гребенчатым орнаментом и подлощенной поверхностью (рис. 33, 17). Видимо, эти два фрагмента отмечены К. В. Сальниковым на плане³⁵. Из заполнения и пола землянки происходит много фрагментов, аналогичных по орнаменту и форме трем сосудам с очага. Поскольку устанавливается прямая связь «позднего» жилища с очагом «раннего» посредством тесной аналогии в керамике, то есть основание не считать Кипель стратиграфированным памятником, а однослойным, содержащим разнотипную керамику. Если же отнести горшки с очага с резным орнаментом к первому (федоровскому) типу как его варианту, стратиграфия все равно и в этом случае не будет доказана, так как связь очажных горшков с «поздним» жилищем останется ненарушенной.

Было бы важно рассмотреть соотношение двух типов посуды на межземляночной площадке, т. е. на территории «раннего» жилища, но отсутствие необходимой документации на месте хранения коллекции (Челябинский музей) лишает нас этой возможности. Здесь можно использовать лишь планиграфические схемы, помещенные в цитируемой работе К. В. Сальникова. На них видно, что на межземляночной площадке в массе залегает керамика обоих типов вне зависимости от глубины. Подсчет показывает, что на уровне древней поверхности было 77 черепков с гребенчатой и 60 — с резной орнаментацией; ниже этого уровня — 15 черепков с гребенчатой и 22 — с резной орнаментацией; т. е. о преобладании гребенчатой керамики над резной, как об этом пишет К. В. Сальников³⁶, здесь едва ли можно говорить.

Сейчас невозможно установить сумму всех признаков, позволивших К. В. Сальникову выделить первую группу кипельской

³² К. В. Сальников. Кипельское селище, стр. 200.

³³ Там же.

³⁴ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 289.

³⁵ К. В. Сальников. Кипельское селище, рис. 5, 6.

³⁶ Там же, стр. 208.

керамики. В его цитируемой статье приведены, по-видимому, образчики-эталонны этой группы³⁷. По нашим подсчетам, таких фрагментов в кипельской коллекции оказалось не более 10%. Разница в подсчетах очень существенна. Но если допустить правильность наших подсчетов, то оказалось бы, что соотношение федоровской и алакульской керамики на Кипели характерно для многих поздних зауральских поселений, содержащих наряду с основными комплексами и федоровские черепки, как правило, еще в меньшем количестве, чем на Кипели. Далее, в случае правильности наших подсчетов, небольшое количество черепков первой группы на дне «поздней» землянки оказалось бы закономерным. Они здесь составляют 6,2% — процент, близкий тому, что устанавливается нами в целом по памятнику, т. е. количество федоровской керамики в землянке не доказывает чередование слоев на памятнике.

Изложенное дает основание считать носителей алакульской и андроновской (федоровской) керамики не связанными между собой в хронологической последовательности, а сосуществующими, что не исключает возможности в то или иное время взаимных контактов, проявляющихся в каждом конкретном районе по-своему, с господством тех или иных черт.

О времени возникновения поселения Кипель мы будем еще говорить далее. Сейчас же обратим внимание на небольшую группу обломков венчиков алакульских сосудов с намечающимся утолщением — воротничком, по-видимому, указывающих на поздний возраст этих горшков и памятника в целом (рис. 33, 6, 10, 15, 19).

В Южном Зауралье есть еще один памятник — Ново-Буринское поселение, на стратиграфии которого необходимо остановиться. К. В. Сальников в отличие от Замараева и Кипели различал здесь два разновременных слоя, отличавшихся один от другого по цвету. Разделив всю толщу культурных отложений на шесть условных горизонтов, он считал, что в нижних горизонтах лежала ранняя керамика, федоровская и алакульская; замараевская залегала выше. Судя по его же таблице³⁸, замараевской керамики не было лишь в самом нижнем горизонте. Но и другие типы представлены здесь всего восемью черепками, что весьма мало для выделения слоя.

Пользуясь промерами толщины верхнего (60—70 см) и нижнего (20—40 см) культурных слоев, сделанных К. В. Сальни-

³⁷ Там же, рис. 3.

³⁸ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 291.

ковым³⁹, мы можем установить толщину одного горизонта (штыка), что составит около 20 см. Следовательно, верхний слой захватывает (максимум) три с половиной горизонта. Но и ниже этой отметки, как видно из таблицы К. В. Сальникова, замараевская керамика залегает совместно с другими типами. Если допустить, что верхний слой захватывал четыре слоя, то нижний ранний слой почти не выйдет за пределы площади ямы 6, диаметр которой 3 м и глубина 80 см. Едва ли можно серьезно считать такую яму пригодной для устройства жилья. Разновременные слои на Ново-Бурино не выделяются. Светлоокрашенный нижний слой на Ново-Буринском поселении, по-видимому, представляет собой зольник, обычный для поселений бронзового века Зауралья.

Под воздействием стратиграфических наблюдений в Зауралье и построенной на их основе периодизации К. В. Сальникова расчленен на этапы ряд памятников на соседних территориях. Нет возможности и необходимости останавливаться на всех этих случаях, но в качестве примера рассмотрим один из них.

Территориально и по культуре близок к зауральским памятниками могильник близ курорта Боровое в Северном Казахстане, исследованием которого в последние годы занимался А. М. Оразбаев. Из 42 раскопанных погребений основную часть их он отнес к федоровскому, одно погребение — к алакульскому и одно — к замараевскому этапам.

Федоровский этап, по А. М. Оразбаеву, включает 27 погребений с сожжением, шесть погребений, где следов костяков не было, и еще шесть — с труположением⁴⁰. Таким образом, 12 погребений из числа федоровских имеют другой обряд погребения умершего. Правда, А. М. Оразбаев в пустых могилах склонен видеть сожжение, но с этим согласиться нельзя. Многочисленные факты из археологической практики свидетельствуют, что частичное или полное сожжение любых предметов органического происхождения служит прекрасным консервирующим средством⁴¹. Известно также, что в случае обычного положения умер-

³⁹ К. В. Сальников. Раскопки у с. Ново-Бурино, стр. 178.

⁴⁰ А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 237.

⁴¹ Сошлемся на упоминание Г. Кларка о наиболее ранних известных нам тканях каменного века, сохранившихся лишь благодаря обугливанию (Г. Кларк. Указ. соч., стр. 237). Кальцинированные кости фиксируются в памятниках этой и более ранней поры в условиях наиболее неподходящих — песчаных дюнах европейского Северо-Востока (В. И. Канивец. Древние поселения Южно-Печорской равнины. МАЕСВ, вып. III. Сыктывкар, 1965, стр. 29; Г. М. Буров. Вычегодский край. М., 1965, стр. 68).

шего кости скелета могут не дойти до нас в полной или даже частичной сохранности, примеры известны из могильников Алакуль, Тасты-Бутак и др. В пустых могилах Борового (т. е. не содержащих костяков), по всей вероятности, первоначально были совершены трупоположения, которые затем полностью разложились; в других могилах в силу микроусловий они более или менее прослеживаются. Однако нельзя отрицать существование именно пустых могильных ям, в которых отсутствует и сопровождающий реальное захоронение инвентарь, посуда, украшения.

Рассмотрим для примера несколько наиболее характерных погребальных комплексов этого памятника. Характер могильного инвентаря (посуда) во всех взятых нами комплексах отражает неустойчивый обряд положения умершего, по всей вероятности, характерный для всего могильника в целом.

Сосуд из погребения 1 ограды 10⁴², орнаментированный ломаными полосами из протасенной гребенки по венчику и плечам, считать федоровским нельзя. Это явно алакульский горшок. Близок ему и второй сосуд⁴³. Отсутствие следов костяка (истлевшее трупоположение) не противоречит характеру инвентаря.

В ограде III, имеющей бесспорное трупоположение, сопровождающая посуда также неоднородна. Сосуд⁴⁴, украшенный грубым елочным орнаментом, только по форме совпадает с федоровской керамикой. Неорнаментированный горшок⁴⁵ из ограды 3, сопровождавший кремированного покойника, повторяет алакульские образцы из поздних зауральских могильников.

Особо важны в этой связи материалы ограды 14, погребения которой (всего их десять) раскопаны полностью. Четкая конструкция ограды, почти равные интервалы между могилами, одинаковая их ориентировка и размеры, отсутствие следов позднейших вторжений — все эти признаки говорят об одновременности возникновения древней усыпальницы. М. Н. Комарова считает, ссылаясь именно на ограду 14, подобные сооружения семейными кладбищами⁴⁶.

В работе А. М. Оразбаева никаких замечаний на этот счет не приводится. Ясно лишь то, что все погребения ограды отнесены им к одному периоду времени — к федоровскому этапу. Обряд захоронения и сопровождающий инвентарь всех десяти

⁴² А. М. Оразбаев. Указ. соч., табл. II, 9.

⁴³ Там же, табл. II, 8.

⁴⁴ Там же, табл. II, 14.

⁴⁵ Там же, табл. II, 2.

⁴⁶ М. Н. Комарова. Томский могильник. МИА, № 24, 1952, стр. 27.

могил во многом повторяют уже сказанное о предыдущих погребениях. Две могилы не содержали следов погребенного (труположения), в третьей (могила К) находились «мелкие кости человека» (трупосожжение?) с горшком типично алакульской формы и орнаментации⁴⁷⁻⁴⁸. Еще один грубый сосуд горшечно-баночной формы⁴⁹, орнаментированный грубыми резными зигзагами, стоял в погребении Ж, в котором находились мелкие кости человека (сожжение?)⁵⁰. Небрежность и грубость приготовления этого сосуда, вытянутые пропорции, резкий отгиб венчика, округлые высоко поднятые плечики — все это очень вероятное проявление срубного влияния на поздней стадии развития данной культуры. Здесь же находился и второй типично федоровский горшок.

В могиле Г стоял алакульский сосуд, орнаментированный ломаными полосами протраченной гребенки, и типично федоровский горшок⁵¹.

Нахождение разнотипной посуды в соседних могилах, внутри общей ограды и, более того, в общих погребениях (Ж, Г) — доказательство синхронности алакульского и федоровского типов посуды, что особенно хорошо видно по материалам погребения Г. Думается, что весь известный нам материал могильника невозможно членить и относить к различным хронологическим этапам, равно как и относить к одному только федоровскому этапу⁵², так как остается необъяснимым в этом случае наличие могил с труположением и алакульской посудой.

Синхронизация подобных описанным выше разнотипных могильных комплексов наблюдалась нами и в Южном Зауралье на довольно обширном материале могильника Черняки II. Здесь кроме стратиграфических данных — расположение разнотипных комплексов (федоровских и алакульских) под общей курганной насыпью — в пользу синхронности свидетельствовали и различные заимствования в области технологии гончарства⁵³.

Но вернемся к Боровому могильнику. А. М. Оразбаев прав, относя могилу из ограды 1 с бронзовыми вещами (зеркалом, кинжалом с упором на черешке) и горшком, близким замараевской

⁴⁷⁻⁴⁸ А. М. Оразбаев. Указ. соч., табл. I, 14.

⁴⁹ Там же, рис. 8.

⁵⁰ Там же, стр. 225.

⁵¹ Там же, рис. 6, табл. I, II.

⁵² В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 81.

⁵³ В. С. Стоколос. Памятник эпохи бронзы..., стр. 211—215.

посуде, к позднему времени ⁵⁴. Только нет оснований отделять по времени это погребение от всего могильника.

Все сказанное не означает отрицания возможности проследить очередность отложения культурных слоев на том или ином памятнике, если такая последовательность была на самом деле. Эту очередность хорошо проследил (планиграфически) К. В. Сальников на Нижне-Спасском поселении ⁵⁵. Этим же методом, прочно вошедшим в методику исследований ⁵⁶, и нам удалось проследить чередование слоев на поселении Черняки II, где сначала отложился слой с алакульской керамикой, а затем наряду с алакульскими появляются федоровский и черкаскульский (замараевский) ⁵⁷ типы посуды. По условным горизонтам выделены два разновременных слоя на поселении Чернореченское I (см. гл. II).

3. Периодизация алакульских памятников

Разбор вопросов периодизации, относительной и абсолютной хронологии алакульских памятников в конце главы вызван необходимостью облегчить раскрытие и обоснование поставленной задачи, а также желанием избежать ненужных повторов.

Уже признанная многими исследователями особенность Южного Зауралья, степного и лесостепного, выражающаяся в господстве алакульских памятников, в том числе и относительно чистых, дает нам основание считать алакульское население в данном районе, с одной стороны, аборигенным, с другой — представляющим из себя довольно крупный этнический массив.

Останавливаясь на вопросах стратиграфии черкаскульских поселений, мы обращали внимание на нахождение в культурных слоях этих поздних памятников определенного количества федоровской керамики. Мы считаем решенным вопросом поздний, не раньше появления валиковой керамики в Зауралье, возраст федоровской посуды, ее краткий хронологический диапазон.

Существенно меняется датирование алакульских памятников, получающих широкий временной простор. Значительное расширение хронологических рамок алакуля (до пяти-шести веков) —

⁵⁴ А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 272, табл. VIII.

⁵⁵ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 292.

⁵⁶ А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. СА, XVIII, 1953, стр. 21, 22; он же. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956, стр. 11.

⁵⁷ В. С. Стоколос. Поселение эпохи бронзы...

от XVI в. до н. э. (Бабарыкино) до XII—XI вв. до н. э. (Алексеевский могильник) — сделало не только возможной, но и первоочередной задачу разработки периодизации и хронологии памятников этого типа в Зауралье. Хронологические рамки алакульской культуры, приведенные нами, определены на основе хорошо известных датировок. Они неокончательны и, несомненно, будут дополнены новыми, расширяющими рамки существования этой культуры.

В настоящее время вопросы периодизации могут быть рассмотрены главным образом на материалах древних кладбищ, которые в той или иной степени раскопаны и дали большой объем разнообразной информации. Помимо обширных керамических комплексов, мы располагаем немалыми сведениями о различных чертах погребального обряда: характере положения умершего, ориентировке, конструкции погребальной камеры и др.

На основе близкого сходства керамики и погребального обряда к алакульским могильникам нами отнесены, кроме уже известных в литературе, еще два: Черняки I и Черняки II⁵⁸. В последнем памятнике имеются в виду погребения с труположением, сопровождаемые характерной керамикой.

Группа алакульских памятников, которую мы рассмотрим в первую очередь, состоит из пяти могильников: Алакуль, Черняки I и II, Тасты-Бутак, Алексеевский. У них есть одно преимущество: массовость информации и минимальная степень посторонних черт. Курганные группы у сел Степного и Спасского, не удовлетворяющие этим требованиям, рассматриваться будут особо.

Вначале остановимся на ориентировке погребений, дающей наиболее четкую картину ее изменения во времени. Метод не является новым. Ориентировка могильных ям и покойников учитывалась в разработке периодизации памятников срубной культуры⁵⁹; северокавказской культуры⁶⁰, погребений эпохи ранних кочевников Зауралья и Поволжья⁶¹. Данные об ориентировке погребений сведены в три большие группы или «совокупности

⁵⁸ Памятник опубликован («Ученые записки Пермского гос. университета», № 191. Пермь, 1968, стр. 209—220). После сдачи статьи в печать работы на памятнике продолжались. Сейчас раскопано не 36, а 47 погребений, получен к 67 сосудам еще 21. Дополнительные материалы не изменили выводы, опубликованные в статье.

⁵⁹ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, стр. 141; И. В. Силицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 186.

⁶⁰ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, стр. 50, 51 и др.

⁶¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 91, 181.

характерных показателей»: меридиональную, широтную и третью — с «промежуточной» ориентировкой, т. е. строго под углом 45°. Здесь мы следовали известной методической разработке, предложенной для обработки массовой информации исторических источников. «Таких показателей [у нас — группы] — В. С.] должно быть минимальное количество, иначе будет отражено много индивидуальных, излишних свойств элементов информации, ничего не дающих исследователю, но увеличивающих объем обрабатываемого материала»⁶².

Для удобства в работе абсолютные цифры переведены в проценты. Место в таблице памятников Тасты-Бутак, Алексеевский и Алакуль определено с учетом существующих датировок⁶³.

	Алакуль	Черняки I	Черняки II	Тасты-Бутак	Алексеевка
Ю-С	8	32	2	10	2
ССЗ-ЮЮВ	6 37,5%	5 26,7%	— 6,8%	— 14,4%	— 12,5%
ССВ-ЮЮЗ	1	5	—	2	—
З-В	4	38	11	38	9
СВВ-ЮЗЗ	3 27,5%	6 36,3%	3 67,4%	4 72,3%	1 75,0%
СЗЗ-ЮВВ	4	13	7	16	2
ЮВ-СЗ	12	58	2	3	2
ЮЗ-СВ	2 35,0%	— 27,0%	6 25,8%	5 13,3%	— 12,5%

Показатели по всем трем группам позволяют подразумевать определенную закономерность между ними. Было очевидным, что группа с широтной ориентировкой имеет тенденцию роста (от Алакуля к Алексеевке), а показатели остальных групп дали обратную картину.

Могильники Черняки I и II заняли в таблице как бы среднее положение. Их показатели не нарушили наметившуюся эволюцию ориентировок групп, а, наоборот, выступили в роли связующего звена. Заслуживает внимания в таблице совпадение абсолютных дат памятников с их относительным размещением в ряду себе подобных, а также закономерное явление — стреми-

⁶² В. А. Устинов. Применение вычислительных машин в исторической науке. М., 1964, стр. 35.

⁶³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 263; В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 89; К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках..., стр. 63.

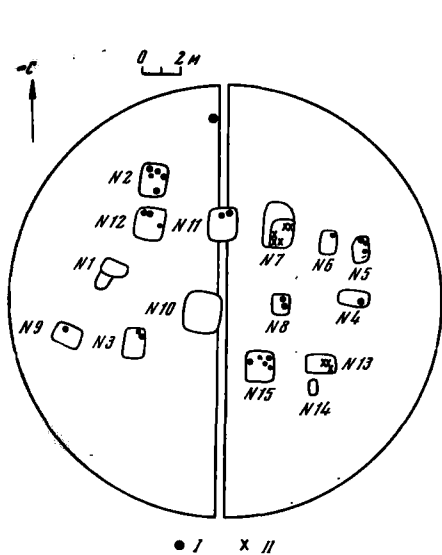


Рис. 34

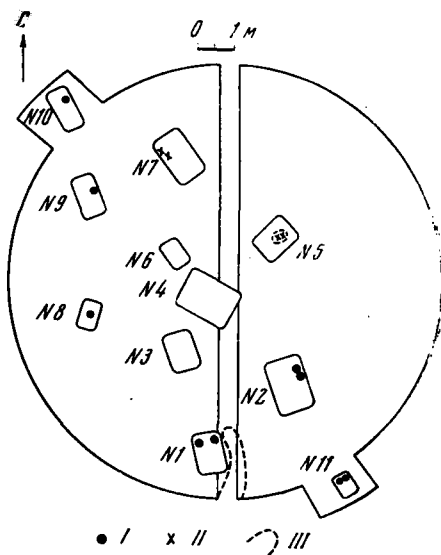


Рис. 35

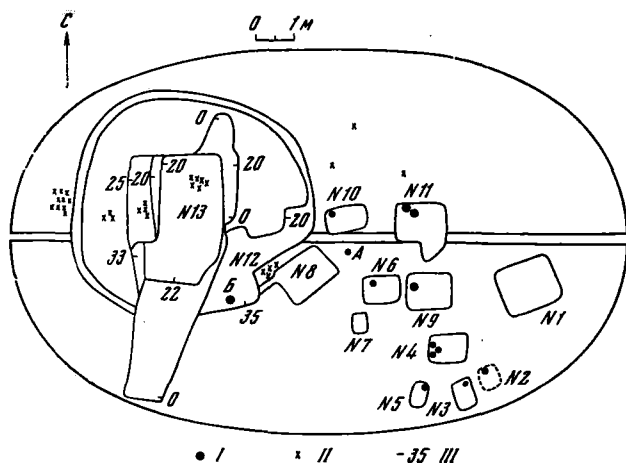


Рис. 36

Рис. 34. С. Спасское.
I курганный
группа, курган 1
I — сосуд; II — черепок

Рис. 35. С. Спасское.
I курганный
группа, курган 2
I — сосуд; II — черепок;
III — выкид

Рис. 36. Могильник
Черняки I,
курган 27
I — сосуд; II — черепок;
III — отметка глубины

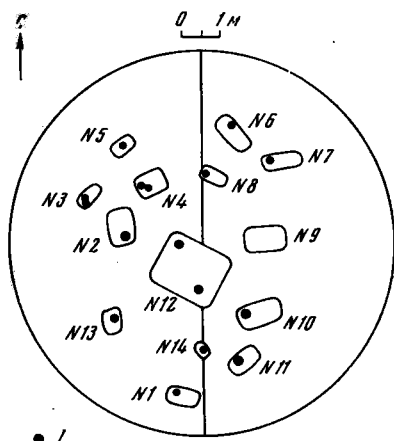


Рис. 37

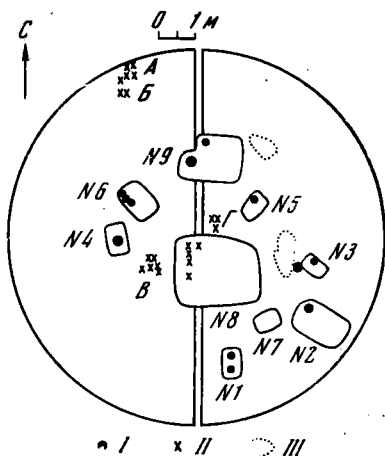


Рис. 38

Рис. 37. Могильник
Черняки I, курган 11
I — сосуд

Рис. 38. Могильник
Черняки I, курган 15
I — сосуд; II — черепок;
III — выкид

Рис. 39. Могильник
Черняки I, курган 1
I — сосуд; II — черепок;
III — отметка глубины

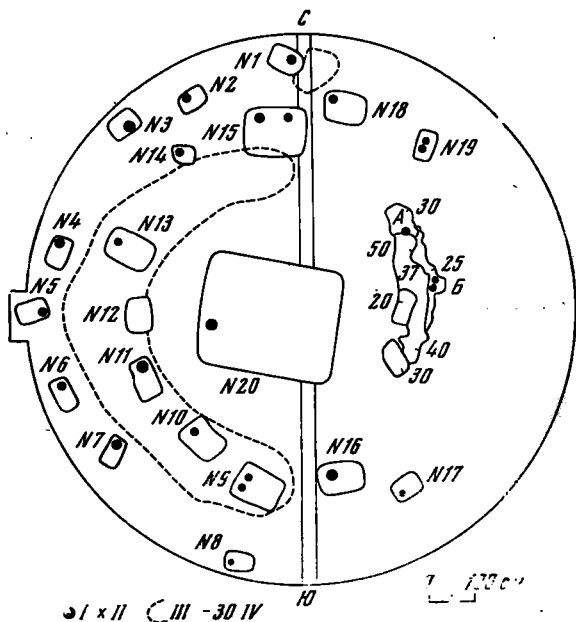


Рис. 39

	Алакуль	Черняки I	Черняки II	Тасты-Бутак	Алексеевка
С	6	13	1	6	—
ССЗ	3 30,0%	14 34,7%	— 6,6%	— 6,3%	—
ССВ	—	6	—	—	—
Ю	9	2	—	5	3
ЮЮЗ	1 36,7%	3 5,2%	2 13,4%	1 6,3%	— 17,6%
ЮЮВ	1	—	—	1	—
В	—	1	—	—	9
ССВ	— 3,3%	1 3,2%	— 6,6%	—	1 70,5%
ЮВВ	1	1	1	—	2
З	1	17	5	52	—
СЗЗ	— 10,0%	11 39,0%	4 66,8%	14 75,5%	—
ЮЗЗ	1	19	1	3	—
СЗ	2 6,7%	9 9,3%	1 6,6%	4 4,2%	—
СВ	—	1 1,1%	—	—	—
ЮЗ	3 10,0%	5 5,3%	—	9 7,7%	—
ЮВ	1 3,3%	2 2,2%	—	—	2 11,9%
Количество погребений	29	105	15	95	17

тельный рост широтной ориентировки, что, несомненно, должно быть сопоставлено с господством ее у живших в Зауралье позднее савромат.

Сведения об ориентировке погребенных менее полноценны, но и их статистика дает сходную картину⁶⁴. Варианты абсолютных ориентировок также сведены в группы на основании, изложенном выше. В таблицу вошли и детские погребения, так как они повторяют ориентировку взрослых погребений, как в этом можно убедиться на ряде примеров, когда мы имеем дело с многомогильными курганами (рис. 34; 35). Ориентировки детских и взрослых погребений могут и не совпадать, так же как и ориентировки только взрослых погребений под одной насыпью (рис. 36, 37, 38). Размещение периферийных погребений по кругу не влияет на их ориентировку. В одних случаях она неустойчива, в других однообразна (рис. 39).

⁶⁴ В большинстве погребений, где скелеты не сохранились, ориентировка устанавливалась косвенно по местоположению сосудов, они ставились в изголовье.

Из всей таблицы, пожалуй, самым существенным является стремительный рост западной ориентировки, совершенно угасающей на Алексеевском могильнике, где господствующая восточная ориентировка, по-видимому, указывает на территориальные различия в обряде среди алакульского населения. Ее нельзя объяснить влиянием соседей, так как нигде рядом восточная ориентировка сколько-либо значительно не применялась.

Обратимся теперь к керамике. Рассмотрим изменение ее ornamentации. В целях сокращения объема описательного текста элементы орнамента пяти рассматриваемых памятников сведены в таблицы. Их количественные показатели выражены в процентах. Интересующие данные о могильниках Алакуль, Тасты-Бутах и Алексеевский были взяты из публикации⁶⁵. Обилие элементов и их вариантов заставило нас при построении корреляционной таблицы пойти на известное обобщение как в графической передаче элементов, так и в выделении групп элементов, поскольку в последнем случае индивидуальные показатели каждого варианта очень редко дают корреляцию. Полное представление об элементах орнамента на новых памятниках — могильниках Черняки I и II — можно составить по особым таблицам (рис. 12). Остальные, преимущественно редко повторяющиеся, элементы опущены, так как не могут быть включены ни в одну из групп, а

		АЛАКУЛЬ	ЧЕРНЯКИ I	ЧЕРНЯКИ II	Т. БУТАК	АЛЕКСЕЕВ
1		2,0%	1,8%	0,8%		
2		2,8	1	0,7		
3			0,3	0,4		
4			0,15	0,4	0,6%	
5						
6		0,8	1,1	4,5	11,6	2,9%
7						
8		0,8	3,8	1,1	1,7	1,7
9						
10		22,8	6,8	4,4	19,1	2,2
11		28,9	15,5	19,7	18,6	24,4
12		18,6	13,5	21,1	11,9	21,5
13		0,8		1,6	0,5	
14		0,4	0,07			12,7
15			0,5	0,7	3,4	1,7
16			0,2		2,2	
17				8	23	
18				0,7		
19				0,7		
20						
21					4	
22					2,2	
23					3,4	
24					5	0,6
25					0,6	0,6

Рис. 40. Корреляционная таблица элементов орнамента алакульской керамики

⁶⁵ В. С. Сорокин. Указ. соч., рис. 9. У В. С. Сорокина проценты элементов орнамента исчисляются от количества горшков, тогда как это нужно делать, исходя из общего количества повторенных элементов орнамента. В нашей корреляционной таблице по этим памятникам внесены соответствующие исправления.

также потому, что сами по себе отдельно остаются непонятыми. Сюда отнесен и распространенный элемент — резной зигзаг. Из более редких исключены ряды мелких насечек, треугольные лопасти из оттисков зубчатого штампа, колонки из горизонтальных отрезков, неопределенной формы ямки, короткие отрезки вертикального зигзага, наклонные отрезки полос протращенной гребенки. По-видимому, многие из них — сторонний продукт алакульской орнаментальной традиции. Происхождение других неясно.

Эволюция большинства типично алакульских элементов носит неравномерный, скачкообразный характер. Примеров с четкой эволюцией мало. Таковы несколько нисходящих линий в трех левых памятниках, расположенных территориально наиболее близко: Алакуль, Черняки I и II. Применение простого меандра, городчатых фигур здесь идет на убыль и, видимо, заканчивается временем существования Черняков II; усложненные меандры и меандровые композиции существуют дольше, их употребляемость с течением времени растет, наблюдается общая тенденция роста различного рода ромбов и комбинаций из них; треугольники то резко идут на убыль, то становятся массовым элементом. Пожалуй, самая характерная черта алакульской орнаментики — прямые и ломаные полосы из протращенной гребенки — остаются наиболее употребительными в течение всего обозреваемого нами периода. Несколько редких элементов — горизонтальная лесенка, ломаные полосы с поперечной штриховкой, густой линейный зигзаг — дают чрезвычайно прерывистую линию, и о них трудно что-либо сказать (рис. 40).

Главным образом корреляционная зависимость вырисовывается не столько на основе эволюции чисто алакульского орнамента, сколько за счет постепенного притока извне отдельных черт, связанных с орнаментацией и в целом с керамическим производством. Таковы желобки, зигзаги из оттисков гладкого штампа, наклонные насечки, утолщение венчиков, нарядные фризизы из полос треугольников вершинами навстречу (рис. 40, элем. 18, 20—24), широко распространенные на черкаскульской (замаравской) керамике. Эти элементы постепенно просачиваются в алакульскую орнаментацию, начиная со времени сооружения могильника Черняки II, а несколько позже и более явственно на Тасты-Бутаке. Алексеевский могильник содержит мало характерных поздних элементов. Но нельзя не обратить внимание на значительное сокращение на алексеевской посуде разнообразия элементов орнамента и их вариантов. К относительно позднему явлению надо относить лощение поверхности, сложные меандровые узоры,

выполненные мелкозубчатым штампом⁶⁶, проникшие сюда, по всей вероятности, из андроновской (федоровской) традиции. Сосуд с нарядной орнаментацией, меандром из погребения (без следов костяка) могильника Черняки II несомненно черкакульский. К сожалению, затруднительно установить тип погребения⁶⁷. Никаких других вещей в могиле не оказалось. Все же наличие этого черкакульского сосуда на могильнике важно как свидетельство связей разноэтничных племен, указывающее отчасти и на время контактов.

Выше мы попытались обосновать поздний возраст черкакульской керамики в целом. Поскольку черкакульские элементы фиксируются не на всех памятниках, а только со времени могильника Черняки II, то алакульские могильники Зауралья можно предварительно разделить на два периода — ранний алакульский и поздний замараевский. Термин «замараевский» в данном случае будет обозначать лишь позднебронзовое время Зауралья.

К более раннему периоду можно отнести могильники Алакуль и Черняки I. Черняки II возникает, видимо, в самом начале черкакульского проникновения на юг. Или картину можно представить несколько по-иному: черкакульское проникновение происходит в заключительный период функционирования могильника Черняки II. Последний фиксирует и более отчетливо вторую струю — андроновское (федоровское) проникновение, хотя, конечно, не исключено и несколько более раннее появление андроновцев на изучаемой территории. Это предположение строится исходя из характера керамики с известного Федоровского могильника. Она неоднородна. Наряду с преобладающим количеством типичных федоровских сосудов есть среди них бесспорно алакульский экземпляр, алакульская орнаментация на блюдах⁶⁸. Один сосуд⁶⁹, украшенный треугольными лопастями из угловых вдавлений, по-видимому, отражает срубное влияние.

Несмотря на территориальную близость черкакульских памятников, влияние черкакульской орнаментации на Федоровском могильнике не проявляется, возможно, вследствие хронологического интервала между ними. Однако надо признать, что наше предположение строится на ограниченном материале. Нельзя ручаться, что при дальнейших раскопках могильника полученные

⁶⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 129.

⁶⁷ В. С. Стоколос. Памятники эпохи бронзы..., рис. 1, I, стр. 21, стр. 216.

⁶⁸ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник..., табл. I, 10, 12.

⁶⁹ Там же, табл. I, 5.

сведения о нем останутся неизменными⁷⁰. Лишь с большой степенью вероятности можно поставить Федоровский могильник перед Черняками II, т. е. до начала черкаскульского движения к югу, но не раньше, а позже появления могильника Черняки I. Время сооружения последнего и тем более Алакульского могильника предшествует и черкаскульскому, и федоровскому проникновению в лесостепную зону Южного Зауралья. Проникновение черкаскульских черт в алакульскую культуру, приходящееся на начало позднего замараевского периода, в целом совпадает с началом экспансии федоровского населения на территорию зауральских алакульцев. С этого лишь времени можно утвердительно говорить и о федоровско-алакульских контактах, а также и начале синхронного бытования в Южном Зауралье федоровско-алакульского населения с участием и иных групп племен: абашевских, срубных, черкаскульских. Отражением этих контактов разнотипного и разноэтничного населения может служить могильник Черняки II — наиболее полно исследованный и опубликованный памятник этого рода в Зауралье⁷¹.

Южные челябинские степи археологически изучены слабее, но и здесь в последние годы в нескольких пунктах получен материал, позволяющий судить о периодизации. Наиболее ранним памятником мы считаем здесь I курганный комплекс у с. Спасского, в верховьях р. Урала. Территориальная близость алакульского населения, оставившего это кладбище, к срубным племенам Оренбуржья наложила отпечаток на их культуру. Свидетельства ассимиляционного процесса зафиксированы в гончарстве и погребальном обряде. На них мы останавливались выше при анализе материалов Спасских курганов. Обращаясь к датировке I спасской курганной группы, от статистики ориентировок погребений пришлось отказаться, так как соотношения выделяемых нами групп получаются здесь не типичными ни для одного из алакульских памятников, включенных в таблицу. Аномалия ориентировок — несомненное следствие сильного воздействия со стороны срубной традиции, где соотношения групп ориентировок существенно отличаются от алакульских⁷². Относительно одновременные памятники: срубные курганы у Ягодного и Алакульский могильник содержат погребения с северной ориентировкой

⁷⁰ Может быть, многорядные полосы (К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник, табл. I, б) с поперечной штриховкой как раз являются заимствованными из черкаскульской орнаментальной традиции.

⁷¹ В. С. Стоколос. Памятник эпохи бронзы..., стр. 216—219.

⁷² Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, стр. 141; он же. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 135.

соответственно 64,3% и 30%. Количество примеров можно увеличить. Но, с другой стороны, значительное срубное влияние облегчает задачу периодизации, которую мы везде пытаемся решать с ориентировкой на срубные связи.

В нашем памятнике единственным источником периодизации служит керамика. Целая серия сосудов характерных пропорций — приземистых, широких и, как правило, острореберных (рис. 13, 8, 12; 15, 1, 2, 10; 16, 1) находит аналогии среди посуды первого этапа срубной культуры, главным образом происходящей из погребений⁷³. Господствующая примесь песка, иногда дресвы в глине, толстые стенки, всевозможные знаки и схематичные рисунки (рис. 15, 7, 8; 16, 2, 3) — все это, несомненно, тоже срубные черты.

В керамике курганов отсутствуют поздние признаки в виде валиков, воротничков, хотя уже говорилось о том, что валики, как чуждая для алакульского гончарства черта, могли и не получить распространения у них даже в пору господства этой моды у соседей. Но мы не видим и других признаков, привнесенных в алакульскую среду со стороны поздно появившегося здесь андроновского (федоровского), а также и абашевского населения. Нет здесь и черкаскульских черт. Следовательно, есть основания считать I курганный группу у с. Спасского возникшей в пределах первого периода срубной культуры, датируемого XVI—XIII вв. до н. э.⁷⁴ Большая группа керамики этой группы (рис. 13, 7, 10, 11; 15, 4, 5), типично алакульская, наиболее близка посуде Алакульского могильника и Черняки I и, возможно, синхронна последней.

Единственное погребение с сожжением, которое можно условно связать с федоровским обрядом, не меняет датировку, так как полной уверенности в его происхождении у нас нет. Характерная федоровская керамика в данном погребении и в целом на памятнике отсутствует. Кроме того, взаимопроникновение отдельных черт культуры могло иметь место и на ранних этапах. Напомним редкие примеры кремации покойников на могильнике Черняки I. Отдельные алакульские сосуды встречаются далеко на востоке⁷⁵, на территории андроновского (федоровского) населения.

⁷³ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, рис. 37, 3, 10, и др., стр. 146, 147; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье., рис. 3, 7.

⁷⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 7.

⁷⁵ М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. «Археологический сборник», вып. 3. Л., 1961, табл. X, 9.

II курганная группа у с. Спасского малочисленна и информацией небогата. Различные обряды захоронения умерших — труположение и сожжение, хотя и встреченные в разных курганах, по-видимому, синхронны. Фрагменты со срубной орнаментацией из засыпки могилы кургана 1, в которой совершенно сожжение, несомненно, синхронны федоровским сосудам из этого же погребения. Следовательно, можно допустить синхронность срубных и алакульско-срубных сосудов, происходящих из погребений (курганы 2 и 3) с другим обрядом, и федоровским горшкам из кургана 1.

В непосредственной близости от II курганной группы частично исследовано поселение этого времени — поселение у Спасского моста. Культурный слой этого памятника насыщен керамикой различного происхождения: алакульской, срубной (в основном), иногда федоровскими черепками, еще реже — фрагментами горшков черкаскульского типа с валиками. Во время раскопок разнородная керамика была найдена возле очагов⁷⁶, что указывает на синхронность ее бытования. На поселении у Спасского моста и в погребениях II курганной группы, как мы видим, существует, хотя и не полное, совпадение групп керамики, что дает основание для синхронизации обоих памятников и позволяет считать их относящимися друг к другу.

Сопоставляя керамику с поселения у Спасского моста и Нижне-Спасского (землянка с алакульской керамикой), аналогичную I курганной группе, мы приходим к уже высказанному наблюдению об очередности заселения этого района. Нижне-Спасское поселение, где было раскопано два разновременных жилища на противоположных концах поселка, дало показательную картину. Одно из жилищ содержало только алакульско-срубную керамику, второе сверх того — федоровские и замараевские, по К. В. Сальникову, черепки⁷⁷. Двуслойность памятника и разновременность слоев здесь несомненна⁷⁸. Первое жилище со срубно-алакульской керамикой тяготеет к I курганной группе, второе жилище с трех- и даже четырехтипной керамикой — более позднее. Оно в какой-то мере синхронно селищу у Спасского моста. Оба они возникли во второй период алакульской культуры (замараевский период), хотя одно из них, поселение у моста, не позже начала второго

⁷⁶ В. И. Фомина. Указ. соч., стр. 208.

⁷⁷ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 292; он же. Отчет о результатах раскопок Нижне-Спасского селища в Верхне-Уральском районе Челябинской области. Научный архив ИА АН СССР, № 2273, стр. 14—17.

⁷⁸ К. В. Сальников утверждает о трехслойности второй землянки (см.: К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 292).

периода, а Нижне-Спасское возникает значительное время спустя. Позднее время существования обоих спасских поселений устанавливается и по другому признаку — составу примесей в глине. На поселении у Спасского моста появляется, а на Нижне-Спасском (позднее жилище) уже довольно широко используется в качестве примеси толченая раковина, что нам представляется как одно из проявлений влияния со стороны поздно пришедших сюда абашевских племен.

III курганная группа не имеет исследованного, одновременного ей поселения. Ее место во времени определяется также по аналогиям со срубными комплексами. Руководствуясь керамикой и ориентировкой погребений (то и другое имеет срубный облик с некоторыми алакульскими чертами), можно отнести всю группу к первому периоду срубной культуры (алакульскому — в Зауралье). Характерные курганные насыпи III группы в форме вытянутых овалов также, несомненно, срубного происхождения. Они как будто ориентируют нас на более позднее время, но в рамках срубной культуры они возникают, по мнению Н. Я. Мерперта, и в пределах ее раннего периода⁷⁹. Следовательно, III группа возникла приблизительно одновременно с I группой и, вероятно, ближе ко времени II группы. Последняя имеет поздние признаки в виде федоровского погребения с характерной керамикой. III группа не имеет этих признаков, но два сосуда отсюда (один в черепках) содержали раковинную примесь, приннесенную в Зауралье абашевским населением. Но решительно утверждать последнее, не располагая другими фактами, преждевременно.

В период самых поздних спасских памятников с запада на восток и северо-восток начинается движение абашевских племен.

Алакульское население челябинских степей испытало влияние и этих пришельцев, что довольно отчетливо прослеживается на материалах двух курганных групп возле с. Степного⁸⁰. Они разновременны, хотя и несущественно. Во II группе керамика в основном срубно-алакульская, с преобладанием срубных черт в орнаментации и технологии. В ориентировке могил преобладания срубной или алакульской традиции не видно. Признаков, указывающих на время, немного. Это треугольный в сечении, выдавленный валик на сосуде из погребения 2 кургана 4⁸¹. Его можно бы принять за случайный элемент, но сосуд из кургана 6, по-

⁷⁹ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, стр. 138.

⁸⁰ В. С. Стоколос. Курганы эпохи бронзы у с. Степного.

⁸¹ Там же, рис. 6, г.

гребение 1⁸², близкий абашевским горшкам, тоже указывает на позднее время возникновения II курганный группы, которое, по-видимому, приходится на самое начало абашевского проникновения в челябинские степи.

Несколько более молодой выглядит I курганный группа. Абашевское влияние в форме и орнаментации здесь бесспорное и довольно значительное. Появляются гибридные абашево-алакульские сосуды⁸³. Отличие I курганный группы от II не только временное, но и этническое. Здесь, судя по керамике и другим признакам, контактировало алакульское (основное), абашевское и срубное (меньше) население.

Керамика неоднородна и разделяется на группы. В первую следует отнести большинство сосудов баночной или горшечно-баночной формы. Они, как правило, имеют ребристый профиль, редко — плавный⁸⁴. Венчики этой группы иногда утолщены в виде воротничка⁸⁵. Орнамент состоит из резных или зубчатых треугольников, прямых и ломаных линий, редко — полос из горизонтальной елочки. В двух случаях орнаментировано дно членением на четыре сектора и фигурой в виде свастики. Если профиль сосудов чаще аналогичен срубным образцам, то многие элементы орнамента могут быть в равной степени отнесены и к срубным, и к алакульским. Вытянутые пропорции горшков — также алакульская традиция. Орнамент из проташенной гребенки, столь широко применяемый на Алакуле, Черняках I и II, здесь не употреблялся. Вероятно, мы имеем здесь дело со своеобразным синтезом позднеалакульской посуды с обедненной орнаментацией и сильным срубным влиянием. Срубная черта видна в небрежном исполнении орнамента и его асимметрии. К алакульской черте следует отнести тальковую примесь в глине нескольких горшков. В целом данная группа посуды представляется смешанной, срубно-алакульской.

Во II группу входят абашевские сосуды или гибридные абашево-алакульские⁸⁶.

Смешивание состава населения выразилось и в неустойчивости погребального обряда. Следы ритуальных костров, частичное обожжение сруба, меловая подсыпка, берестяное покрытие накатника — все эти детали проникают в алакульскую среду извне.

⁸² В. С. Стоколос. Курганы эпохи бронзы у с. Степного, рис. 6, д.

⁸³ Там же, рис. 4, а.

⁸⁴ Там же, рис. 1, д, е; 2, в, г, д, е; 3, а, в, г, д.

⁸⁵ Там же, рис. 2, в, д; 3, д, а.

⁸⁶ Там же, рис. 1, а, б; 2, а; 3, б, е; 4, а, б.

Ритуальные костры в степновских погребениях можно отнести отчасти за счет срубной традиции, где остатки костров в могилах (без сожжения покойника) изредка встречаются⁸⁷. Несравненно более многочисленные аналогии отмеченным чертам мы найдем в ритуале абашевских погребений с их широко развитым огненным культом: костры вокруг могил, засыпка ям (следовательно, и тела умершего) углями костра⁸⁸.

Несколько необычна конструкция некоторых могил (курганы 1, 2), в которых бревна сруба заменены гранитными блоками. Известно, что широкое применение камня при сооружении могил наблюдается у степных племен эпохи бронзы Казахстана и Сибири. Возможно, этот навык проник именно оттуда в лесостепное Зауралье. Так же необычна для Зауралья меловая подсыпка (курган 4), по всей вероятности, проникшая сюда из срубной традиции, где она сохраняется в виде пережитка более раннего времени⁸⁹.

На время прихода абашевского населения указывает и одна из характерных этнографических черт — примешивание толченых раковин в глину сосудов. Уже отмечалось, что на Нижне-Спасском поселении в керамике из алакульского жилища раковина не зафиксирована. Зато во время функционирования позднего жилища этого же поселения — с черкаскульской, андроновской (федоровской) и алакульской посудой — толченая раковина в качестве примеси в глине используется широко.

Если мы от условной границы (южные степи) абашевского населения в Зауралье мысленно проведем стрелки в направлении памятников, содержащих керамику с раковинной примесью, то ими окажутся только те памятники, которые датируются не ранее XII—XI вв. до н. э. Ими будут Замараево, Черкаскуль II, Лужки, Черняки II (раскоп II), Ново-Буринское, а также поселения Нижне-Спасское, у Спасского моста и Алексеевское.

Таким образом, новшество, принесенное абашевцами в зауральскую среду, говорит об их присутствии даже в том случае, когда типичной абашевской керамики в культурном слое памят-

⁸⁷ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, стр. 312.

⁸⁸ В. Ф. Смолин. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928, стр. 22; О. А. Кривонова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 94; Н. Я. Мерперт. Абашевские курганы Северной Чувашии. МИА, № 97, 1961, стр. 148, 149; А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, № 97, 1961, стр. 211, 212.

⁸⁹ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское; он же. Быковские курганы, стр. 237.

ника не обнаруживается. Наши наблюдения существенно расходятся с датировкой абашевских комплексов в Зауралье, предложенной К. В. Сальниковым. Так, Мало-Кизыльское селище датировано им XV—XIV вв. до н. э.⁹⁰ Однако существует не менее обоснованная и более близкая нам дата для южноуральского абашева на основе пересмотра возраста Верхнекизыльскогоклада, датируемого рубежом XII—XI вв. до н. э.⁹¹

О посуде I курганный группы у с. Степного остается добавить, что, помимо абашевских черт, наличие утолщенных венчиков (воротничков) на некоторых горшках позволяет считать этот памятник поздним в рамках бронзового века.

Чернореченская курганный группа. Общий облик керамики, принадлежащей срубному типу, указывает на ее поздний возраст. На близлежащем поселении фрагменты с характерным штриховым сглаживанием поверхности попадались только совместно с валиковой и воротничковой посудой. Нижний алакульский слой в землянке 2 подобной посуды не содержал. Таким образом, отнесение курганов ко второму периоду срубной культуры (для Зауралья — замараевский период) представляется вполне возможным. Грубые насечки на одном чернореченском сосуде (рис. 13, 1) и обломке края второго (рис. 13, 2) находят аналогии среди поздней срубной керамики с. Ивановки, близ г. Хвалынского⁹², поселения Кобыяково⁹³, где они также являются единственным украшением.

Кроме того, эти грубые насечки по венчику, видимо, так же имитируют валик, как это мы отмечали на посуде близлежащего поселения Чернореченское I (рис. 3, 1, 5). П. Д. Либеров, анализируя позднесрубную керамику из памятников в бассейне среднего Дона, пришел к выводу об очень позднем возрасте (начальные века I тыс. до н. э.) посуды, украшенной орнаментальными полосками, имитирующими валик⁹⁴.

Далее к югу, в степных районах Оренбуржья, историческая картина представляется во многом сходной. Раскопки Новобелогорского могильника дали довольно ранний с полтавкинскими пережитками срубно-алакульский материал, касающийся и ке-

⁹⁰ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 107, 109.

⁹¹ В. А. Сафронов. Указ. соч., стр. 189.

⁹² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 9, 11.

⁹³ Там же, рис. 23, 6, 12.

⁹⁴ П. Д. Либеров. Племена среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 64, 65, рис. 32.

рамики, и погребального обряда⁹⁵. Никаких федоровских черт в этом памятнике не отмечено. Видимо, близка по времени Новобелогорскому могильнику курганная группа «Близнецы», датированная по металлическому комплексу XV—XIII вв. до н. э. Однако нельзя признать, вопреки автору цитируемой работы, федоровских черт на одном сосуде из «Близнецов». Форма его и, особенно, орнамент не имеют даже отдаленных аналогий в федоровской керамике. Новобелогорский могильник, как и «Близнецы», является исключительно срубно-алакульским памятником Оренбуржья. Они позволяют выделить и здесь сложившийся рано (не позже середины II тыс. до н. э.) район со смешанным и близким по культуре срубно-алакульским населением, без участия андроновских (федоровских) племен. Судя по опубликованному материалу, в эту же группу следует включить Увакский могильник со срубно-алакульской керамикой⁹⁶.

Э. А. Федорова-Давыдова также выделяет обширную территорию (Зауралье, степи Приуралья, Западный Казахстан), заселенную алакульскими или срубно-алакульскими племенами⁹⁷, сменившими в некоторых районах челябинской лесостепи более раннее федоровское население. Последнее, по ее мнению, оказывало сильное влияние на южных соседей⁹⁸.

Отрицать влияние андроновских (федоровских) племен на население Приуралья, конечно, нет оснований. Весь вопрос в том, к какому времени его отнести. Новобелогорский могильник, уверенно датирующийся серединой II тыс. до н. э., никаких следов федоровского влияния не обнаруживает. Нет федоровских черт и в материалах Увакского могильника. Та же картина в комплексе с «Близнецов», по времени близкому к Новобелогорскому могильнику. Более ранние контакты федоровского населения с племенами оренбургских степей не обосновывались никем.

У Э. А. Федоровой-Давыдовой свой подход в решении вопроса о начале контактов алакульского и андроновского (федоровского) населения. Она видит на одном из горшков с «Близнецов»⁹⁹ федоровские черты (на самом деле их там нет) и, таким образом, отодвигает начало контактов к XV—XIII вв. до н. э.

⁹⁵ Э. А. Федорова-Давыдова. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. АЭБ, т. II. Уфа, 1964.

⁹⁶ Там же, стр. 87, 88, рис. 3.

⁹⁷ Там же, стр. 92.

⁹⁸ Там же, стр. 92.

⁹⁹ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э., стр. 58.

Стремление к ранней датировке алакульско-федоровских контактов отмечается и в другой недавно вышедшей работе¹⁰⁰. На основе совместного нахождения керамики кожумбердынского типа, т. е. сочетающей в себе алакульско-федоровские черты, и накопника дротика с несомкнутой втулкой авторы статьи относят время контактов к середине II тыс. до н. э.¹⁰¹ Смещение различных черт в керамике здесь несомненное. Но датировка ее по дротику с привязкой к вещам Верхне-Кизыльского клада, Сейменского могильника в настоящее время небесспорна, поскольку существуют доказательства в сторону омоложения даты клада рубежом XII—XI, а могильника — XIII—XII вв. до н. э.¹⁰² Если это так, то наши наблюдения относительно позднего появления федоровских племен (не менее четвертой четверти II тыс. до н. э.) в Зауралье и Приуралье получают поддержку.

На памятниках, далеко отстоящих от Зауралья, исследователями устанавливается та же картина: федоровская керамика встречается совместно только с явно поздними комплексами. В Центральном Казахстане фрагменты федоровских горшков найдены на ряде поздних поселений: Атасуское, Бугулы II, Каркалиновское, Улутан, датированных I тыс. до н. э.¹⁰³ В Восточном Казахстане федоровская керамика всегда залегает совместно с валиковой и существует здесь в XIII—IX вв. до н. э.¹⁰⁴ Севернее, в Приобье, федоровская керамика фиксируется во всех случаях в еловских комплексах XII—X вв. до н. э., а в более ранних памятниках ее нет¹⁰⁵. Наконец, к западу от Уральского хребта, в низовьях р. Камы андроновская¹⁰⁶ (федоровская) керамика отмечена А. В. Збруевой в культурном слое Луговской стоянки, датированной рубежом II и I тыс. до н. э.¹⁰⁷

¹⁰⁰ М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова. Указ. соч.

¹⁰¹ Там же, стр. 137—140.

¹⁰² В. А. Сафронов. Некоторые вопросы хронологии..., стр. 185, 189.

¹⁰³ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. соч., табл. XXVI, XXVIII, XXIX, XLII, стр. 238, 256.

¹⁰⁴ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 101, 271.

¹⁰⁵ М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, № 2, стр. 244.

¹⁰⁶ А. В. Збруева. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, 1960, рис. 4, 1—3.

¹⁰⁷ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 33; А. Х. Халиков датирует Луговскую стоянку XIV—XIII вв. до н. э., см.: А. Х. Халиков. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры. «Ученые записки Пермского гос. университета», № 148, 1968, стр. 13; он же. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 257—267. Первая датировка Луговской стоянки нам представляется более обоснованной, так как появление валиковой керамики мы относим не к XIV—XIII вв. до н. э., как А. Х. Халиков, а ко времени не ранее XIII в. до н. э.

Особняком стоит абсолютная дата федоровского этапа, обоснованная К. В. Сальниковым в его последней работе. Мы уже говорили о дротике из федоровского погребения близ станции Смолино, послужившем К. В. Сальникову основанием датировать федоровские комплексы начиная с XVIII в. до н. э.¹⁰⁸

Нам не представляется выдвинутая датировка сколько-либо убедительной. Смолинскому дротику имеются не опосредованные и искусственно создаваемые, а прямые аналогии. Укажем на литейную форму для втульчатого наконечника стрелы из Новочеркасского клада, точно повторяющую пропорции смолинского дротика, и на втульчатые наконечники стрел близкой пропорции из хутора Обрывского. По этим вещам, датирующимся VIII—VII вв. до н. э.¹⁰⁹, должна конструироваться дата смолинского погребения, но несомненно несколько более ранняя, чем возраст южных вещей. Напомним еще, что наконечники стрел с длинной втулкой и коротким пером получают особое распространение в эпоху раннего железа у савромат и происходят, по мнению К. Ф. Смирнова, от втульчатых бронзовых копий середины II тыс. до н. э.¹¹⁰

В связи с датировкой федоровских комплексов следует высказаться и о нашем понимании переходного периода и «переходных комплексов», используемых К. В. Сальниковым для подтверждения правоты идеи смены одного этапа другим. К переходным комплексам им отнесены погребение из одного раскопанного кургана Кинзерского могильника и еще несколько погребений из других могильников, сочетающих, по его мнению, федоровские и алакульские черты. Относительно культурной характеристики Кинзерского могильника можно спорить. В некоторых других погребениях федоровско-алакульские черты действительно есть¹¹¹. В свою очередь аналогичные моменты мы отмечали при анализе материалов могильника Черняки II.

Объяснение происхождения «переходных комплексов» не может быть однозначным. Они могли возникнуть и вследствие контактов двух групп населения. Какое из двух объяснений верно, могут помочь решить стратиграфия, которой мы пока не располагаем, или серия дат обоих типов памятников. Федоровская керамика, как уже сказано, фиксируется не раньше четвертой

¹⁰⁸ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 315, 325.

¹⁰⁹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 52, 67, рис. 1, 10.

¹¹⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 39, табл. IV, рис. 11.

¹¹¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 303—306.

четверти II тыс. до н. э., в то время как алакульские памятники, согласно ряду датировок, имеют перед первыми хронологический приоритет.

Однако по одному из «переходных» погребений из кургана 9 у дер. Исаково¹¹² можно вынести суждение о его возрасте. Найденный там алакульский сосуд имеет четкий воротничок, покрытый двойным зигзагом¹¹³. По аналогии с воротничковой и валиковой керамикой черкаскульского и срубного типов можно соответственно датировать и это погребение.

К югу от оренбургских степей, в Западном Казахстане, обстановка выглядит несколько иной. Факты свидетельствуют, что здесь андроновское население либо не появлялось, либо появлялось очень в небольшом количестве и кратковременно. Е. Е. Кузьмина, предложившая периодизацию могильников эпохи бронзы Еленовского микрорайона, отмечает отсутствие многих характерных черт федоровской орнаментации даже на тех памятниках типа Ушкаты I, которые наиболее сильно, по ее наблюдениям, испытали федоровское влияние¹¹⁴. Однако попытка отнести эти памятники к наиболее ранним и датировать их через металлический комплекс из «Близнецов» и далее по аналогиям последнего с бронзами различных территорий от Эгеи до Аньяна не может быть признана правильной. Нам представляется ошибочным первое звено в этой цепи — отсутствие сходства между посудой типа Ушкаты I и горшком из «Близнецов», аналогии которому в федоровских типах посуды, как уже отмечалось, отыскать невозможно. Элементы орнамента на близнецовском сосуде: равнобедренные треугольники, зигзаги, полосы сомкнутых ромбов, выполненные к тому же резьбой¹¹⁵, а также почти бомбовидная форма его с коротким венчиком среди федоровской посуды аналогий не имеют.

Вторая линия определения относительной датировки через аналогии с Кожумбердынским могильником и федоровской керамикой соседних территорий¹¹⁶ представляется вполне обоснованной.

¹¹² К. В. Сальников. Очерки древней истории... По архивным документам Н. К. Минко номер этого кургана 7 и расположен он у дер. Сухомесово.

¹¹³ Там же, рис. 47, 5. В таблице воротничок не нарисован.

¹¹⁴ Е. Е. Кузьмина. Периодизация могильников Еленовского микрорайона..., стр. 133, 134.

¹¹⁵ Е. Е. Кузьмина в цитируемой работе орнамент на сосуде почему-то называет зубчатым (стр. 134), что противоречит рисунку в статье Э. А. Федоровой-Давыдовой «Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э.» (рис. 1, I).

¹¹⁶ Е. Е. Кузьмина. Периодизация могильника Еленовского микрорайона, стр. 133.

Ряд общих характерных элементов орнамента: косые треугольники, фестоны из треугольников, свастики, сложные меандровые фигуры и лощение поверхности бесспорно указывают на синхронность ушкатинской и федоровской посуды. Но поскольку цепочка аналогий неизменно приведет к Кипельскому поселению, то ориентировка Е. Е. Кузьминой на существующую дату федоровского слоя этого памятника требует соответствующей поправки в сторону омоложения могильников типа Ушкатты I, а могильники типа Байту, содержащие посуду с простой и, в основном, резной геометрической орнаментацией, должны быть отнесены ко времени, предшествовавшему Ушкатты I. В этом случае они обнаружат вполне объяснимые, хотя и не полные, аналогии с керамикой из «Близнецов», Новобелогорского и Увакского могильников, однако с условием, что небольшой опубликованный материал по памятнику типа Байту I не отличается от всего того, что получено при их раскопках.

Дополнительным доводом в пользу предложенной перестановки служит специфическая форма некоторых горшков из Ушкатты I, напоминающих цилиндр с сильно выпуклыми (примерно на середине высоты) стенками¹¹⁷. Аналогии, и причем многочисленные, этим формам известны только на юге из комплекса могильника тазабагъбской культуры Кокча 3, датируемого XIII—XI вв. до н. э.¹¹⁸ Ориентировка на абсолютную дату Кокча 3 может быть лишь приблизительной¹¹⁹. В настоящее время наиболее приемлемой для комплексов типа Ушкатты I будет нижняя граница кокчинской датировки.

Могильник Тасты-Бутак с желобчатой и воротничковой посудой должен занять место за памятниками типа Байту I, и, возможно, Ушкатты I. Его абсолютная дата в пределах XIII—XII вв. до н. э.¹²⁰ соответствует времени начала второго периода срубной культуры и постепенного распространения воротничковой и валиковой керамики. Отсутствие валиков на тастыбутакской посуде, очевидно, объясняется и временем возникновения памятника, и тем, что это новшество, по-видимому, не было воспринято алакульским населением. Впрочем, и в поздних срубных и черкакульских комплексах валиковая керамика не получила широкого

¹¹⁷ Там же, рис. 1, 6.

¹¹⁸ М. А. Итина. Указ. соч., рис. 4, 1; 5, 1, 8 и др., стр. 89.

¹¹⁹ Пересмотр датировок срубных (Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии) и алакульских (К. В. Сальников. О датировке культур эпохи бронзы...) комплексов, на которые опирается М. А. Итина, по-видимому, приведет к удревнению даты кокчинского комплекса.

¹²⁰ В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 89.

распространения. Сопоставляется также с поздней датой Тасты-Бу-така часто применяемое в орнаментации его керамики каннелирование венчиков, заимствованное, несомненно, из черкаскульской традиции. В чистых алакульских и срубных комплексах каннелюр нет ¹²¹.

Поселения

Рассмотрение материалов с поселений после могильников удобнее, поскольку последние более отчетливо определяются во времени. В некоторых случаях керамические комплексы поселений почти полностью совпадают с керамикой близлежащих кладбищ и значительно подкрепляют предложенную периодизацию. Алакульский могильник, к сожалению, не имеет принадлежащего ему поселения. Наши поиски в 1965 г. на оз. Алакуль были безуспешны. Лишь на противоположном берегу озера, на удалении около 3 км от могильника, найдено несколько черепков из тальковой глины и с алакульской орнаментацией. Возможно, поселение, располагавшееся где-то поблизости от могильника, полностью разрушено вследствие постоянного размыва берега на этом участке. Некоторые курганы в настоящее время находятся почти у самой кромки берегового обрыва.

В лучшем положении оказались памятники черняковской группы. Могильник Черняки I и поселение Черняки III, по-видимому, возникли одновременно, точнее, в пределах алакульского периода, хотя площадь и мощность культурного слоя поселения не настолько велики, чтобы происхождение столь обширного кладбища связывать целиком с функционированием этого поселения. Несмотря на наши многолетние поиски, другого более обширного поселения, которое соответствовало бы по материалу и объему могильнику Черняки I, найти не удалось. Лишь в обломке одного из разрушенных домов дер. Черняки, что в 200 м северо-восточнее поселения Черняки III, был обнаружен фрагмент алакульского сосуда, возможно происходящего из уничтоженного поселения, местом которого мог быть удобный участок берега несколько ниже по течению реки, в настоящее время сильно разрушенный и засоренный. Весьма предположительно можно объяснить возникновение поселения Черняки III как чисто хозяйственного комплекса. Поэтому здесь так много следов металлургии

¹²¹ Каннелюры на федоровских сосудах никогда не бывают такими широкими и глубокими. Нет на тастыбутакской посуде и других характерных федоровских элементов.

ческого производства: готовые изделия, полуфабрикаты, руда и очень мало кухонных отходов; необычно велико число развалов крупных сосудов (рис. 6, 4), сохранились даже целые горшки (рис. 6, 10).

Все элементы орнамента посуды с поселения, за некоторым исключением, находят полную аналогию на могильнике. Аналогична также форма посуды и рецептура глины. К числу отличий можно отнести почти полное господство резной и линейной орнаментации. На могильнике зубчатый штамп применялся значительно чаще. Полосы из ломаных желобков, украшавших иногда стенки сосудов на поселении, на могильнике тоже не встречены. На первый взгляд, желобки вызывают черкасульские аналогии, хотя они другого происхождения. Их наносили не по венчику, как на черкасульской посуде, а на стенках движением нескольких вместе собранных пальцев. В результате желобки получились широкими с неровными краями. Черкасульские желобки выдавливались специальным инструментом, и в случае нанесения их на стенки сосуда они выполняют вспомогательную роль, служа дополнением меандровых фигур.

Кроме керамики, позволяющей провести аналогии с могильником и поставить, таким образом, поселение по времени рядом с ним, находки металлических вещей позволяют нам судить об абсолютной дате памятника. Плоский медный двулезвийный нож листовидной формы с только еще намечающимся черешком имеет ряд аналогий. Близок ему нож, но с более коротким лезвием, из Восточного Казахстана, датированный С. С. Черниковым XVIII—XV вв. до н. э.¹²² По типологии Б. Г. Тихонова, нож можно отнести к концу III и началу II тыс. до н. э.¹²³

Менее близкие аналогии имеются также среди ранних срубных ножей из Покровского могильника¹²⁴. Близок, но менее архаичен по форме нож из комплекса «Близнецы»¹²⁵.

Серпу с очага поселения Черняки III достаточно убедительных аналогий нет. Отдаленное сходство с ним имеют три серпа из случайных находок в Зауралье¹²⁶. Они отличаются более вытянутыми пропорциями и менее правильной кривизной. Одна по-

¹²² С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, рис. 18, 11; стр. 95, 96.

¹²³ Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 72, табл. XXV, 32.

¹²⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 12, 4.

¹²⁵ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э., стр. 57.

¹²⁶ К. В. Сальников. Абашевская культура..., рис. 13; он же. Андроновские поселения Зауралья. СА, XX, 1954, рис. 30.

ловина их более выпрямлена, а конец почти не закруглен, крюка на конце нет. Возможно, эти серпы в какой-то степени одно-временны нашему. Являясь по форме разновидностью земледельческих орудий эпохи бронзы в Зауралье, но найденные вне культурного слоя, они не бесспорны в отношении культурной принадлежности¹²⁷. Что касается даты нашего серпа, то нахождение его в одном слое с ножом позволяет датировать серп рамками первого периода срубной культуры, чему не противоречит и керамический материал поселения.

Черняки III как однослойное алакульское поселение в Зауралье теперь не единственное. С полным основанием сюда следует отнести Нижне-Спасское поселение (раскоп I), нижний слой с алакульской посудой поселения Чернореченское I.

Поселение Черняки I. Большое, почти абсолютное, сходство керамического материала этого поселения и могильника Черняки II позволяет синхронизировать оба памятника и считать могильник принадлежащим поселению. На поселении значительно сильнее обнаруживается смешение разнокультурных черт, чем прослеженное в могильнике. Здесь больше фактов заимствования технологии: лощение алакульской керамики, примесь талька в федоровских черепках и другие черты, отмеченные нами раньше. Так же важны находки черепков с черкаскульской орнаментацией.

Таким образом, поселение и могильник фиксируют первоначальное и многостороннее смешение зауральского населения.

Поселение Черняки II. Публикация памятника¹²⁸ исключает необходимость останавливаться на нем подробно. Упомянем лишь то, что в заложенных здесь двух раскопах керамические комплексы были неодинаковыми. В первом раскопе обнаружена почти исключительно алакульская керамика. Единичные фрагменты других типов попали на это место, несомненно, позже. По стилю орнаментации, форме, технологии алакульский комплекс первого раскопа весьма близок могильнику Черняки I и поселению Черняки III.

В раскопе II, по содержавшемуся в нем материалу, более позднему, чем раскоп I, наряду с алакульской керамикой, иногда имеющей заимствованные черкаскульские черты, были собственно черкаскульская керамика (изредка с валиками и оттисками шнура) и андроновская (федоровская)¹²⁹. Для иллюстрации сказан-

¹²⁷ О. А. Кривцова-Гракова считает эти серпы андроновскими (см.: *О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье...*, стр. 62).

¹²⁸ *В. С. Стоколос. Поселение эпохи бронзы...*

¹²⁹ Там же, стр. 34, рис. 2.

ного приведем небольшую таблицу, из которой видно резкое отличие керамики первого и второго раскопов.

Фрагменты	I раскоп	II раскоп
Алакульские	196	233
Федоровские	7	34
Черкаскульские	1	111

Керамический комплекс со второго раскопа близок поселению Черняки I, хотя, по всей вероятности, не синхронен. На Черняках I редкие черкаскульские фрагменты лишены характерного позднего признака — валиков. Думается, что это не случайность, зависящая от небольшого количества материала, а объективный показатель хронологического интервала между поселениями Черняки I и поздним комплексом Черняки II. Но оба они возникают в рамках замараевского этапа, с той лишь разницей, что Черняки I (как и могильник Черняки II) мы относим к самому началу этого этапа.

К замараевскому этапу принадлежит и поселение Ачликуль с его валиковой посудой и горшками федоровского типа.

В заключение остановимся на поселении Чернореченское I. Его двухслойность представляется нам очевидной, но стратиграфически четко отделить нижний культурный слой от верхнего здесь нельзя. Ясно, что нижний слой включал только алакульскую керамику и один фрагмент от андроновского горшка. Но исключать ли целиком алакульскую керамику из состава верхнего слоя? Существование позднеалакульской керамики в верхнем слое вполне возможно по некоторым признакам. Некоторые черепки отсюда имеют позднюю, по нашему мнению, примесь раковины. Несколько обломков венчиков с крутым отгибом и высокими плечами (рис. 3, 17) — хорошо документированный поздний признак. К. Ф. Смирнов, останавливаясь на вопросе происхождения савроматской керамики, выделяет эти формы позднеандоновской посуды в разряд переходных¹³⁰. Но несомненно, однако, существование и каких-то других позднеалакульских форм. Поэтому четкое отделение раннеалакульской керамики из состава верхнего слоя затруднительно.

¹³⁰ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 117, рис. 61, Б.

Нижний слой алакульского времени возник, по-видимому, в конце этого периода, о чем можно предполагать по находке фрагмента венчика от андроновского (федоровского) сосуда.

4. Хронология алакульских памятников

Могильники Черняки I и Алакуль должны датироваться одним временем по сходству керамики, по отсутствию там и здесь поздних черкаскульских черт. Абсолютные даты могильников Алакульского (по дисковидному псалию) и Черняков I (по бронзовым ножам), как уже об этом говорилось, совпадают, охватывая третью четверть II тыс. до н. э.

Затем следуют Черняки II и Тасты-Бутак. Их датировка XIII—XII вв. до н. э. отражает начало постепенного сдвига лесных черкаскульских племен к югу. Следующий, Алексеевский могильник, на основе находок сосновомазинских косарей в культурном слое Алексеевского поселения, следовательно, не должен выходить за пределы XI в. до н. э.

Поселения Черняки I и III, имеющие керамический материал, очень близкий могильникам (соответственно) Черняки I и II, можно датировать аналогично могильникам. Но для Черняков III не исключена и более низкая дата. К этому нас склоняет не только архаической формы плоский медный нож, но и топографическое размещение памятника на высокой 6—7-метровой террасе. Все остальные известные нам поселения бронзового века Зауралья занимают невысокие, в пределах 2 м террасы. На 1,5-метровой террасе расположено поселение Черняки II, а зольники поселения Черняки I упираются в кромку берега и периодически заливаются рекой. Местоположение Черняков III, думается, следует объяснять климатическими причинами, влиявшими на уровень водоемов, а отсюда — на выбор места для поселения.

Палеогеографы, изучая напластования в торфяниках, чутко реагируя на климатические изменения, доказывают, что один из периодов повлажнения климата падает на конец III и, возможно, самое начало II тыс. до н. э.¹³¹ Думается, что выводы палеогеографов служат важным аргументом в пользу древнего возраста поселения Черняки III.

Поселение Черняки II выглядит значительно более поздним, нежели Черняки I, и поэтому должно датироваться примерно XII—XI вв. до н. э.

¹³¹ А. В. Шнитников. Приблизительные границы эпох повышенной и пониженной увлажненности торфяников. «Записки Географического общества СССР», т. 16. М., 1957, стр. 253.

Черкаскульские черты на алакульских памятниках и федоровские на тех и других появляются в одно время, в рамках XIII—XII вв. до н. э., и служат указателем относительно позднего возраста памятника, в комплексе которого они есть.

Проникновение андроновских (федоровских) черт проявляется первоначально на памятниках лесных районов (Новая III, XIII—XII вв.), но пока еще очень слабо. Даже на Кипели федоровской керамики не более 10%. В рамках этого периода, но, видимо, ближе к его верхнему рубежу, число ее возрастает на могильнике Черняки II и связанном с ним поселении Черняки I. Возникают Федоровский могильник и ряд других курганных могильников в районе г. Челябинска, частично исследованных Н. К. Минко¹³². Во время функционирования поселения Черняки II федоровская струя значительно ослабевает, зато усиливается черкаскульское влияние. Южнее, в курганах у с. Степного, несмотря на их поздний возраст, федоровские черты совсем отсутствуют, за исключением одного случая орнаментации сосуда¹³³ меандровыми фигурами, которые весьма условно можно связать с федоровской традицией. В поселениях у Спасского моста, у г. Мохнатой (верховья р. Урала)¹³⁴, на которых уже появляется керамика с валиками или утолщенным венчиком и близким к черкаскульскому орнаментом, федоровской керамики очень мало. В позднем жилище Нижне-Спасского поселения федоровской керамики 38%¹³⁵. В Алексеевском поселении, более или менее одновременном с Нижне-Спасском, федоровской керамики, судя по публикации, значительно меньше¹³⁶. Садчиковское поселение, синхронное Алексеевскому¹³⁷, федоровской керамики не содержит.

Эти факты являются, по всей вероятности, отражением общей тенденции (хотя и неравномерно проявляющейся) постепенного ослабления андроновского (федоровского) влияния в Зауралье. Южнее пироты, на которой расположены села Спасское и Алек-

¹³² Н. К. Минко. Отчеты об археологических раскопках в Челябинском уезде 1906—1909 гг. Фонды Челябинского музея.

¹³³ В. С. Стоколос. Курганы эпохи бронзы у с. Степного, рис. 4, 6.

¹³⁴ К. В. Сальников. Андроновские поселения Зауралья, стр. 220, рис. 22, 23.

¹³⁵ К. В. Сальников. Отчет о результатах раскопок Нижне-Спасского селища...

¹³⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 55, 1—5, 7 и др. Она, правда, федоровскую керамику не выделяет, хотя и отмечает наличие богато орнаментированных обычно мелкозубчатым штампом сосудов с лощеной поверхностью (стр. 144, 145). В орнамент их входят характерные «косые» треугольники, сложный меандр, бахрома из треугольников и пр., т. е. то, что считается федоровским орнаментом.

¹³⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, стр. 181.

сеевка, андроновские (федоровские) материалы хотя и неизвестны, но влияние андроновцев, судя по кожумбердынской керамике, ощущается и здесь.

5. Вопросы культурной принадлежности

Чистых федоровских памятников в Зауралье неизвестно и федоровская (андроновская) керамика, как правило, встречается здесь в виде небольшой примеси на памятниках другого типа. Судя по этому, андроновское (федоровское) население не было в Зауралье коренным и многочисленным, не играло той существенной роли в его истории, которая ему отводится в настоящее время. Ни один из этапов бронзового века здесь не может называться федоровским, так как здесь нет однослойных федоровских памятников. Термин «андроновская культура» должен касаться памятников федоровских и им близких. Даже в хронологическом смысле употребление термина «андроновская эпоха», как предлагает М. Ф. Косарев¹³⁸, едва ли возможно, во всяком случае для Зауралья.

После того, как мы попытались осветить вопросы периодизации и хронологии, вопрос о преемственности алакульских и федоровских памятников приобрел достаточную определенность. Преемственности не было. Алакульские и федоровские племена имели свои особые истоки происхождения и резко отличные черты материальной культуры.

В Зауралье в эпоху бронзы намечаются два периода (алакульский и замараевский), соответствующие по времени первому и второму периодам срубной культуры.

После всего сказанного необходимо дать характеристику обоим этапам. Ранний этап в жизни алакульских племен представлен могильниками Алакуль, Черняки I. Известны и поселения: Черняки III, Черняки II (первый раскоп), Чернореченское I (нижний слой), Нижне-Спасское (I раскоп). Известны и другие алакульские памятники на соседних территориях. Черты материальной культуры алакульского этапа подробно описаны К. В. Сальниковым. На них мы также останавливались выше.

Что же характерно для позднего, замараевского этапа в жизни алакульских племен? Его началом послужил усиленный прилив в Зауралье инокультурного населения: срубного, абашевского, андроновского. Появляются срубно-алакульские, алакульско-абашевские, абашево-алакульские и прочие варианты смешения черт

¹³⁸ М. Ф. Косарев. Указ. соч., стр. 244.

культур, фиксируемые постоянно на памятниках этого времени. Наряду с обычными сосудами появляются вытянутые формы с резко отогнутым венчиком, высокими плечами (рис 3, 6, 15, 17), обедняется орнамент, возникают воротничковые утолщения венчиков. Заметны изменения и в металле. На смену ножам с намечающимся перекрестием появляются ножи с упором (рис. 6, 2). Постепенно все более широтной становится ориентировка могил и погребенных.

Поздние чисто алакульские поселения неизвестны. Но поздняя алакульская керамика есть повсюду на поздних поселениях со смешанным культурным слоем: Алексеевском, Садчиковском, Нижне-Спасском и многих других. Поздние могильники единичны: Тасты-Бутак, Алексеевский. Могильник Черняки II мы считаем переходным от раннего к позднему этапу.

Приведенная характеристика этапов, особенно позднего, далека от полноты. Мы для этого не располагаем достаточной источниковедческой базой. Интенсивные поиски и исследования как ранних, так и финальных алакульских памятников, восполнили бы существующий пробел. Памятники алакульского периода известны на огромной территории, но размещение их носит неравномерный характер, видимо, вследствие степени изученности различных районов.

Помимо зауральских территорий алакульские памятники открыты и изучены в Западном и Центральном¹³⁹ Казахстане (рис. 17). Из целого ряда в различной степени исследованных памятников (могильников) этого района мы выделим четыре: Былкылдак I и II, Шерубай-Нура, Аксу-Аюлы, как наиболее «чистые» в культурном отношении. Погребения (только трупоположения) совершены здесь в каменных ящиках в сопровождении алакульской посуды. Казахские археологи названные памятники (наряду с другими) относят к атасускому этапу эпохи бронзы Центрального Казахстана, который в общих чертах синхронен и близок по культуре алакульскому этапу Зауралья¹⁴⁰.

Памятники алакульского типа на всей этой территории имели локальные отличия. В Оренбуржье и на большей части Казахстана в орнаментации посуды редки узоры из проташенной гребенки, преобладает резная техника нанесения орнамента. В Зауралье, напротив, проташенная гребенка использовалась чрезвычайно широко. Для большей части погребений Казахстана характерны каменные ящики, совершенно отсутствующие в Зауралье.

¹³⁹ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 104—125.

¹⁴⁰ Там же, стр. 63.

Здесь также единичны случаи каменных оградок (с. Степное) вокруг алакульских могил.

Пределы огромной территории, выделяемой в результате картографирования «чистых» (но не всегда абсолютно синхронных) алакульских памятников, относимых к первому периоду существования этой культуры, несомненно, будут уточнены. Западная граница уже теперь достаточно ясна. По наблюдениям ряда исследователей, она проходила в полосе течения р. Урал. Могильники Новобелогорский, Увакский, курганные группы у с. Степного (рис. 17) имеют смешанный, срубно-алакульский характер с преобладанием тех или иных черт. Их культурная принадлежность, вполне возможно, будет интерпретирована по-разному. Но несомненная близость алакульского и срубного населения, проявляющаяся в гончарстве и погребальном обряде, особенно в пограничной полосе, позволила нам включить поименованные памятники в ареал алакульских. Существенно и то, что некоторые из них довольно уверенно датируются ранним временем и позволяют отрицать здесь «ранний» федоровский этап.

На востоке смешанные федоровско-алакульские могильники: Карасай, Канаттас, Сангру (Сангуыр) II, Боровое, Биырек-коль¹⁴¹, Петропавловский, расположенные меридиально по линии Караганда—Петропавловск, свидетельствуют лишь о степени нашей информации относительно восточных пределов памятников алакульского типа. Доказательств о дате названных памятников у нас нет. Следовательно, определение восточной границы зависит от поздней или ранней датировки могильников смешанного типа. В первом случае мы вправе предполагать типичные ала-

¹⁴¹ Могильник Сангру (Сангуыр) II, имеющий смешанный обряд захоронения и смешанную керамику, первоначально был отнесен к позднефедоровскому, раннеалакульскому времени (М. К. Кадырбаев, Могильник Сангуыр II. «Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана», т. 12. Алма-Ата 1959, стр. 103), в последнее время — к позднеурунскому (синхронен федоровскому этапу), раннеатасускому (синхронен алакульскому этапу). См.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 104. На основе смешения обряда и керамики могильник Биырек-коль отнесен А. М. Оразбаевым к переходному от федоровского к алакульскому времени (А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 247). Могильники Канаттас и Карасай отнесены нами к смешанным алакульско-федоровским памятникам на основе разнообразности в погребениях и разнотипности керамики. Казахстанские археологи относят Канаттас к нурынскому (т. е. федоровскому), а Карасай — к атасускому (т. е. алакульскому) этапам. См.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 62, 279, табл. I, 4—6; LVIII, 10, 11.

Периодизация памятников эпохи бронзы Центрального (и других районов) Казахстана, построенная с ориентацией на зауральскую периодизацию К. В. Сальникова, несомненно, должна быть пересмотрена.

кульские памятники еще дальше к востоку, во втором — граница останется по намеченной линии Караганда—Петропавловск, во всяком случае в районе г. Караганды, где алакульские и смешанные памятники соседствуют. Здесь же наблюдается отчетливое изменение черт материальной культуры. Вначале (могильники Былылдак I и II, Аксу-Аюлы, Шерубай-Нура) отмечаются керамика алакульского типа, трупоположение в каменных ящиках, затем происходил приток нового населения (могильники Карасай, Канаттас)¹⁴² и появление неизвестных до этого черт в гончарстве: сложная орнаментация, мелкозубчатый штамп, преобладающая горшечная форма, а в погребальном обряде: сожжение, каменная обкладка могил — циста. Еще далее к востоку, в междуречье рек Оби и Енисея, известны памятники, относимые к классической андроновской культуре.

Взаимодействие срубного и алакульского населения началось довольно рано. Оно зафиксировано на памятниках в челябинской лесостепи и гораздо сильнее проявляется южнее, в пограничной полосе оренбургских степей. Позднее растет не только зона влияния, но и расширяются границы расселения срубных племен далее к востоку и северу. В пределах Зауралья, где, как известно, обитали только алакульские племена (раннее жилище Нижне-Спасского поселения, нижний слой поселения Чернореченское I), появляются поздние поселения в основном с позднесрубной керамикой: верхний слой поселения Чернореченское I, позднее жилище Нижне-Спасского поселения, поселение у Спасского моста. Другие типы керамики на этих поселениях наличествуют, но в небольшом, как правило, количестве.

Сдвиг черкаскульского населения к югу привел к сильному смешению черт материальной культуры черкаскульского и срубного населения, что нашло отражение в гончарстве. Керамику этого времени с таких поселений, как Алексеевка или Нижне-Спасское (поздний слой), порой трудно разделить на черкаскульскую и позднесрубную. Взаимные аналогии позднесрубной и замараевской (черкаскульской) посуды многочисленны и отмечены в разное время рядом исследователей. Но все же есть и отличия. Например, в коллекциях пяти рассмотренных в настоящей работе черкаскульских поселений встретился всего один раз сосуд с налешным валиком (Новая III), обычный для позднесрубной посуды. На черкаскульских горшках нет валиков и со свисающими концами.

¹⁴² А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 82—86, 116, 117.

Значительная часть алакульского населения Зауралья и Приуралья подвергалась сильной ассимиляции со стороны черкасульцев и со стороны срубников, но тем не менее окончательно не растворялась в чужой среде. Наиболее поздние памятники (Алексеевский комплекс) свидетельствуют о еще большей стойкости традиции их материальной культуры.

При настоящем уровне наших знаний трудно что-либо сказать о раннем периоде основных групп зауральского населения в эпоху бронзы. Нет ранних черкасульских памятников. Можно лишь предположить, вслед за К. В. Сальниковым, что их поиски должны быть сосредоточены в лесных районах Урала и Зауралья, т. е. там, где известны поздние памятники этого типа.

Некоторой отрывочной информацией мы располагаем по истории алакульского населения. Выше отмечалась важная, по нашему мнению, их этнографическая черта, имеющая только уральские истоки, — это предпочтение тальковой примеси в глине сосудов перед всеми другими искусственными обезжиривающими добавками. Наблюдение не ново. А. А. Формозов уже сравнивал предандроновскую тальковую керамику Кысы-Куля и других стоянок с территории Казахстана с андроновской тальковой керамикой¹⁴³. Однако в плане периодизации К. В. Сальникова это наблюдение теряет значение, так как в «ранней» федоровской керамике, за редким исключением, талька нет.

Некоторая преемственность в орнаменте видна в применении треугольников, зарождающихся на кысыкульской посуде (рис. 2, 18). Сравнительно недавно выделенная К. В. Сальниковым¹⁴⁴ керамика раннебронзового века (бабарыкинский тип) также ближе, как уже отмечалось выше, по форме и орнаментации к алакульской посуде. Самый распространенный алакульский элемент — прямые и ломаные полосы протраченной гребенки — имеет только зауральские корни. Немало памятников с керамикой, орнаментированной волнообразными полосами и струйками, выполненными гребенчатым инструментом, перечисляет П. А. Дмитриев, относя их к шигирской культуре¹⁴⁵. В. М. Раушенбах включает эти же памятники в круг горбуновской культуры на ее раннем и среднем этапах¹⁴⁶. Андроновские черты (именно алакульские: рез-

¹⁴³ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 11, 13.

¹⁴⁴ К. В. Сальников. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья, стр. 3—10, рис. 1, 2.

¹⁴⁵ П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21, 1951, стр. 73.

¹⁴⁶ В. М. Раушенбах. Указ. соч., стр. 18—25, 28.

ные треугольники, прямые и волнистые полосы проташенной гребенки.— В. С.) отмечает О. Н. Бадер на неолитической стоянке Полуденка¹⁴⁷. Им же отмечены находки тальковой зауральской керамики на поселениях Прикамья, датирующихся началом II тыс. до н. э.¹⁴⁸, с орнаментом, приближающимся к алакульскому. Волнистые и прямые полосы проташенной гребенки есть на посуде с Андреевского озера в Нижнем Приобье¹⁴⁹. Близки неолитической традиции¹⁵⁰ изображения водоплавающих птиц на посуде из кургана 34 могильника Черняки I. Существенна находка на однослойном поселении Черняки III орудия, видимо со сверлящей функцией, изготовленного из горного хрусталя. Кроме того, найдены отщеп и целая призма хрусталя. Аналогичные отщепы и подобные орудия из горного хрусталя известны только на озерных и приречных неолитических стоянках Зауралья¹⁵¹.

В этой связи стоит упомянуть также и о немногих добронзовых погребениях, открытых в разное время на Южном Урале и в Зауралье. Их сводное описание и анализ приводятся в работе К. В. Сальникова¹⁵². Из известных сейчас более чем десяти погребений, совершенных по способу труположения, и одного с неполным сожжением, ни одно не сопоставляется с каким-либо типом погребений, практиковавшимся на Южном Урале в эпоху бронзы. Привлекает внимание здесь лишь одно — господство погребального ритуала без кремации покойника, однако сопоставлять его с алакульским типом погребения эпохи бронзы нет оснований. Интересно антропологическое определение черепа одного из этих погребений (в Бурановской пещере) как типично андроновского, по мнению Е. В. Жирова¹⁵³. В таком случае он сопоставим с андроновскими (алакульскими) черепами Алексеевского и Алакульского могильников. Однако другой исследова-

¹⁴⁷ О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, вып. XVI, 1947, рис. 51, стр. 145.

¹⁴⁸ О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1961, стр. 187, 188, рис. 13, 15.

¹⁴⁹ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, стр. 28, табл. IX.

¹⁵⁰ Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, рис. 18, 1; К. В. Сальников. К вопросу о неолите степного Зауралья. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 22, 23, рис. 1.

¹⁵¹ Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка, стр. 55; О. Н. Бадер. Новый тип неолитического поселения на Урале. СЭ, 1949, № 2, стр. 146.

Благодарю Г. Н. Матюшина за сообщение и ознакомление с интересующим материалом.

¹⁵² К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. АЭБ, т. I, Уфа, 1962, стр. 36—40.

¹⁵³ С. Н. Вибиков. Неолит и энеолит в пещерах Урала. СА, XIII, 1950, стр. 113—117.

тель — Г. Ф. Дебеч — более осторожен в интерпретации бурановского черепа как андроновского ¹⁵⁴.

Из серии бронзовых погребений известно одно с другим обрядом — неполным сожжением скелета. Оно открыто С. Н. Бибиковым в Усть-Катавской II пещере ¹⁵⁵. Но действительно ли оно неолитического времени? Как сообщает С. Н. Бибиков, кости скелета были сложены в округлое углубление и прикрыты камнями, сильно прокаленными от горевшего на них костра. Между камнями и под ними находились украшения из кости, в том числе каменные подвески, аналогичные по форме изделиям из могил в Бурановской пещере и навесе Старичный Гребень, но первые меньше размерами. Против ожидания (это отмечает С. Н. Бибиков) украшения оказались почти не тронутыми огнем. Ближе к поверхности, под камнями, лежали в беспорядке не обожженные кости взрослого скелета, как считает С. Н. Бибиков, случайно оказавшегося здесь.

Эти факты можно истолковать и несколько по-иному: сначала было трупоположение с украшениями, затем вторичное погребение ребенка. Его сожжение, наверняка, происходило на стороне. Поэтому не пострадали и украшения (камни к моменту окончания захоронения достаточно остыли), случайно попавшие в засыпку второго погребения из разрытого более раннего. Сомнительно, чтобы украшения принадлежали детскому погребению, так как лежали они в беспорядке, а какого-либо нарушения детского погребения замечено не было.

Ясности не появится и в случае признания этого погребения неолитическим. В бронзовом веке в Зауралье было два типа погребений с сильно выраженным культом огня — это федоровский и черкаскульский. Какому из них отдать предпочтение при попытке их вертикальной привязки — пока неясно ¹⁵⁶.

Перечисленные нами выше архаичные черты в алакульских комплексах и сведения о бронзовых погребениях, конечно, еще не тот материал, на котором можно рассматривать проблему вертикальной привязки алакульских памятников. Необходимы комплексы, поселения и могильники переходного времени между ранними алакульскими памятниками и энеолитом и неолитом. Необходим массовый материал.

¹⁵⁴ Г. Ф. Дебеч. К палеоантропологии Урала. КСИЭ, вып. XVIII, 1953, стр. 67.

¹⁵⁵ С. Н. Бибиков. Неолит и энеолит в пещерах Урала, стр. 113—117.

¹⁵⁶ О бронзовых погребениях, сожжениях и трупоположениях в Казахстане сообщает отрывочные сведения А. А. Формозов (см.: А. А. Формозов. Доандроновские погребения в Казахстане. КСИИМК, вып. 63, 1956). В них иногда присутствуют каменные вещи без керамики.

В настоящее время Зауралье с прилегающими южными и восточными районами представляется нам основной территорией формирования алакульского населения. Э. А. Федорова-Давыдова, касаясь вопроса происхождения «алакульского варианта андроновской культуры», предполагает, что этот процесс проходил где-то на территории Южного Приуралья и Западного Казахстана, после чего, уже в середине II тыс. до н. э., отдельные группы алакульских племен проникли в лесостепное Зауралье¹⁵⁷.

А что может свидетельствовать в пользу этого переселения? Алакульские комплексы в Зауралье с еще полтавкинскими чертами? Но их здесь нет. Что касается известных нам алакульских памятников, то, как уже сказано, выводить их со стороны нет никакой необходимости и возможности. Эти памятники сложились, судя по всему, на местной зауральской основе.

На огромной территории, от Зауралья и Приуралья до Центрального Казахстана, занятой алакульскими памятниками, трудно представить однообразие в материальной культуре. Судить о том, как проходило формирование памятников этого типа, дело будущих исследований. Но уже известные нам алакульские памятники имеют в деталях свои местные отличия. Поэтому возможно, что особенности алакульской керамики в Оренбуржье как раз связаны с местными условиями формирования алакульского населения. И в этом отношении, по-видимому, справедливо предположение Э. А. Федоровой-Давыдовой относительно района сложения алакульского варианта андроновской культуры в пределах Приуралья и Западного Казахстана. Независимо от К. В. Сальникова, выделившего два варианта алакуля — северный (с федоровской подосновой) и южный (с полтавкинской подосновой)¹⁵⁸, — мы считаем, что таких вариантов будет несколько¹⁵⁹. Но ни один из них, вероятно, не будет иметь основы в виде федоровского этапа.

Алакульское, черкаскульское и андроновское (федоровское) население имело свою своеобразную материальную культуру, суждение о которой мы строим в основном на данных о гончарстве. Принципиально различался и погребальный обряд, этот важнейший этнографический признак¹⁶⁰, устойчивость которого означала, вероятно, наряду с другими чертами, сохранение традиций и единства древнего населения.

¹⁵⁷ Э. А. Федорова-Давыдова. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы..., стр. 92.

¹⁵⁸ К. В. Сальникова. Очерки древней истории..., стр. 300.

¹⁵⁹ В. С. Стоколос. Локальные варианты алакульской культуры. «Тезисы научной сессии по этногенезу башкир». Уфа, 1969, стр. 71—73.

¹⁶⁰ Н. Я. Мерперт. Абашевские курганы Северной Чувашии, стр. 124.

Смешивание отдельных черт обряда происходило в зависимости от места и времени по-своему, с учетом местных особенностей. В верховьях р. Урала, т. е. в зоне усиливавшихся контактов алакульского и срубного населения, этот процесс представляется протекавшим активно с обеих сторон. В чертах, связанных с погребальным ритуалом, он более заметен, нежели в керамике. В погребении 10 кургана 2, I курганный группы у с. Спасского совершенно захоронение умершего в положении грудью вниз (срубный обычай), но с типично алакульской посудой. В погребении 11 (курган 1) мясная пища положена не с краю ямы, как полагалось по алакульскому обычаю¹⁶¹, а на дне могилы. Намного чаще, чем это было принято у алакульцев, в этой курганной группе существует северная ориентировка, обычная для срубников. На несколько более поздней, III курганной группе у с. Спасского, судя по ориентировке погребенных и орнаментации посуды, срубные черты резко усиливаются.

Весьма неустойчивы обряд и ориентировка погребений I курганной группы у с. Степного. Следы костров в алакульских погребениях, гибридные абашево-алакульские сосуды отражают сильное смешение живых носителей традиционных обычаев.

Поздние срубные погребения у с. Чернореченского, оказавшиеся на территории, издавна занятой алакульскими племенами, сохраняют больше своих характерных черт, чем можно было ожидать. Лишь некоторые детали — западная ориентировка могилы в одном случае, талыковая примесь в глине горшков — указывают на контакт срубников с местным населением.

Подобных фактов немало. О них мы говорили выше во время разбора материалов о каждом памятнике. Все они свидетельствуют о постепенном и неравномерном процессе смешивания групп зауральского населения с пришлым, скрещении различных культурных и этнических элементов — местных и привнесенных.

Но, как показывают факты, полной нивелировки в чертах материальной культуры не произошло. Значительно позже, уже в иную эпоху — ранних кочевников — некоторые этнографические черты населения эпохи бронзы все еще продолжают сохраняться и даже иногда довольно широко. Частичное и полное сожжение погребенных в савроматских курганах¹⁶² есть сохранение андроновского (федоровского) обряда, а может быть в какой-то степени и черкаскульского.

¹⁶¹ Алакульский обычай сопровождать умершего мясной пищей соблюдался далеко не всегда, особенно в детских погребениях.

¹⁶² К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 187; он же. Быковские курганы, стр. 246; В. С. Стоколос. Археологические исследования Челябинского музея. ВАН, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 21—26.

Очень существенно в этой связи наблюдение К. Ф. Смирнова о том, что культ огня особенно характерен для южноуральских савроматов¹⁶³, который мог быть унаследован в видоизмененной форме как от андроновских (федоровских), так и от черкаскульских племен. Те и другие имели, по нашему мнению, сходный обряд погребения. Кстати, К. Ф. Смирнов упоминает о погребениях с сожжением переходного периода, сопровождавшихся керамикой замараевского типа¹⁶⁴.

К. В. Сальников также обращал внимание на огневой культ в погребальном обряде у савроматов, считая его отголоском федоровских трупосожжений¹⁶⁵. Но одновременно отрицая возможность переживания черт ранних этапов андроновской культуры в более поздних¹⁶⁶, он тем самым отрицает и первоначальное наблюдение.

Важны некоторые конструктивные особенности ряда могил эпохи бронзы Зауралья. Это заплечики. В наших памятниках они встречаются в федоровских погребениях (могильник Черняки II) и, несомненно, принесены андроновским населением, по-видимому, с территории Казахстана, где одно- и двухступенчатые заплечики очень часты¹⁶⁷. Одностороннее заплечико имелось в могиле кургана 38 Федоровского могильника¹⁶⁸, по-видимому, частично срытое во время раскопок.

Единичны примеры существования заплечиков в погребениях памятников иного рода. Заплечики на трех стенках имелись в могиле из III курганной группы алакульско-срубного облика у с. Спасского, возникшей относительно поздно. Односторонний уступ-заплечико вдоль длинной стенки могилы известно в позднесрубном кургане 3 из курганной группы у с. Чернореченского.

В «чистых» алакульских могильниках (Алакуль, Черняки I) и в целом в погребениях этого рода заплечики неизвестны. Одно- и двухсторонние заплечики продолжают существовать гораздо позднее в могилах прохоровской культуры Приуралья и Поволжья¹⁶⁹, в раннекочевнических погребениях Казахстана¹⁷⁰. Нако-

¹⁶³ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 187.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ К. В. Сальников. Очерки древней истории..., стр. 351.

¹⁶⁶ Там же, стр. 290.

¹⁶⁷ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. соч., рис. 20, 22, 25, 39, 45 и др., стр. 85—120.

¹⁶⁸ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник..., рис. 1.

¹⁶⁹ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, стр. 259; *он же*. Савроматы, стр. 81.

¹⁷⁰ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 320, рис. 12; Е. И. Агеева. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 12. Алма-Ата, 1961, стр. 24.

нец, заплечики в могилах сохраняются в раннеболгарских некрополях¹⁷¹.

Заслуживает внимания устройство погребения 6 (раскоп II, могильник Черняки II), в котором по углам ямы лежали по одному или по два плоских камня, выполнявших, вероятно, роль опоры бревенчатого сруба, остатки которого прослежены. Валуну по углам погребальной камеры известны в одном из погребений (№ 7) Томского могильника, относимого М. Н. Комаровой к большереченской культуре VII—VI вв. до н. э.¹⁷² В первом и втором случае обряд погребения одинаков — трупосожжение.

При раскопках на Черняках под насыпью трех курганов прослежены кольцевые узкие траншейки с отвесными стенками, представляющие остатки каких-то оград, по всей вероятности деревянных, вокруг одной или нескольких могил. Подобные сооружения, но из камня, каменные кольца, хорошо известны на многих курганах эпохи бронзы. Особенность черняковских оградок не в случайном предпочтении одного материала другому: дерево и камень уральскому населению были одинаково доступны. Скорей всего, что у людей, оставивших черняковские курганы, дерево было традиционным материалом. Каменная кладка в нашем районе появляется позднее, с приходом андроновского (федоровского) населения: циста в погребениях Федоровского могильника, каменные плитки на Черняках II.

О внешнем виде черняковских оградок можно сказать лишь то, что они, видимо, напоминали частоколы, характерные для абашевских курганов¹⁷³, но сооружались из бревен, поставленных в узкую и достаточно глубокую траншею. Разрез траншеи показывает, что бревна могли стоять только вертикально. Небольшой диаметр кольца в кургане 27 могильника Черняки I, видимо, позволял делать добавочное, горизонтальное перекрытие, что в целом выглядело как наземное жилище мертвых. В принципе в этом нет ничего нового. Но само сооружение наземных деревянных конструкций над могилами, впервые прослеженное в таком виде в зауральских курганах эпохи бронзы, наталкивает на сравнения с подобными сооружениями более позднего времени у савроматов¹⁷⁴. Конечно, полного сходства здесь нет и едва ли оно возможно вследствие большого хронологического интервала. Но

¹⁷¹ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 74, 132.

¹⁷² М. Н. Комарова. Томский могильник, стр. 30.

¹⁷³ Н. Я. Мерперт. Абашевские курганы Северной Чувашии, стр. 144.

¹⁷⁴ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 85—87.

сама идея сооружать именно деревянные конструкции над могилами совпадает. Подобно савроматским, черняковские погребения содержали знатных покойников, что видно хотя бы по тому (курган 27, могильник Черняки I), что подавляющее большинство захоронений совершено за пределами кольцевой траншейки.

На могильниках Черняки I (курган 9, погребения 5, 7; курган 27, погребение 13; курган 16, погребение 6; курган 33, погребение 11) и Черняки II (курган 5) насчитывается шесть погребений, у которых к погребальным камерам примыкают врезанные в материк наклонные ходы, иногда по два с противоположных концов ямы. В эту группу, вероятно, следует дополнительно включить и два погребения (2 и 3) с раскопа IIа могильника Черняки II, находившихся на дне длинного корытообразного углубления. Во всех случаях (кроме погребения 7, курган 6) ходы в ямы обрываются уступом. Всегда эти погребения намного крупнее остальных. Они также все разграблены, что почти не наблюдается в соседних погребениях. Иногда этого рода погребения сочетаются с кольцевыми траншейками. Аналогии нашим погребениям с наклонными ходами мы находим опять-таки у савроматов, практиковавших зачастую устройство катакомб или ям с перекрытием, к которым вел наклонный дромос¹⁷⁵. Предположение К. Ф. Смирнова о приуральском происхождении таких устройств, думается, надо расширить включением территории челябинской лесостепи, где, правда, в савроматское время они (могилы и катакомбы с дромосами) неизвестны¹⁷⁶, возможно вследствие недостаточной изученности района.

Господствующая широтная ориентировка¹⁷⁷ погребений у зауральских савроматов также указывает на сохранение именно алакульской черты обряда на позднем этапе его существования (сравним: 10% с западной ориентировкой на Алакуле, 66,8% — на Черняках II и 75,5% — на Тасты-Бутаке. См. гл. III).

Формирование раннекочевнических племен происходило на базе нескольких культур эпохи бронзы и различных этнических группировок¹⁷⁸, в том числе и не в последнюю очередь заселявших территорию Южного Зауралья.

¹⁷⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 84.

¹⁷⁶ Там же, стр. 85.

¹⁷⁷ Там же, стр. 187; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 247, 250; И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 155.

¹⁷⁸ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 188; он же. Быковские курганы, стр. 252; И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 154.

Заключение

Все изложенное позволяет прийти к выводу о существовании в эпоху бронзы двух основных групп зауральского населения — алакульского и черкаскульского. Андроновское (федоровское) население появляется здесь довольно поздно и в небольшом количестве: побольше в северных районах и эпизодически в южных районах Зауралья. Вследствие этого на севере мы знаем типично федоровские комплексы, а в южных степях Приуралья дело ограничивалось лишь незначительным влиянием. Кожумбердынская керамика, по всей видимости, результат этого федоровского воздействия, а не особый этап в жизни племен бронзового века Южного Зауралья. Своеобразие керамики и погребального обряда отражает самобытность всех трех групп населения. Поэтому возникает необходимость выделения зауральских культур — черкаскульской (вслед за Сальниковым) и алакульской — в отличие от андроновской (федоровской).

Следовательно, этническое единство андроновской культуры, как оно представлялось до последнего времени, не подтверждается, а оспаривается нашими наблюдениями в двух важнейших сторонах, характеризующих археологическую культуру, — гончарстве и погребальном обряде. Неоднородный этнический состав носителей «андоновской культуры» устанавливается также на основе антропологических материалов¹⁷⁹ — алакульского типа могильник (Тасты-Бутак) оставлен неандоновским по антропологическому складу населением.

¹⁷⁹ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы (захоронения могильника Тасты-Бутак I в Актюбинской области). МИА, № 120, 1962, стр. 186—198.

Если говорить о сходстве, то две из таких групп населения — черкакульская (местная) и федоровская (пришлая) — обнаруживают его в одной из важнейших этнографических черт — погребальном обряде. Там и здесь важное место занимал огневой культ, хотя он и имел, по-видимому, отличия. Нередко совпадает форма посуды, в отдельных случаях и орнаментация.

Характер алакульского погребального обряда весьма далек от федоровского и черкакульского и во многом сходен со срубным: группоположение, скорченность, почти полное отсутствие огневого культа. Элементы сходства есть и в форме и орнаментации керамики. Их связь и отмечаемая рядом исследователей общая судьба фиксируется с середины II тыс. до н. э., задолго до знакомства с черкакульцами и андроновцами (федоровцами). Усиление срубно-алакульских контактов приходится на второй период срубной культуры. Далеко в Зауралье (поселения и курганы у сел Чернореченского, Спасского) появляются целые срубные комплексы, носящие, однако, некоторые алакульские черты. В это время, надо полагать, алакульское население в относительно более южных районах Зауралья подверглось сильной ассимиляции со стороны срубников.

Хотя ранние срубно-алакульские связи всего лишь фиксируются в культурных комплексах срубных памятников (при отсутствии особых алакульских ранних памятников), все же тот материал, которым мы располагаем, содержит reminiscences, уводящие нас к неолиту лесного Урала и Приобья. Существовавшее мнение о том, что андроновцы в Зауралье являются пришлыми, должно быть отнесено исключительно к федоровскому населению.

Не связывая прямо происхождение зауральских алакульских племен с местной неолитической средой, для чего доказательств явно недостаточно, нельзя указать и другого района, откуда их можно было бы вывести. Неолит и энеолит сопредельных территорий не дают и того минимума информации на этот счет, которой мы располагаем о лесных и лесостепных районах Зауралья. Нельзя в целом распространение алакульских памятников по всей огромной территории связывать с одним центром. Таких районов формирования алакульских племен было несколько.

Становится все более очевидной необходимость, во всяком случае для Зауралья, отмены термина «андроновская культура», что мешает пониманию действительной обстановки здесь в эпоху бронзы и решению самостоятельных проблем происхождения черкакульского и алакульского населения.

Пределы территорий, заселенных в древности зауральским на-

селением, с достаточной ясностью еще не вырисовываются. Раннеалакульские племена расселялись до р. Исети, возможно, и далее, — на севере, по оренбургским степям, Западному и части Центрального Казахстана (рис. 17) — на юге и юго-востоке. В Северном Казахстане историческая обстановка в этот период остается неясной. Здесь известны только относительно поздние памятники (могильники Боровое, Биырек-коль и, видимо, Петропавловский) смешанного алакульско-федоровского типа.

Раннеалакульские памятники (вследствие ограниченности наших знаний о них) не располагаются регулярно по всей выделяемой территории, а группируются отдельными гнездами: челябинские и оренбургские степи, Центральный Казахстан (район г. Караганды). Андроновские (федоровские) могильники и поселения, на которых как будто нет следов посторонних влияний, сосредоточиваются в междуречье рек Оби и Енисея. Позднеалакульские памятники, за исключением двух могильников (Тасты-Бутак, Алексеевский), нам неизвестны.

Территория черкасульских племен совпадает главным образом с лесными районами Зауралья и отчасти лесостепными (рис. 17). Нет оснований в настоящее время относить к черкасульским поздние памятники степных и лесостепных районов Северного Казахстана. Их сходство носит исторический характер, так же как оно наблюдается у черкасульских памятников, с одной стороны, и у позднесрубных, поздних сибирских (еловские комплексы), поздних комплексов приказанской культуры, предананьинских комплексов Прикамья — с другой.

Приложение

Могильник Черняки I

Курган 1 (рис. 39), диаметр 12 м, высота не устанавливается из-за раскопки насыпи Н. К. Минко еще в дореволюционный период методом «колодца». В результате была срыта центральная часть кургана; образовавшаяся яма (около 3 м в диаметре) попала на центральное погребение, разрушив его. Из 22—23 грунтовых погребений, обнаруженных здесь, подавляющее число их сосредоточено было к западу от бровки, образуя подковообразную цепочку вокруг центрального погребения. Большинству из них придана ориентировка, соответствующая кривизне дуги. Лишь в трех могилах обнаружены незначительные остатки человеческих костяков, сохранившиеся благодаря соседству металлических предметов. Остальные могилы содержат только глиняную посуду, но и в них, надо полагать, совершалось захоронение умерших, без остатка истлевших к настоящему времени.

Погребение 1 (70×45 см, глуб. 45 см¹) ориентировано ЮВ-СЗ. В нем стоял один сосуд. В сосуде и главным образом рядом с ним находились древесные угольки.

Погребение 2 (75×40 см, глуб. 35 см) ориентировано ЮЗ-СВ. Горшок стоял в ЮЗ углу.

Погребение 3 (65×45 см, глуб. 50 см) ориентировано СВ-ЮЗ. Горшок, аналогичный рис. 9, 6, стоял посередине у восточной стенки.

Погребение 4 (70×40 см, глуб. 44 см) ориентировано Ю-С с небольшим отклонением к востоку. В северо-западном углу стоял сосуд.

Погребение 5 (67×42 см, глуб. 40 см) ориентировано СВВ-ЮЗЗ. В юго-восточном углу стоял горшок.

Погребение 6 (75×40 см, глуб. 38 см) ориентировано СЗС-ЮЗЮ. У северной стенки находился небольшой сосуд.

Погребение 7 (65×40 см, глуб. 45 см) ориентировано СВС ЮЗЮ. У северной стенки находился сосуд с нагаром внутри (рис. 8, 3).

Погребение 8 (60×40 см, глуб. 34 см) ориентировано З-В. Сосуд с нагаром внутри стоял у западной стенки.

¹ В тексте здесь и далее везде глубины даются с учетом слоя погребенной почвы.

Погребение 9 (100 × 85 см, глуб. 45 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. У западной стенки находились два сосуда, аналогичных по форме и орнаменту (рис. 9, 6).

Погребение 10 (90 × 67 см, глуб. 40 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Здесь близ сосуда найден обломок локтевой или лучевой кости. Следовательно, корпус погребенного находился у юго-западной стенки головой к северо-западу. В области спины было несколько древесных угольков. Сосуд по орнаменту близок рис. 8, 5.

Погребение 11 (92 × 55 см, глуб. 48 см) ориентировано СЗС-ЮВЮ. В нем сохранился кусок сгнившего бревна от сруба. Сосуд стоял у северной стенки. Орнаментирован так же, как и рис. 9, 2.

Погребение 12 (75 × 50 см, глуб. 42 см) ориентировано С-Ю. В засыпке ямы лежал камень. Никаких вещей не было.

Погребение 13 (102 × 73 см, глуб. 46 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. Сосуд лежал на боку у северо-западной стенки и был присыпан выкидом из ямы, внутри есть нагар.

Погребение 14 (50 × 35 см, глуб. 23 см) ориентировано З-В. Сосуд стоял у западной стенки.

Погребение 15 (132 × 105 см, глуб. 40 см) ориентировано З-В. Два сосуда стояли вдоль северной стенки. Один из них не орнаментирован. Обнаружены остатки локтевой кости вместе с бронзовым браслетом на ней, бляшка, бусы, украшавшие одежду и обувь. Бесспорно положение умершего на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад. На месте истлевшего черепа осталась неглубокая впадина.

Погребение 16 (100 × 70 см, глуб. 26 см) ориентировано З-В. Здесь сохранился кусок сгнившего бревна сруба. У западной стенки стоял сосуд. Внутри его сохранились пятна нагара.

Погребение 17 (60 × 42 см, глуб. 28 см) ориентировано ЮЗ-СВ. Сосуд с закопченными стенками стоял в юго-восточном углу.

Погребение 18 (92 × 65 см, глуб. 30 см) ориентировано З-В. Сосуд, по орнаменту близкий рис. 8, 5, стоял в северо-западном углу. На стенках внутри нагар.

Погребение 19 (65 × 37 см, глуб. 34 см) ориентировано СВС-ЮЗЮ. В нем посередине и у западной стенки стояли два сосуда. Внутри одного сосуда пятна нагара.

Погребение 20 (300 × 245 см, глуб. 40 см) ориентировано с небольшим отклонением З-В. Оно было раскопано, вероятно, Н. К. Минко, но кое-что из инвентаря погребения осталось тогда невзятым. К нему относятся сосуди найденное рядом с сосудом бронзовое четырехгранное шило с остатками деревянной рукоятки. Выкид этого погребения сливается с выкидами погребений, расположенных к западу. В 1 м к востоку от центрального погребения расположен целый лабиринт небольших углублений, врезающихся друг в друга. В одном из них, самом глубоком, найдено детское погребение с остатками черепа (возле отметки 37), костями рук с браслетами (по два на запястье) желобчатыми или трубчатыми, согнутыми из металлической полоски на деревянной основе. Бронзовые бусы, лежавшие в 90 см к северу от черепа, по-видимому, служили украшением обуви. Они аналогичны бусам из погребения 15. Такие же бусы, согнутые из кусочков бронзового прута, но крупнее, найдены в углублении с отметкой 30, замыкающем «лабиринт» с юга. Сосуды (рис. 8, 2; 9, 7), отмеченные на плане буквами А, Б, стояли в углублении, возникшем, видимо, первоначально и затем нарушенном следующим, в котором найдены остатки скелета. Позже возникли новые ямы с отметками 20 и 30. В первой ничего не было, во второй — три бронзовые бусины. Кроме того, все углубления прорезаны норами грызунов, за-

путавших первоначальную картину. Здесь найдено три сосуда с закопченными стенками.

Курган 2 имел диаметр 7 м, высоту 15 см. Под насыпью было шесть грунтовых погребений.

Погребение 1 (75 × 60 см, глуб. 27 см) ориентировано С-Ю. В северо-восточном углу стоял сосуд (рис. 11, 6) с нагаром внутри и сверху. Южнее горшка лежали плечевая и локтевая кости, два бронзовых желобчатых браслета с заходящими концами, бусы, согнутые из кусочков бронзового прута, реберчатые пастовые пронызки и две очковидные подвески, свернутые из узкой тонкой пластинки. Здесь же лежали человеческие (детские) зубы. Такие же бронзовые бусы находились близ южной стенки. Они, несомненно, украшали обувь погребенной. Низка бус располагалась также в области живота. Заполнение ямы состояло из светлой мелкощебенчатой массы — выкида, сваленного в погребальную камеру.

Погребение 2 (70 × 50 см, глуб. 30 см) ориентировано С-Ю. В нем вещей не было. К западу от погребения, в насыпи кургана, обнаружено несколько кусков крупного сосуда, видимо, выброшенных грабителями.

Погребение 3 (60 × 35 см, глуб. 28 см) ориентировано С-Ю. У северной стенки стоял сосуд. Рядом с сосудом с восточной стороны лежал обломок плечевой кости. У края могилы лежали кости ног и нижняя челюсть барана.

Погребение 4 (120 × 92 см, глуб. 60 см) ориентировано СЗ-ЮВ, пустое.

Погребение 5 (70 × 50 см, глуб. 34 см) ориентировано З-В. В северо-западном углу стоял сосуд.

Погребение 6 (130 × 90 см, глуб. 38 см) ориентировано З-В, пустое. В насыпи кургана находились отдельные разрозненные черепки того же типа, что и в погребениях.

Прирезка к кургану 3. Раскоп был заложен на чуть заметном (не более 10 см) всхолмлении, примыкающем с севера к кургану 3. Раскоп имел черепки, аналогичные горшкам из погребений.

Единственное погребение, открытое здесь (282 × 200 см, глуб. 57 см), ориентировано СЗ-ЮВ. К южной стенке примыкала полоса выброшенной из ямы земли. В погребении найдены обломки сгнивших бревен сруба, черепки раздавленных сосудов. Один из них подклеен (рис. 9, 3).

Курган 3. Диаметр 9,5 м, высота 30 см. В насыпи попадались отдельные черепки, аналогичные горшкам из погребений.

Погребение 1 (50 × 30 см, глуб. 20 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Два сосуда с закопченными стенками стояли близ юго-восточной стенки (рис. 9, 1; 10, 6).

Погребение 2 (150 × 60 см, глуб. 40 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Из инвентаря найден один черепок в засыпке могилы и второй в стороне. Оба они аналогичны сосудам из могил этого кургана.

Погребение 3 (50 × 82 см, глуб. 28 см) ориентировано СЗ-ЮВ, ограблено. Найдено несколько мелких черепков.

Курган 4. Диаметр 10 м, высота 40 см. В центре находилось одно грунтовое погребение (240 × 190 см, глуб. 45—60 см), ориентировано В-З, ограблено. В яме вдоль стен в беспорядке попадались сгнившие куски бревенчатой конструкции и обломки сосуда. На выкиде, окружавшем яму, с краю северной стенки лежали кости ног и челюсти крупного домашнего животного.

Курган 5. Диаметр 8 м, содержал пять грунтовых погребений.

Погребение 1 (123 × 75 см, глуб. 27 см) ориентировано С-Ю. В нем у восточной стенки стоял один сосуд. Внутри горшка имеется нагар.

Погребение 2 (87×60 см, глуб. 35 см) ориентировано ЮЗ-СВ. Возле западной стенки стояли два сосуда (рис. 9, 10) с закопченными стенками.

Погребение 3 (65×42 см, глуб. 32 см) ориентировано СЗ-ЮВ. В северном углу ямы стоял сосуд, а рядом лежали две подвески, колечки из свинца, покрытые коркой окисла.

Погребение 4 (60×37 см, глуб. 35 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. Один сосуд с закопченными стенками, аналогичный рис. 9, 10, стоял возле северной стенки.

Погребение 5 (185×160 см, глуб. 45 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. В нем найдены обломки сгнившего сруба, черепки нескольких горшков, напоминающих рис. 8, 2; 11, 6. С краю северной стенки лежали коровий череп и кости ног.

Курган 6. Диаметр 8,6 м, высота 10—15 см. В центре кургана находилось единственное погребение (200×145 см, глуб. 57 см), ориентировано с незначительным отклонением В-З. В заполнении его найдено несколько черепков от горшков, аналогичных подобным из соседних курганов. На дне могилы лежали два обломка **трубчатых костей** скелета погребенного. В насыпи, у ее восточной половины, найдено несколько черепков с орнаментом, типичным для всей посуды могильника.

Курган 7. Диаметр 11 м, высота 45 см. В насыпи кургана попадались мелкие обломки сосудов без орнамента, но, судя по примеси талька, принадлежащие тем же сосудам, что и в погребениях кургана. На уровне древней поверхности, в северной части насыпи, находился раздавленный сосуд небольшого размера. Возле южного конца бровки, тоже на древней дневной поверхности, стоял еще один сосуд. Стенки сосудов внутри покрыты нагаром.

Под насыпью находилось шесть погребений.

Погребение 1 (112×50 см, глуб. 28 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Следов погребенного не было. В северо-восточном углу стоял один сосуд.

Погребение 2 (90×40 см, глуб. 25 см) ориентировано ССЗ-ЮЮВ. Следов погребенного не сохранилось. Близ северной стенки стоял сосуд.

Погребение 3 (100×75 см, глуб. 35 см) ориентировано с незначительным отклонением З-В. Погребенного не было. В центре (два) и у восточной стенки (один) стояли сосуды. Найдены обломки четвертого сосуда. Орнаментация однообразна и аналогична сосуду на рис. 9, 10. Один маленький сосуд без орнамента.

Погребение 4 (220×153 см, глуб. 30 см) ориентировано СВВ-ЮЗЗ. В нем найдены обломок бедренной кости человека, обломок бронзового жолобчатого браслета и часть сосуда с линейной орнаментацией.

Погребение 5 (165×125 см, глуб. 25 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ, пустое.

Погребение 6 (60×45 см, глуб. 24 см) ориентировано СВ-ЮЗ. Следов погребенного не было. В центре ямы стоял один сосуд.

Курган 9. Диаметр 14×12 м, высота 30 см. Вытянутая земляная насыпь образовалась, видимо, от слияния двух или в результате подсыпки. Под насыпью обнаружены шесть погребений и одна мелкая яма (№ 6) неясного происхождения, без находок.

Погребение 1 (50×45 см, глуб. 18 см) ориентировано С-Ю. Скелет истлел. У восточной стенки стоял сосуд.

Погребение 2 (75×50 см, глуб. 25 см) ориентировано С-Ю. У южной стенки стоял сосуд, близкий рис. 11, 8. На дне погребения найдена бронзовая прямоугольная скобочка с сомкнутыми концами.

Погребение 3 (150×170 см, глуб. 30—35 см) ориентировано СВ-ЮЗ. Скелета не было. В северо-западном углу стоял сосуд (рис. 9, 2). Возле

сосуда лежал бронзовый нож (рис. 10, 12) с широким позолоченным лезвием и вполне оформленной рукояткой, возможно приклепанной к лезвию. Основание рукоятки с одной стороны заканчивается дугообразной, а с другой — коленчатой выемкой. Длина ножа с рукоятью 18 см. Внутри и рядом с горшком лежали угольки.

Погребение 4 (100 × 85 см, глуб. 30—35 см) ориентировано С-Ю, пустое.

Погребение 5 имеет необычную для памятников данного типа планировку. Его центральная камера (235 × 200 см, глуб. 55 см) имела два наклонных входа: с севера и с юга. Последний почти уничтожен грабительским лазом, прорезавшим и основную камеру на значительную глубину. Возле стен погребения выявлены остатки бревенчатой конструкции; в засыпке и на дне грабительской ямы найдено несколько костей человеческого скелета. Найдены также обломки крупного тонкостенного сосуда, близкого по орнаменту рис. 9, 3. В верхнем горизонте грабительской ямы найдены еще два сосуда, близкие рис. 9, 10; 11, 8.

В конце северного хода в погребение, на дне, стоял один сосуд. На краю этого хода рядом с предыдущим сосудом стоял еще один горшок. В насыпи между погребениями 4 и 5 на выкиде стояли два сосуда (рис. 11, 7). Восточнее хода прослежены пятна желтой щебенчатой массы — выкида.

Погребение 6 неправильной формы, с неровным дном. Находок не сохранило. Видимо, это грабительский лаз.

Погребение 7. Общая его форма в виде креста — единственная в своем роде. Никаких следов погребенного в нем не обнаружено. Ход, ведущий в центральную камеру погребения 7, имеет две ниши, в которых стояло по одному сосуду. С краю погребения лежали кости ног и челюсти коровы.

Курган 96. Диаметр 7,5 м, высота 25—30 см. Под насыпью обнаружено семь погребений.

Погребение 1 (80 × 50 см, глуб. 25 см) ориентировано В-З. Скелет не сохранился. Два сосуда стояли у западной стенки.

Погребение 2 (65 × 50 см, глуб. 37 см) ориентировано СЗ-ЮВВ. Скелет не сохранился. В северо-западном углу стоял сосуд (рис. 11, 9).

Погребение 3 (165 × 80 см, глуб. 25 см) ориентировано С-Ю. Скелет не сохранился. Три сосуда стояли у северной стенки ямы. Два из них близки рис. 9, 10, третий — без орнамента.

Погребение 4 (70 × 40 см, глуб. 25 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Скелет не сохранился. Однако по находке двух детских бронзовых браслетов возле южной стенки можно реконструировать положение погребенного на правом боку, головой к северо-западу. У северо-восточной стенки стоял горшок (рис. 11, 3).

Между погребениями 2 и 4 в насыпи кургана обнаружен сосуд, аналогичный рис. 11, 9.

Погребение 5 (100 × 50 см, глуб. 20—30 см) ориентировано В-З, пустое.

Погребение 6 и 7 прорезают друг друга. В них находок не было.

Курган 10. Диаметр 10 м, высота 25 см. Под насыпью находилось восемь погребений.

Погребение 1 (100 × 60 см, глуб. 40 см) ориентировано В-З. На дне лежали фрагменты сосуда. В засыпке найдены две жженные косточки.

Погребение 2 (100 × 65 см, глуб. 30—40 см) овальной формы, ориентировано С-Ю. В северной части камеры имеется уступ (ниша), занимающий почти половину длины могилы. В более глубокой половине могилы найдены крестообразная металлическая подвеска с петлей для шнурка, бронзовые бусы, а также кусочки детского черепа и молочный зуб. Судя

по положению этих находок, погребенный был ориентирован головой на север. В нише обнаружены два сосуда. По сторонам от сосудов прослежены членистые поперечные деревянные брусья.

Погребение 3 (120×170 см, глуб. 52 см) ориентировано СВ-ЮЗ. Вдоль южной стенки, на дне прослежена полоса древесной трухи, небольшое количество жженных костей (около 100 граммов) было разбросано по дну ямы. Вместе с ними находились черепки от двух небольших сосудиков. Один из них без орнамента.

Погребение 4 (80×40 см, глуб. 38 см) занимает центральное положение под насыпью, ориентировано С-Ю. С северной и восточной стороны ямы замечены были незначительные пятна выкида, который частично заполнял и погребение. В северо-восточном углу ямы стояли два сосуда.

Погребение 5 (70×35 см, глуб. 70 см) овальной формы, ориентировано З-В. Два сосуда стояли в юго-восточном углу (рис. 8, 11; 10, 2).

Погребение 6 (200×100 см, глуб. 30—45 см) ориентировано ЮВ-СЗ; юго-восточным участком примыкает к могиле 5. Два небольших сосуда стояли в юго-восточном углу. Орнаментированы они близко рис. 11, 5.

Погребение 7 (95×60 см, глуб. 32 см) ориентировано ССЗ-ЮВЮ. Скелет не сохранился. Однако по сопровождающим покойника вещам можно говорить об ориентировке на северо-запад и о положении его на правом боку. На месте головы и кистей рук лежали два бронзовых браслета и, наверное, еще один в обломках, два колечка (подвески) из нетолстой проволоки, круглой в сечении. В области ног сохранились бронзовые бусы, поодиночке или слившиеся по несколько штук в ряд. Два сосуда (рис. 10, 8) стояли у северной стенки.

Погребение 8 (115×90 см, глуб. 65 см) неправильной формы с закругленными углами, ориентировано СЗ-ЮВ. В нем, кроме жженных человеческих костей, разбросанных по всему дну, ничего не было. Наблюдения показывают, что погребение не ограблено. Кремированные кости лежали только на уровне дна ямы, выше их не было.

Курган 11 (рис. 37). Диаметр 10 м, высота 35 см. Под насыпью обнаружено 13 погребений. Большинство из них небольших размеров, располагаются вокруг центрального, наиболее обширного из всех. Для них свойственна неустойчивая ориентировка, часто не совпадающая с ориентировкой центральной могилы.

Единственной находкой во всех погребениях является глиняная посуда. Костяки не сохранились нигде.

Погребение 1 (75×42 см, глуб. 32 см) ориентировано с небольшим отклонением З-В. Близ западной стенки обнаружена крупная часть сосуда.

Погребение 2 (95×64 см, глуб. 27 см) ориентировано с небольшим отклонением С-Ю. В нем на дне близ южной стенки стоял сосуд, близкий рис. 8, 6.

Погребение 3 (58×30 см, глуб. 25 см) ориентировано СВ-ЮЗ. В южном углу на дне стояли два сосуда.

Погребение 4 (78×61 см, глуб. 40 см) ориентировано СВВ-ЮЗЗ. На дне его близ западного угла стояли два сосуда. Один из них аналогичен рис. 11, 8.

Погребение 5 (55×34 см, глуб. 16 см) ориентировано СВ-ЮЗ. На дне в центре камеры стоял сосуд. На дне сосуда есть отпечатки ткани.

Погребение 6 (102×41 см, глуб. 30 см) ориентировано СЗ-ЮВ. На дне близ северо-восточного угла стоял сосуд.

Погребение 7 (98×38 см, глуб. 34 см) ориентировано с незначитель-

ным отклонением 3-В. Возле западной стенки стоял небольшой сосуд с нагаром на стенках.

Погребение 8 (68 × 45 см, глуб. 32 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. В юго-западном углу на дне стоял один сосуд.

Погребение 9 (104 × 60 см, глуб. 28 см) ориентировано 3-В, пустое.

Погребение 10 (110 × 52 см, глуб. 28 см) ориентировано ЮЗЗ-СВВ. Близ западной стенки стоял сосуд.

Погребение 11 (84 × 41 см, глуб. 26 см) ориентировано СВ-ЮЗ. Близ юго-западного угла на дне стоял сосуд.

Погребение 12 (164 × 132 см, глуб. 39 см) ориентировано СЗ-ЮВ. На дне в северном и южном углах стояло по одному сосуду. В глине примеси талька нет.

Погребение 13 (60 × 40 см, глуб. 20) ориентировано с незначительным отклонением С-Ю. На дне у восточной стенки стоял сосуд.

Курган 12. Диаметр 10 м, высота 30 см. Под насыпью обнаружено восемь погребений.

Погребение 1 (40 × 50 см, глуб. 24 см) ориентировано ССВ-ЮЮЗ. В центре ямы стоял сосуд (рис. 11, 1).

Погребение 2 (80 × 55 см, глуб. 30 см) ориентировано СЗ-ЮВ. В северо-восточном углу стоял сосуд. Стенки закопчены с обеих сторон.

Погребение 3 (90 × 50 см, глуб. 30 см) ориентировано ССЗ-ЮЮВ. В северо-восточном углу стоял сосуд (рис. 9, 4).

Погребение 4 (90 × 50 см, глуб. 30 см) ориентировано ССЗ-ЮЮВ. В северо-восточном углу стоял сосуд.

Погребение 5 (70 × 50 см, глуб. 22 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. В северо-западном углу стояли два сосуда, орнаментированных простым меандром, ромбами, полосами протраченной гребенки, наклонными оттисками штампа.

Погребение 6 (75 × 55 см, глуб. 35 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Возле восточной стенки стояли два сосуда. Один приземистый горшок орнаментирован уточками и меандром.

Погребение 7 (85 × 45 см, глуб. 32 см) ориентировано СВВ-ЮЗЗ. У середины западной стенки стоял сосуд.

Погребение 8 (195 × 175 см, глуб. 75 см) ориентировано СВ-ЮЗ. Оно имеет особое назначение. У северо-восточного угла ямы, в верхнем горизонте лежал полный костяк собаки. Вокруг скелета и под ним, до дна ямы, находились пепел и угольки. Особенно много их было в лунке, вырытой на дне погребения. Собачий скелет перекрывала часть лошадиной туши: ребра, позвонки, череп. Сопровождающих вещей не было.

Курган 13. Диаметр 6 м, высота 15 см. Под ним, в центре, было одно погребение (177 × 137 см, глуб. 45 см), ориентированное В-З. В заполнении ямы находилось несколько кремнированных косточек и черепки, встречающиеся уже раньше в насыпи кургана. Они принадлежат одному сосуду.

К северу от кургана 13 заложен раскоп 6 × 5 м, на месте чуть видимого всхолмления около 5 см высоты. Здесь обнаружено одно разграбленное захоронение, в котором найдены черепки разбитого сосуда. Ориентировка погребения СВ-ЮЗ, размеры 215 × 157 см, глубина 50 см. Восточная прирезка кургана 13 (6 × 5 м) также дала одно грунтовое погребение (200 × 125 см, глуб. 47 см), ориентированное СЗЗ-ЮВВ. В нем найдены черепки.

Курган 13а. Диаметр 8 м, высота 13 см. Под насыпью в центре находилась одна пустая яма (180 × 115 см, глуб. 40 см), ориентирована 3-В.

Курган 14. Диаметр 6 м, высота 15 см. Под насыпью было четыре погребения. Первое (75 × 45 см, глуб. 55 см) и второе (75 × 45 см, глуб.

35 см) соприкасались под прямым углом. В них вещей не было. Только у юго-западного угла первого погребения лежали две бараньи челюсти и кости ног. Погребение 3 (125×70 см, глуб. 41 см) ориентировано СЗ-ЮВ. У северной стенки ямы стояли два сосуда, аналогичные рис. 9, 10. Над юго-восточным углом погребения находились баранья челюсть и кости ног.

Погребение 4 (75×60 см, глуб. 57 см) ориентировано СЗ-ЮВ. В северном углу стояли два сосуда без орнамента.

Курган 15 (рис. 38). Диаметр 10 м, высота 25 см. Под насыпью было девять погребений.

Погребение 1 (75×50 см, глуб. 35 см) ориентировано С-Ю. Два сосуда стояли посередине. Один подобен рис. 8, 5, второй близок рис. 9, 11. На одном сосуде есть отпечатки ткани.

Погребение 2 (145×85 см, глуб. 62 см) с закругленными углами ориентировано СЗ-ЮВ. У восточной стенки прослежены две полосы древесной трухи. В северном углу стоял сосуд. Рядом лежали обломки детского черепа и зубы, что определяет ориентировку погребенного головой к северо-западу.

Погребение 3 (70×40 см, глуб. 32 см) прямоугольной формы, ориентировано СЗ-ЮВ. В нем стоял один сосуд (рис. 8, 6).

Погребение 4 (85×60 см, глуб. 45 см) ориентировано с небольшим отклонением на север. Посередине стоял сосуд, напоминающий рис. 9, 11.

Погребение 5 (70×50 см, глуб. 30 см) ориентировано СВ-ЮЗ. В северном углу был сосуд баночной формы без орнамента.

Погребение 6 (105×70 см, глуб. 40 см) ориентировано СВ-ЮЗ. Вдоль западной стенки стояли три сосуда. Один маленький в форме чашки без орнамента. Два других близки по форме и орнаменту (рис. 10, 10), с пятнами нагара внутри.

Погребение 7 (70×45 см, глуб. 25 см) ориентировано СВ-ЮЗ, пустое.

Погребение 8 ориентировано З-В, сужается к востоку (220×180 см, глуб. 50 см). В нем найдены черепки с орнаментом из полосы «уточек» и гнилушки вдоль стен.

Погребение 9 прямоугольной формы с прямоугольным же выступом к западу. Размеры его 160×125 см, глубина 40 см, ориентировано В-З. На дне стояли два сосуда (рис. 8, 1, 4). В засышке найден обломок трубчатой кости скелета. Возле стенок прослежены мелкие гнилушки.

В насыпи кургана (группы А, Б, В, Г) на материке найдены черепки, аналогичные фрагментам из погребений.

Курган 16. Диаметр 9 м, высота 30 см. Под насыпью было три погребения и, по-видимому, четыре — на уровне древней дневной поверхности. Находка возле одного из горшков (рис. 9, 5) обломка бронзового браслета подтверждает предположение о погребениях на горизонте, от которых уцелел лишь инвентарь.

Погребение 1 (220×150 см, глуб. 40 см) ориентировано З-В, разграблено. В нем были остатки одновенечного бревенчатого сруба и незначительные обломки костей скелета.

Погребение 2 (150×100 см, глуб. 80 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. В северном углу ямы стоял сосуд (рис. 10, 7). Внутри стенки покрыты нагаром.

Погребение 3 (180×100 см, глуб. 55 см) ориентировано СВС-ЮЗЮ. Раздавленный сосуд находился возле северной стенки ямы. Вне этих погребений, на древней поверхности и на материке стояло еще восемь горшков. Один без орнамента, еще три — близки рис. 9, 11.

Курган 17. Диаметр 10 м, высота 15 см. Трудно сказать, сколько здесь было погребений. Кладочислительские шурфы почти уничтожили первона-

чальную картину. Бесспорным погребением, тоже поврежденным, можно считать яму на восточной половине кургана. В ней найден сосуд, чиненный бронзовыми скобочками, одна из которых сохранилась. Внутри сосуда лежали обломки детского черепа, а рядом — несколько жженных косточек. Несколько больше их находилось в яме, врезавшейся в северо-западный угол погребения.

Курган 18. Диаметр 9 м, высота 15 см. Под насыпью было четыре погребения.

Погребение 1 формы, близкой к овалу (90×50 см, глуб. 30 см), ориентировано СЗ-ЮВ. В нем было около 50 г пережженных костей.

Яма 2 в форме ступни, ориентированная СЗ-ЮВ, едва ли предназначалась для погребения. Глубина ее 70 см.

Погребение 3 (75×40 см, глуб. 40 см) прямоугольной формы, ориентировано СЗ-ЮВ. У северной стенки найдены 12 астрагалов и сосуд (рис. 11, 8).

Погребение 4 (180×40 см, глуб. 22 см) ориентировано СЗ-ЮВ. В нем были найдены черепки с линейным орнаментом.

Курган 19. Диаметр 9 м, высота 22 см. Под насыпью располагалось шесть погребений.

Погребение 1 (73×50 см, глуб. 24 см) ориентировано СВ-ЮЗ. В северо-западном углу стоял маленький сосудик без орнамента.

Погребение 2 (62×45 см, глуб. 32 см) ориентированно СВС-ЮЗЮ. У северной стенки стоял сосуд (рис. 10, 5).

Погребение 3 (87×45 см, глуб. 35 см) ориентировано СЗС-ЮВЮ. В северо-восточном углу стояли два сосуда. Оба сосуда имеют пятна нагара.

Погребение 4 (70×37 см, глуб. 42 см) ориентировано СЗ-ЮВ. В северо-восточном углу стоял сосуд, под которым лежал зуб хищного животного с отверстием на конце.

Погребение 5 (100×50 см, глуб. 38 см) ориентировано СВ-ЮЗ, пустое.

Погребение 6 самое крупное, но сильно повреждено кладочислательским шурфом. Видимо, оно имело прямоугольную планировку с примыкавшим с востока входом в виде короткой и неглубокой траншеи. Аналогичные конструкции погребений были встречены ранее на этом могильнике. В заполнении погребальной камеры, состоявшем из пестрой по цвету массы темной земли и выкида, у самого дна найдено несколько разрозненных костей скелета. Найден также небольшой сосудик, аналогичный рис. 9, 11.

Курган 20. Диаметр 10 м, высота 35 см.

Погребение 1 (240×160 , глуб. 85 см) разграблено, ориентировано ССЗ-ЮЮВ. В северо-восточном углу стояли четыре сосуда (рис. 8, 9). В засыпке погребения найдены бронзовое четырехгранное пило с улощенным концом и трубчатая кость скелета. Возле сосуда было несколько бронзовых бесформенных бляшек плохой сохранности. В засыпке были гнилушки накатника.

Погребение 2 (230×140 см, глуб. 36 см) ориентировано В-З, разграблено. В погребении лежали только черепки. В засыпке встречались остатки сгнившего бревенчатого накатника.

Курган 21. Диаметр 8 м, высота 44 см. Под насыпью было два погребения.

Погребение 1 (200×175 см, глуб. 35 см) ориентировано, с незначительным отклонением, З-В. Вдоль северной стены, на дне находились остатки бревенчатого сруба. В северо-западном углу стоял крупный сосуд (рис. 8, 8). Рядом лежал бронзовый двулезвийный нож с двумя продольными валиками по лезвию, намечающимся перекрестием (рис. 10, 11). Севернее погребения (на выкиде) лежали челюсти и кости ног коровы.

Погребение 2 (130 × 67 см, глуб. 62 см) ориентировано СВВ-ЮЗЗ, пустое.

К востоку от обоих погребений, в насыпи стоял сосуд (рис. 10, 1) с нагаром внутри.

Курган 22. Диаметр 14 м, высота 1 м. Раскопан не полностью из-за группы деревьев. Удалось выявить 11 погребений, группировавшихся вокруг двух центральных.

Погребение 1 (87 × 55 см, глуб. 38 см) ориентировано СВ-ЮЗ. На дне в центре стояли два сосуда. Один из них близок рис. 9, 11. Глина обоих сосудов без талка.

Погребение 2 (55 × 45 см, глуб. 35 см) ориентировано СЗ-ЮВ. В северо-западном углу стоял сосуд.

Погребение 3 (153 × 70 см, глуб. 35 см) ориентировано СВ-ЮЗ. Два сосуда стояли в юго-восточном углу. Они аналогичны рис. 8, 10.

Погребение 4 (75 × 45 см, глуб. 36 см) ориентировано СЗ-ЮВ. У восточной стенки стоял сосуд. В глине талка нет.

Погребение 5 (60 × 35 см, глуб. 20 см) ориентировано З-В. На дне посередине стояли два сосуда с закопченными стенками.

Погребение 6 (85 × 60 см, глуб. 23 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Близ северной стенки стояли два сосуда, аналогичные рис. 9, 11.

Погребение 7 (85 × 52 см, глуб. 40 см) ориентировано СВ-ЮЗ. У западной стенки стояли два сосуда.

Погребение 8 (60 × 45 см, глуб. 25 см) ориентировано ССЗ-ЮЮВ. В северо-западном углу стоял сосуд.

Погребение 9 (340 × 230 см, глуб. 140 см) ориентировано В-З, разграблено. В засыпке ямы найдены остатки бревенчатого накатника, обломки сосудов с линейной орнаментацией и кремневый наконечник стрелы (рис. 8, 12).

Погребение 10 (215 × 140 см, глуб. 41 см) ориентировано С-Ю, пустое.

Погребение 11 (100 × 55 см, глуб. 35 см) ориентировано С-Ю. Возле восточной стенки стоял сосуд, аналогичный рис. 8, 10.

В насыпи кургана на погребенной дневной поверхности стояли шесть сосудов. Они аналогичны сосудам из погребений этого кургана.

Курган 23. Диаметр 8 м, высота 30 см. Под насыпью было два погребения.

Погребение 1 (140 × 50 см, глуб. 25 см) ориентировано ЮЮЗ-ССВ. В нем лежали остатки скелета, видимо подростка, на левом боку с подогнутыми ногами, головой к югу. В изголовье, перед лицом, стоял сосуд, второй сосуд помещался на тазовых костях. Один из сосудов аналогичен рис. 8, 10.

Погребение 2 неправильной формы (235 × 200—160 см, глуб. 50 см) ориентировано, с небольшим отклонением, В-З; разграблено. На дне у стенки найдены остатки бревенчатого сруба, с краю северо-восточного угла — несколько черепков с резным орнаментом. Близ восточной стенки лежали нижние челюсти коровьего черепа.

В насыпи кургана попадались отдельные черепки с обычной линейной и резной орнаментацией. Кроме того, найдены три полных сосуда, близких по форме и орнаменту (рис. 9, 11).

Курган 24. Диаметр 8 м, высота 35 см. Здесь было четыре погребения.

Погребение 1 овальной формы со скошенными книзу стенками. Максимальная длина — 280 см, ширина 170 см, глубина 50 см. Ориентировка СВВ-ЮЗЗ. Вследствие грабежа инвентарь почти отсутствует. В засыпке было несколько черепков с резным орнаментом и немного древесных

угольков на дне. В бровке хорошо видны полосы выкида из этого погребения.

Погребение 2 (174 × 77 см, глуб. 26 см) ориентировано СВ-ЮЗ, пустое.

Погребение 3 (167 × 74 см, глуб. 24 см) ориентировано СВ-ЮЗ, пустое.

Погребение 4 (115 × 55 см, глуб. 21 см) ориентировано СВВ-ЮЗЗ, пустое.

В насыпи кургана к югу от погребений встречались отдельные черепки с резным орнаментом.

Курган 26. Диаметр 10 м, высота 35 см. Под насыпью в центре расположено большое погребение и девять погребений подковой огибают его с запада. Большинство из них лишь в незначительной степени (3—5 см) врезаны в материк и были прослежены благодаря наличию в них вещей.

Погребение 1 (32 × 25 см, глуб. 25 см) ориентировано С-Ю. В нем стоял сосудик.

Погребение 2 не оконтурено. Сосуд стоял на материке (рис. 11, 4). Внутри на стенках есть нагар.

Погребение 3 (55 × 40 см, глуб. 23 см) ориентировано З-В. В нем стоял сосуд (рис. 8, 10). Южнее сосуда лежали два бронзовых желобчатых детских браслета с несомкнутыми концами. Следов скелета не обнаружено.

Погребение 4 не оконтурено. Сосуд лежал на боку. Он близок рис. 8, 1. Сверху и внутри нагар.

Погребение 5 (35 × 37 см, 23 см). Грубо слепленный сосудик (высота 8 см) с толстыми стенками стоял в центре.

Погребение 6. Контур нечеткий. Это маленькая по размерам и глубине ямка, чуть задевавшая материк (30 × 25 см, глуб. 23 см). В центре стоял один сосуд.

Погребение 7 (117 × 95 см, глуб. 33 см) ориентировано СЗ-ЮВ. В северном углу стоял сосуд, напоминающий рис. 11, 4. Южнее сосуда было прослежено небольшое пятно костной трухи.

Погребение 8 (37 × 40 см, глуб. 25 см). Сосуд стоял в центре на возвышении. Он аналогичен рис. 10, 6. Внутри на его стенках пятна нагара.

Погребение 9 не оконтурено. Сосуд аналогичен рис. 8, 10.

Погребение 10 (260 × 195 см, глуб. 47 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ, разграблено. Вдоль стенок сохранились куски березовых сгнивших бревен (диаметр некоторых 15 см) как от сруба, так и от перекрытия. В погребении найдено несколько черепков с геометрическим орнаментом из прямых и ломаных линий, одна бронзовая бусина, подобная тем, что уже встречались в кургане 1. С востока и запада центральное погребение окружали полосы выброшенной земли. У края южной стенки лежали череп животного и кости ног.

Курган 27. Имел удлинненную насыпь 16 × 10 м, высоту 35—40 см (рис. 36). В западной части кургана серия врезанных друг в друга ям, в том числе грабительских, запутывает первоначальную планировку всего погребального комплекса. Во всяком случае бесспорных погребений выделяется не менее 12. Погребение 8 с примыкающим к нему кольцевым ровиком глубиной 25—35 см, видимо, возникло раньше остальных. К сожалению, в нем нет находок. Затем кольцо было нарушено погребением 12, в котором стоял сосуд алакульского типа. Позднее возникает длинная яма, тянущаяся с юго-запада на северо-восток. В центральной части она имеет глубину около 20 см, а к краям сходит на нет. Возможно, она является таким же ходом к погребению 13, как это наблюдалось в кургане 9. С запада к погребению 13 примыкает ступенчатое углубление. К сожалению, на этом участке прослежена большая перекопка, нарушившая первоначаль-

ную планировку погребений. В восточной половине кургана располагалось десять погребений.

Погребение 1 (200×116 см, глуб. 26 см) ориентировано ЮЗЗ-СВВ, пустое.

Погребение 2 (60×45 см, глуб. 12—13 см) едва заметно врезано в материк. Ориентировано ССЗ-ЮЮВ. Возле северной стенки стоял сосуд с линейной орнаментацией.

Погребение 3 (70×50 см, глуб. 30 см) ориентировано ССЗ-ЮЮВ. В северо-восточном углу стоял сосуд, аналогичный рис. 11, 8.

Погребение 4 (100×70 см, глуб. 25 см) ориентировано В-З. Возле западной стенки стояли три сосуда (рис. 10, 4) со сходной формой и орнаментацией. Стенки двух сосудов закопчены.

Погребение 5 (60×40 см, глуб. 40 см) ориентировано С-Ю. В северо-восточном углу стоял сосуд, близкий рис. 9, 11.

Погребение 6 (100×65 см, глуб. 20 см) ориентировано З-В. В верхнем горизонте заполнения стоял сосуд.

Погребение 7 (60×45 см, глуб. 21 см) ориентировано С-Ю, пустое.

Погребение 8 (144×112 см, глуб. 26 см) ориентировано СВ-ЮЗ, пустое.

Погребение 9 (120×100 см, глуб. 25 см) ориентировано З-В. На дне, у западной стенки стоял сосуд, напоминающий рис. 9, 2.

Погребение 10 (110×65 см, глуб. 25 см) ориентировано, с небольшим отклонением, З-В. В нем на дне, у западной стенки были остатки скелета, отдельные кости черепа и плечевая кость. В изголовье стоял горшок.

Погребение 11 (230×105 см, глуб. 30 см) ориентировано З-В. В нем сохранилось некоторое количество черепных костей, лежавших у западной стенки. Перед лицом погребенного стояли два сосуда (рис. 9, 9). Второй сосуд напоминает рис. 8, 8. Небольшой сосуд стоял на материке между погребениями 6 и 10. В насыпи, в районе погребения 13, встречались черепки с резным и линейным орнаментом.

Курган 29. Диаметр 10 м, высота 35 см. Под насыпью было две ямы. Погребением можно считать одну из них — № 1 (235×175 см, глуб. 50 см), ориентированную В-З. В засыпке ее найдены черепки с линейным орнаментом, обычным для керамики могильника. Вторая яма овальной формы (глубиной 50 см) оказалась пустой. Видимо, она возникла гораздо позже в результате кладоискательских шурфовок. В насыпи найдены два неорнаментированных сосуда. Вблизи ямы 2 найдена баранья челюсть.

Курган 30. Диаметр 8 м, высота 30 см. Здесь было два погребения.

Погребение 1, центральное (150×125 см, глуб. 55 см), ориентировано СЗ-ЮВ. С востока к погребению примыкала полоса выкида из него. В засыпке найдены несколько костей скелета, лежавших в беспорядке, и обломки одного сосуда.

Погребение 2 (100×64 см, глуб. 30 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ, пустое.

Курган 31. Диаметр 10 м, высота 50 см. В насыпи у северного конца бровки найден обломок желобчатого браслета. У центра располагалось два грунтовых погребения, к югу от центра — еще одно.

Погребение 1 (110×110 см, глуб. 35 см) ориентировано ССВ-ЮЮЗ. В нем от скелета сохранились бедренная, берцовая и пяточная кости. У южной стенки лежали бронзовый крестик с дополнительными перекрестиями на трех лучах (рис. 11, 11) и бусина, свернутая из тонкой бронзовой пластины.

Погребение 2 (215×150 см, глуб. 40 см) ориентировано З-В. В засыпке, в северо-западном углу, лежали черепки из глины красноватого цвета

с примесью песка в глине. Орнамент из полос гребенчатых ромбов нанесен по венчику.

Погребение 3 (100 × 70 см, глуб. 36 см) ориентировано С-Ю, пустое.

Погребениям 1 и 2 соответствовали полосы выкидов, прослеженные в плане и в профиле бровки.

Курган 32. Диаметр 10 × 8 м, высота 30 см. Здесь было четыре погребения.

Погребение 1 едва задело верхний слой подстилающего горизонта. Глубина его была 15 см. Посередине погребения стоял сосуд. Под сосудом лежали два желобчатых бронзовых детских браслета.

Погребение 2 (70 × 50 см, глуб. 21 см) ориентировано, с небольшим отклонением, 3-В. Сосуд стоял в центре погребения.

Погребение 3 (250 × 175 см, глуб. 45 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ, разграблено. Черепки, найденные в засыпке погребения, орнаментированы ромбами, полосами проташенной гребенки, городками, зигзагами. У восточного угла с краю лежали кости ног и челюсти коровы.

Погребение 4 (225 × 126 см, глуб. 38 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. В его засыпке были черепки, орнаментированные линиями и треугольниками.

У восточного края бровки, в насыпи, лежали черепки одного сосуда.

Курган 33. Диаметр 11 м, высота 25 см. Под насыпью находилось 11 погребений.

Погребение 1 (70 × 60 см, глуб. 45 см) ориентировано СЗ-ЮВ. В нем был один сосуд, аналогичный рис. 8, 5.

Погребение 2 (105 × 55 см, глуб. 28 см) ориентировано С-Ю, пустое.

Погребение 3 (105 × 60 см, глуб. 30 см) ориентировано С-Ю. В нем стояли три сосуда, аналогичные рис. 9, 11. Один без орнамента.

Погребение 4 (50 × 35 см, глуб. 24 см) ориентировано 3-В. В нем стоял сосуд, напоминающий рис. 8, 7.

Погребение 5 (60 × 40 см, глуб. 25 см) ориентировано С-Ю. Содержало один сосуд без орнамента (рис. 10, 9).

Погребения 6 и 7 примыкают друг к другу под прямым углом. Одно из них ориентировано С-Ю, второе — В-З. Внутри стояло по одному сосуду, напоминающему рис. 9, 11. У южного угла погребения 6 стоял еще один сосуд.

Погребение 8 (75 × 60 см, глуб. 30 см) ориентировано 3-В, пустое.

Погребение 9 (80 × 70 см, глуб. 38 см) ориентировано С-Ю. На дне стоял один сосуд, близкий рис. 8, 12.

Погребение 10 (75 × 50 см, глуб. 30 см) ориентировано СВВ-ЮЗЗ. У западной стенки находился расслоившийся сосуд. Рядом с ним лежали два бронзовых браслета. Можно предположить, что погребенный лежал на правом боку головой к ЮЗ. Севернее погребения прослежена полоса выкида.

Погребение 11 по форме и размерам резко отличается от остальных. Его камера (300 × 245 см, глуб. 70 см) имеет два наклонных входа, врезавшихся в северную и южную стенки. В засыпке погребения попадались крупные камни. На дне, посередине ямы находилось несколько обломков трубчатых костей, обломок нижней челюсти взрослого человека. Вследствие грабежа вещей здесь не найдено, кроме нескольких черепков одного сосуда с меандровыми фигурами. Вокруг погребения стояли три сосуда (рис. 10, 3). Стенки его внутри покрыты нагаром. Остальные два сосуда близки рис. 9, 11. К западу от могилы 11 было небольшое количество кремированных костей.

Курган 34. Диаметр 9 м, высота 25 см. Под насыпью было два погребения.

Погребения 1 (55 × 30 см, глуб. 33 см) ориентировано СЗ-ЮВ. В северо-западном углу стоял сосуд (рис. 11, 2).

Погребение 2 (300 × 220 см, глуб. 40 см) ориентировано З-В, разграблено. На краю восточной стенки и далее к востоку лежали мелкие камни, выброшенные при рытье ямы. Вдоль стен, на дне местами лежали куски сгнивших бревен, иногда обгоревшие. Обломки сосуда, лежавшие в засыпке погребения, орнаментированы резными треугольниками, меандром, линейными зигзагами. В насыпи, на погребенной поверхности, стояли четыре сосуда (рис. 11, 5, 10). Один маленький баночный формы без орнамента.

Курган 36. Диаметр 8 м, высота 50 см.

Одно грунтовое погребение (235 × 160 см, глуб. 45 см) ориентировано СЗ-ЮВ, разграблено. Содержало несколько черепков с орнаментом из протаченной гребенки.

Курган 38. Диаметр 8 м, высота 15 см. Под насыпью оказались три пустые ямы глубиной от 30 до 50 см с ориентировкой: № 1 — З-В; № 2 — З-В; № 3 — СЗЗ-ЮВВ. В засыпке найден один фрагмент сосуда алакульского типа.

Курган 39. Диаметр 10 м, высота 25 см. Здесь было одно центральное погребение почти квадратной формы с закругленными углами (230 × 220 см, глуб. 25—30 см). В яме найдены неорнаментированные черепки, фаланга и пяточная кость человека.

Памятники эпохи бронзы в районе с. Спасское

I курганный группа

Курган 1. Диаметр 22 м, высота 60 см. Под его насыпью обнаружено 15 погребений (рис. 39). Все они перекрывались листовидными бревнами разной степени сохранности, иногда в виде совсем мелких гнилушек.

Погребение 1 (130 × 70 см, глуб. 65 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. С юга к погребальной камере примыкало небольшое углубление — «тамбур» (100 × 60 см, глуб. до 10 см), в котором лежала часть лошадиной туши: таз, ребра. Погребение разграблено. Сохранился лишь обломок края сосуда.

Погребение 2 (140 × 160 см, глуб. 65 см) ориентировано с незначительным отклонением, С-Ю. В нем лежали три детских костяка в скорченном положении на левом боку, головой к северу. Первый костяк (с востока) снабжен двумя сосудами, второй — одним и третий — двумя. Три горшка без орнамента. Остальные два орнаментированы (рис. 16, 3). Возле грудной клетки лежало десять суставных костей животных. Украшения представлены обломками желобчатых бронзовых браслетов и гофрированных пронизок. Второй скелет был снабжен двумя браслетами. Пастовые островерберные бусы лежали у шейных позвонков всех трех скелетов. У второго скелета, кроме того, в районе шеи и плеч найдено два клыка хищника. Литые пронизки с кусочками кожи лежали у щиколоток второго скелета. Сохранность их плохая. Одна пронизка, слегка согнутая, имела в длину около 2 см. Внутри пронизки видны остатки скрученной шерстяной нити.

Погребение 3 (150 × 120 см, глуб. 61 см) ориентировано с незначитель-

ным отклонением С-Ю. В нем парное погребение. Оба скелета плохой сохранности. Положение скорченное, головой к северу. Один из погребенных лежал на левом, другой — на правом боку, тесно прижатые друг к другу. Возле черепов, снизу, лежал клык хиппника и обломок другого — у нижней стенки. В правом северном углу стояло два горшка с нагаром внутри (рис. 13, 8). Один сосуд близок рис. 13, 9.

Погребение 4 (150 × 80 см, глуб. 45 см) ориентировано В-З. Костяк зрелого человека лежал на левом боку, со слегка подогнутыми ногами, ориентирован на восток. Один сосуд без орнамента стоял у рук, второй — рядом (рис. 13, 7).

Погребение 5 (130 × 75 см, глуб. 55 см) ориентировано С-Ю. У северо-восточного угла к краю лежал лошадиный череп без нижней челюсти, возле которого находились обломки кола с заостренным концом. Неясно, имеет ли он отношение к черепу. В могиле парное захоронение в скорченном положении, на левом боку, головами на север. Один скелет детский, другой — зрелый, от черепа которого была лишь нижняя челюсть с обрубленными концами. В изголовье стояло четыре сосуда. Три без орнамента, четвертый орнаментирован (рис. 13, 9).

Погребение 6 (120 × 80 см, глуб. 57 см) ориентировано С-Ю. Один костяк зрелого возраста в скорченном положении, лежал на левом боку, головой к северу. Характерно его положение грудью и лицом вниз. В изголовье стоял неорнаментированный сосуд.

Погребение 7. Первоначальные размеры 125 × 100 см, глуб. 46 см. Ориентировка С-Ю. После расчистки оконтурилась яма поменьше, врезанная в первоначальную. Размеры последней 80 × 75 см, общая глубина 90 см. В ней были остатки двух разбросанных скелетов (взрослого и детского). По сохранившимся в первоначальном положении голени и ступне одного скелета ориентировка погребенных была головой на север. У щиколоток сохранившейся голени находились бронзовые гофрированные пронизки. Они аналогичны пронизкам из погребения 2. Керамика представлена двумя сосудами. Один из них без орнамента. От второго сосуда остался обломок края с уступчиком.

Погребение 8 (100 × 90 см, глуб. 55 см) ориентировано С-Ю. Детский неполный скелет был в скорченном положении, на левом боку, головой на север. Возле шейных позвонков лежало несколько пастовых острореберных бусин алакульского типа. Два сосуда с нагаром на стенках стояли в изголовье. Один из них по орнаменту близок рис. 13, 9. Второй сосуд без орнамента.

Погребение 9 (140 × 100 см, глуб. 82 см) ориентировано СЗ-ЮВ. На дне ямы были отдельные кости двух скелетов, детского и взрослого. У западной стенки *in situ* лежали бедренная и берцовая кости. Обряд погребения обычный. У северной стенки лежали две бабки лошади и сосуд (рис. 15, 6).

Погребение 10 (200 × 180 см, глуб. 80 см) ориентировано С-Ю, разграблено. В профиле бровки хорошо виден грабительский ход. Сохранился лишь обломок тазовой кости человеческого скелета.

Погребение 11 (150 × 160 см, глуб. 65 см) ориентировано С-Ю. Выкид из ямы был сброшен внутрь. Только сверху имелся тонкий слой темной земли. Костяк взрослого человека в скорченном положении, на левом боку, ориентирован на север. У левого плеча лежала костяная трубочка со срезаемыми и заточенными краями, напротив живота лежали ребра животного. В изголовье стояло два сосуда. На корпусе одного сосуда нанесено острым инструментом схематичное изображение телеги (рис. 13, 12). Второй сосуд сильно закопчен, без орнамента.

Погребение 12 (160 × 150 см, глуб. 65 см) ориентировано с незначительным отклонением, С-Ю. Два костяка хорошей сохранности лежали один за спиной другого, на левом боку, головами на север. Западный костяк, видимо женский, имел украшения: два бронзовых желобчатых браслета с закругленными суженными концами и несколько пастовых островершинных бусин. В яме стояли три горшка (рис. 15, 2, 8). Третий горшок без орнамента. Один сосуд покрыт нагаром.

Погребение 13 (140 × 85 см, глуб. 40 см) ориентировано В-З. Кости взрослого скелета разбросаны. Керамика представлена несколькими черепками с орнаментом, аналогичным рис. 15, 7.

Погребение 14 (70 × 35 см, глуб. 5 см) ориентировано С-Ю, пустое.

Погребение 15 (145 × 140 см, глуб. 65 см) ориентировано С-Ю. Три детских костяка в скорченном положении, на левом боку, головами на север. Выкид заполнял яму почти до краев. Пять сосудов стояло в изголовье (рис. 13, 10, 13; 16, 2). Два сосуда были без орнамента.

Курган 2. Диаметр 12 м, высота 85 см. Под насыпью обнаружено 11 погребений (рис. 35).

Погребение 1 (105 × 85 см, глуб. 75 см) ориентировано СЗС-ЮВЮ. Выкид из него хорошо виден в профиле бровки. Костяк детский, плохой сохранности, лежал в скорченном положении, головой на север. Два сосуда стояли в изголовье. Они по форме и орнаменту близки друг другу, а вместе — аналогичны рис. 16, 1.

Погребение 2 (130 × 100 см, глуб. 65 см) ориентировано СЗС-ЮВЮ. Здесь захоронено двое детей в скорченном положении, на левом боку, головой на север. В изголовье восточного скелета стояли два горшка. Один из них был наполнен астрагалами (35 штук), среди которых лежал костяной наконечник стрелы, четырехгранной в сечении и с круглым длинным черешком. Один сосуд орнаментирован (рис. 15, 10), второй — без орнамента.

Погребение 3 (100 × 80 см, глуб. 65 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Остатки двух детских нарушенных скелетов находились в южном углу. Найдено два клыка хищников с отверстиями на конце, два астрагала. Сосудов не было.

Погребение 4 (150 × 115 см, глуб. 40 см) ориентировано СЗ-ЮВ, пустое.

Погребение 5 (110 × 80 см, глуб. 40 см) ориентировано СВ-ЮЗ. В этом погребении единственное из первой группы курганов захоронение с трупоожжением. На грудке костей (около 100 г) лежали обломки трех сосудов (рис. 16, 11). Один без орнамента, с нагаром, в форме банки.

Погребение 6 (80 × 55 см, глуб. 35 см) ориентировано С-З, пустое.

Погребение 7 (130 × 80 см, глуб. 55 см) ориентировано СЗ-ЮВ, разграблено. Найдены два черепка с меандровым узором, 13 астрагалов и обломок детского черепа.

Погребение 8 (85 × 55 см, глуб. 41 см) ориентировано СВС-ЮЗЮ. Детский костяк в скорченном положении, на левом боку, лежал головой к северу. У живота стоял сосуд. Орнаментирован по венчику группой горизонтальных насечек.

Погребение 9 (120 × 65 см, глуб. 37 см) ориентировано СЗ-ЮВ. От костяка уцелел кусок черепной коробки. В изголовье стоял неорнаментированный сосуд. В северо-восточном углу ямы лежало несколько суставных костей животного.

Погребение 10 (115 × 60 см, глуб. 37 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Костяк взрослого человека скорчен, лежал на животе, лицом вниз. Руки были подсунуты под живот. В изголовье стоял один сосуд (рис. 15, 3).

Погребение 11 (62 × 50 см, глуб. 53 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Ребенок грудного возраста, лежал в скорченном положении, на левом боку, головой к СЗ. В изголовье стояли два неорнаментированных сосуда.

Курган 3. Диаметр 14,5 м, высота 95 см. Под насыпью было семь погребений.

Погребение 1 (95 × 60 см, глуб. 35 см) ориентировано СВС-ЮВЮ. Костяк ребенка лежал в скорченном положении на левом боку, головой на север. В изголовье стоял сосуд (рис. 16, 1).

Погребение 2 (80 × 45 см, глуб. 45 см) ориентировано СВС-ЮЗЮ, пустое.

Погребение 3 (150 × 100 см, глуб. 60 см) ориентировано СВС-ЮВЮ. В нем было три детских костяка в скорченном положении, на левом боку, головами на север. В изголовье стояло пять сосудов. Из трех неорнаментированных сосудов два — маленьких. Один сосуд близок рис. 15, 10; второй — оригинален (рис. 13, 11).

Погребение 4 (100 × 84 см, глуб. 55 см) ориентировано СЗ-ЮВ. Два детских скелета плохой сохранности лежали в скорченном положении, на левом боку, головами к югу. В изголовье стояли три сосуда и за спиной одного из костяков еще один. Два сосуда по орнаменту близки рис. 13, 9. Две банки маленького размера без орнамента.

Погребение 5 (70 × 60 см, глуб. 35 см) ориентировано СЗС-ЮЮВ. Детский скорченный костяк лежал на левом боку головой к северу. В изголовье стояли два сосуда. Один из них напоминает рис. 15, 10.

Погребение 6 (175 × 125 см, глуб. 60 см) ориентировано СВ-ЮЗ, разграблено. Найдено всего два черепка.

Погребение 7 (120 × 70 м, глуб. 37 см) ориентировано СЗС-ЮВЮ. Один костяк взрослого человека хорошей сохранности лежал головой к северу, в скорченном положении, на левом боку. К северо-западу от могилы был прослежен выкид из нее. У локтей стоял сосуд (рис. 15, 11).

Курган 4. Диаметр 18 м, высота 50 см. Под насыпью было десять погребений.

Погребение 1 (120 × 90 см, глуб. 40 см) ориентировано С-Ю, пустое.

Погребение 2 (140 × 90 см, глуб. 61 см) ориентировано с незначительным отклонением, С-Ю. Два детских скелета плохой сохранности лежали на левом боку в скорченном положении, головами к северу. В изголовье стояли три сосуда (рис. 15, 5, 7). Третий сосуд близок рис. 15, 4.

Погребение 3 (110 × 75 см, глуб. 60 см) ориентировано С-Ю. Костяк подростка плохой сохранности, лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на север. В изголовье стояли два сосуда (рис. 15, 1). Второй сосуд аналогичен рис. 15, 4.

Погребение 4 (150 × 100 см, глуб. 68 см) ориентировано СВС-ЮЗЮ. Костяк взрослого человека разбросан по дну могилы. Череп лежал в северо-восточном углу. Керамики не было.

Погребение 5 (110 × 65 см, глуб. 73 см) ориентировано С-Ю. Костяк ребенка плохой сохранности нарушен и разбросан. Два сосуда стояли в изголовье. Один аналогичен рис. 15, 4, второй без орнамента.

Погребение 6 (150 × 110 см, глуб. 85 см) ориентировано С-Ю. Разбросанные кости взрослого и детского скелетов были свалены в северо-восточном углу. Найдены обломки сосуда (рис. 15, 4) и две лошадиные бабки.

Погребение 7 (80 × 60 см, глуб. 71 см) ориентировано С-Ю. Детский костяк в скорченном положении лежал на левом боку, головой на север. В бровке имелся выкид из этого погребения. Два сосуда стояли в изголовье (рис. 15, 9). Второй сосуд аналогичен рис. 15, 4.

Погребение 8 (80 × 65 см, глуб. 59 см) ориентировано ССЗ-ЮВЮ. Детский скелет лежал на левом боку в скорченном положении, головой к северу. В изголовье стояли два неорнаментированных сосуда.

Погребение 9 (115 × 70 см, глуб. 63 см) ориентировано СЗС-ЮВЮ. Костяк зрелого человека лежал на левом боку в скорченном положении, головой на ССЗ. В изголовье стоял сосуд, близкий рис. 15, 4.

Погребение 10 (90 × 50 см, глуб. 60 см) ориентировано З-В, пустое. К востоку от ямы прослежен выкид. Один сосуд, аналогичный рис. 15, 4, найден в насыпи кургана, у северного конца бровки.

II курганная группа

Курган 1. Диаметр 16 м, высота 35 см. Единственное погребение (280 × 160 см, глуб. 76 см) ориентировано СЗ-ЮВ, разграблено. Над ямой и в засышке встречались крупные камни. На дне находились две кучки жженных костей и обломки трех сосудов. Орнамент двух из них одинаков (рис. 16, 4). От третьего сохранился лишь рельефный поддон. В могиле остались гнилушки от бревенчатого, видимо одновенечного, сруба. У края ямы были найдены черепки сосуда с прочерченным орнаментом в виде зигзагов и насечек. Сколько-либо ясную форму орнамент установить не удалось. Два таких черепка оказались в засышке погребения. По составу глины, толщине стенок, орнаменту черепки резко отличаются от описанных сосудов. В засышке погребения встретились также кости крупных домашних животных и один зуб животного.

Курган 2. Диаметр 20 м, высота 30 см. Он удален от первого кургана на 500 м. Здесь было одно грунтовое погребение (200 × 175 см, глуб. 55 см), ориентировано СЗ-ЮВ. Два взрослых скелета в скорченном положении, на левом боку лежали один за спиной другого, головой к северу. На руках западного костяка было два бронзовых желобчатых браслета с закругленными концами и один такой же браслет на руке восточного скелета. В изголовье стояло два неорнаментированных сосуда (рис. 16, 8), аналогичных по форме.

Курган 3. Диаметр 18 м, высота 30 см. Одно грунтовое погребение (200 × 195 см, глуб. 40 см) ориентировано С-Ю, разграблено. Кости двух зрелых скелетов разбросаны по дну и сохранились не полностью. Найдено много крупных гнилушек. Керамика представлена одним сосудом (рис. 16, 12).

III курганная группа

Курган 1. Диаметр 24—16 м, высота 85 см. Под овальной насыпью было девять грунтовых погребений.

Погребение 1 (100 × 70 см, глуб. 60 см) ориентировано С-Ю, пустое. В засышке встречались мелкие гнилушки.

Погребение 2 (120 × 120 см, глуб. 70 см) ориентировано С-Ю. Детский скелет плохой сохранности лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на север. В изголовье стоял сосуд (рис. 16, 7).

Погребение 3 (100 × 70 см) имеет с трех сторон заплечики глубиной 15—18 см. Общая глубина могилы с заплечиками составляет 53 см. Ориентировано С-Ю. Костяк ребенка скорчен, лежал на левом боку, головой на север. Один сосуд без орнамента стоял в изголовье.

Погребение 4 (170 × 150 см, глуб. 70 см) ориентировано, с небольшим отклонением, С-Ю. Костяк разбросан и уцелел частично. Вещей не было.

Погребение 5 (170 × 160 см, глуб. 60 см) ориентировано, с небольшим отклонением, С-Ю. Погребение разграблено: кости скелета разбросаны, вещей не было.

Погребение 6 (110 × 80 см, глуб. 40 см) ориентировано С-Ю. Скорченный взрослый костяк лежал на левом боку головой к северу. В изголовье стоял сосуд (рис. 16, 6).

Погребение 7 (105 × 70 см, глуб. 60 см) ориентировано СВ-ЮЗ. Детский скелет скорчен, лежал на левом боку, головой на север. В изголовье стоял сосуд, аналогичный рис. 16, 6.

Погребение 8 (130 × 80 см, глуб. 67 см) ориентировано С-Ю. Костяк скорчен, лежал на левом боку, головой на север. Найдены мелкие обломки какого-то бронзового изделия и несколько пастовых остроруберных мелких бусинок. В изголовье стоял сосуд (рис. 16, 5).

Погребение 9 (105 × 80 см, глуб. 70 см) ориентировано, с незначительным отклонением, С-Ю. Детский костяк, видимо девочки, лежал на левом боку, скорчен, головой к северу. На левом виске лежала подвеска из бронзы в золотой фольге. Внутри в желобке сохранились остатки сгнившей нитки или ремешка. По ребру подвески сделаны рубчики. В изголовье стоял сосуд (рис. 16, 10) и рядом с ним шесть астрагалов.

Курган 2. Диаметр 18—26 м. Под овальной насыпью было четыре погребения.

Погребение 1 (75 × 55 см, глуб. 46 см) ориентировано С-Ю. Скелет ребенка лежал скорченно, головой на север. Сосуд баночной формы без орнамента стоял прямо на месте головы.

Погребение 2 (235 × 190 см, глуб. 100 см) ориентировано СЗС-ЮВЮ, разграблено. Найдено несколько костей от крупного скелета и неорнаментированные черепки. У северо-восточного угла ямы обнаружены два костяка телят, лежавших друг к другу навстречу, так что голова первого оказалась на спине другого и наоборот. Грабительским ходом крестец телянка, лежавшего ближе к могиле, отсечен.

Погребение 3 (140 × 110 см, глуб. 75 см) ориентировано С-Ю. На дне лежали два детских скелета головой к северу, один за спиной другого. Каждого из них сопровождал один сосуд (рис. 16, 9).

Погребение 4 (176 × 110 см, глуб. 100 см) ориентировано С-Ю. Частично сохранился скелет зрелого человека. Первоначальное положение на левом боку — скорченное, головой на север. Вещей не было.

Курганная группа у с. Чернореченского

Курган 1. Насыпь земляная, диаметр 16 м, высота от погребенной поверхности 1 м. Обнаружено три грунтовых погребения.

Погребение 1 (70 × 40 см, глуб. 42 см) ориентировано С-Ю. В нем лежали отдельные кости детского скелета, ориентированного головой на север, на правом боку, с согнутыми руками и ногами. В ногах стояли два сосуда, один из них реконструирован (рис. 13, 6).

Погребение 2 (80 × 40 см, глуб. 39 см) ориентировано С-Ю. На дне лежал сильно истлевший детский скелет в скорченном положении, головой на север. В ногах лежали обломки двух сосудов (рис. 13, 4, 5).

Погребение 3 (230 × 180 см, глуб. 83 см) ориентировано С-Ю, разграблено. В нем на дне лежало несколько обломков костей человеческого скелета. Вещей не было. В насыпи кургана обнаружен сосуд (рис. 13, 1).

Курган 2 оказался пустым. Лишь в насыпи найдено несколько костей животных.

Курган 3. Насыпь земляная, диаметр 20 м, высота 90 см. Здесь было два грунтовых погребения, расположенных в северной половине кургана.

Погребение 1 (200 × 170 см, глуб. 84 см) ориентировано ССВ-ЮЮЗ, разграблено. Восточная стенка ямы имела уступ. Кроме нескольких костей скелета, видимо взрослого человека, найден обломок края сосуда (рис. 13, 2). Прослежены остатки деревянной конструкции погребения.

Погребение 2 (70 × 50 см, глуб. 43 см) ориентировано СЗЗ-ЮВВ. Истлевший детский скелет лежал на правом боку, с подогнутыми руками и ногами, головой на запад. В изголовье стоял сосуд (рис. 13, 3). В насыпи расчищено небольшое пятно с золой и угольками. Здесь же найдено два неориентированных черепка; к юго-западу от погребений, тоже в насыпи, лежали череп и кости ног лошади.

Список сокращений

АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
БФАН	— Башкирский филиал АН СССР
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ИА АН	— Институт археологии АН СССР
ИЭ АН	— Институт этнографии АН СССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАЕСВ	— Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Татарской АССР
ХЭ	— Хорезмская экспедиция
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция

Оглавление

Введение	3
I. История проблемы периодизации и хронологии бронзового века Зауралья	7
II. Памятники бронзового века Южного Зауралья	25
1. Поселения алакульской культуры	25
2. Алакульские погребения	38
3. Поселения черкаскульской культуры	54
4. Сопоставление памятников черкаскульского и замараевского типов	82
5. Черкаскульские погребения	86
III. Периодизация, хронология, вопросы культурной принадлежности	91
1. Относительная и абсолютная хронология черкаскульских памятников	91
2. О стратиграфии зауральских памятников бронзового века	96
3. Периодизация алакульских памятников	105
4. Хронология алакульских памятников	130
5. Вопросы культурной принадлежности	132
Заключение	144
Приложение	147
Список сокращений	167